

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

САМСОНОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

**«Механизмы преодоления исторической травмы: основные
исследовательские подходы и ведущие политические практики»**

5.5.1 – История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент

Артамонова Юлия Дмитриевна

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы изучения феномена травмы в социальных науках.....	26
1.1. Основные положения психоаналитического подхода к пониманию феномена травмы на индивидуальном и коллективном уровне	26
1.1.1. Становление представлений о травме в психологической науке	26
1.1.2. Роль психоанализа в становлении trauma studies как научного направления	41
1.1.3. Элементы психоаналитического подхода в исследовании травмы в рамках интеллектуальной истории.....	47
1.1.4. Трансгенерационный подход в изучении механизмов передачи коллективной травмы.....	59
1.2. Культурно-социологический подход в исследованиях травмы	68
1.2.1. Культурные травмы в диалектике социального изменения	68
1.2.2. Исследования травм в культурной социологии	78
1.3. Коллективная историческая травма как элемент исторической памяти..	87
Выводы к Главе 1	101
Глава 2. Механизмы преодоления исторической травмы в современном политическом пространстве.....	106
2.1. Модели работы с коллективными историческими травмами	106
2.2. Преодоление исторических травм в отечественной политике памяти: основные политические практики.....	125
2.3. Специфика отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей (на примере последствий большевистской политики рассказывания).....	144
Выводы по Главе 2	167
Заключение	169
Список литературы	177
Приложение 1	200
Приложение 2	201
Приложение 3	202

Введение

Актуальность темы исследования.

Вторая половина XX века стала подлинной площадкой для «мемориального бума» в гуманитарных науках. По мнению одного из его основоположников, П. Нора, к числу основных признаков наступления эпохи «всемирного торжества памяти» относится «рост общественного и научного внимания к проблемам травмы, переживаний и способов борьбы с ними»¹. «Когнитивный потенциал исследований памяти и травмы»², как подчёркивает Ф.В. Николаи, признаётся и современными учёными. Тематический спектр изучения данных феноменов с каждым годом становится всё шире, открывая возможности для новых междисциплинарных исследований. Одной из динамично развивающихся предметных областей выступает изучение исторической травмы, в частности – механизмов её преодоления.

С начала 90-х годов, как отмечает А. Ассман, в мировом сообществе можно наблюдать принципиальную трансформацию мемориальных канонов – переход от сакрифицированных к виктимизированным формам памяти: оказываясь в центре медийного внимания, фигура пассивной жертвы обретает высокую культурную значимость³. Такой подход позволяет изменить стандарты восприятия исторических событий, а также трансформирует современные процессы конструирования идентичности.

Трансформация мемориальных канонов обусловлена формированием в мировом сообществе новых, более высоких правовых и этических стандартов, отвечающих всё возрастающей потребности лиц, пострадавших от травматических событий, и их потомков в формировании массива памяти,

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 22.09.2023).

² Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры. Дисс. ... доктора философских наук : 09.00.12. – Нижний Новгород: 2018. – С. 4.

³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

выходящего за пределы групповых интересов. В этой связи существенное значение приобретают политические вопросы общественного признания травматических эпизодов прошлого: как властная, так и интеллектуальная элита сталкивается с необходимостью переоценки таких явлений как колониализм, политическое насилие, дискриминация по расовому, религиозному и иным признакам, их включения в официальный исторический нарратив.

Частота и метафоричность использования понятия «*травма*» и производных от него (как то – «*коллективная травма*», «*историческая травма*», «*культурная травма*», «*преодоление травмы*») в научной и особенно научно-популярной литературе лишь усугубляет существующий плюрализм его интерпретаций: перечисленные выше термины нередко используются в различных значениях, в зависимости от контекста исследования.

Что же касается практической работы с травмами, то в ряде государств таковая зачастую сводится к столь неконструктивным формам как забвение, замалчивание, табуирование, взаимный зачёт вины, фальсификация и т.д. Представляется, что формирование культурных образцов проработки травматического опыта не может быть успешным без тщательного теоретического изучения механизмов осознания и репрезентации исторических травм.

Ещё одна проблема, обуславливающая актуальность темы исследования: феномен инструментализации травмы – попытки легитимизировать политические цели за счёт потенциально травматических исторических эпизодов. Обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма, как отмечает Д.А. Аникин, конструирует определённую интерпретацию исторического прошлого, задавая выбор события, трагическое восприятие которого становится фактором

поддержания коллективной идентичности⁴. О схожей функциональной нагрузке травмы, её способности выступать в качестве символической матрицы и консолидирующего события пишет и С.А Ушакин⁵.

Кроме того, необходимо обратить внимание на феномен усиленного создания «образа жертвы» для использования его в политических целях, в частности, в т.н. называемых «войнах памяти», происходящих на международной политической арене. В соответствии с действующим российским законодательством ключевой задачей государства является защита исторической правды, а «умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»⁶, что закреплено в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ.

Несмотря на значимый массив глубоких аналитических работ, посвящённых проблематике травмы и памяти, подавляющее большинство из них ориентировано на исследования государственной политики памяти, при этом в фокус исследовательского внимания не попадают принципы работы исторической памяти⁷, в частности процессы детравматизации и механизмы отладки функционирования коллективной памяти. В этой связи немаловажным представляется проведение предметного теоретико-методологического анализа структуры процесса травматизации, моделей работы с коллективными травмами и конкретных механизмов детравматизации, форм институционализации травматического дискурса и

⁴ Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifika-rossiyskogo-diskursa> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵ Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать?» О памяти, травме, сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 9–11.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 22.09.2023).

⁷ Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянской культуры. – 2018. – Т.48. – С. 29.

репрезентации травматического опыта.

Одной из ключевых травматических тем, находящих своё отражение в коммеморационных практиках последних трёх десятилетий, безусловно, является тема политических репрессий. Как отмечал Р. Брубейкер, одним из основных недостатков современных исследований памяти является малое количество отличающихся от предельно общих высказываний полноценных компаративных исследований, которые не лишали бы коллективную память (в том числе и травматическую) специфических характеристик⁸. В этой связи в рамках данного диссертационного исследования предпринята попытка обратиться к изучению последствий большевистской политики рассказывания с целью системного представления особенностей отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнической общности.

Изложенное выше обуславливает актуальность разработки темы в формате теоретико-методологического исследования и позволяет сформулировать его концептуальные составляющие.

Характеристика источников и степень разработанности проблемы

В общественных науках интерес к вопросам коллективной травматической памяти на протяжении нескольких десятилетий остается неизменно высоким. На основе анализа широкого спектра научных трудов в данной области можно выделить несколько групп исследований, посвящённых проблематике исторической памяти и феномену исторической травмы.

К первой группе исследований можно отнести работы, посвящённые механизмам возникновения воспоминаний в социуме. В числе зарубежных трудов необходимо упомянуть исследования М. Хальбвакса⁹, Дж. Г. Мида¹⁰,

⁸ Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

¹⁰ Мид. Г. Дж. Философия настоящего. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. – 272 с.

П. Рикера¹¹. В отечественной науке вопросы функционирования механизмов коллективной памяти освещались в работах Ю.Д. Артамоновой¹², И.М. Савельевой¹³, Д.С. Жукова¹⁴, Т.П. Емельяновой¹⁵ и других исследователей. Специфика социального конструирования и техники мифологизации в политической сфере исследовались в трудах таких зарубежных авторов как К. Юнг¹⁶, Э. Дюркгейм¹⁷, П. Бурдьё¹⁸, П. Бергер, Т. Луман¹⁹, Р. Барт²⁰. Говоря об отечественных исследователях, работавших с данной проблематикой, следует отметить научный вклад В.Э. Багдасаряна²¹, Т.В. Евгеньевой²², А.В. Селезнёвой²³, О.Ю. Малиновой²⁴. Как зарубежные, так и отечественные учёные отмечали, что процесс воспоминания протекает под

¹¹ Рикер П. Память, история, забвения. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

¹² Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянской культуры. – 2018. – Т.48. – С. 29–40.

¹³ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Под ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – С. 170–220.

¹⁴ Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретация феномена // Interectum. – 2013. – № 1. – С. 6–16.

¹⁵ Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.

¹⁶ Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Канон++, 2019. – 305 с.

¹⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. 432 с.; Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.

¹⁸ Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб: Алетейя, 2007. – 208 с.

¹⁹ Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. Медиум, 1995. – 97 с.

²⁰ Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. – 312 с.

²¹ Багдасарян В.Э. Мировоззрение в проекции политической мифологии: генезисные основания идеологического строительства // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. - № 3. – С. 41–51.

²² Евгеньева Т.В. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 79–91.

²³ Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 158–166.

²⁴ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 114–130.

влиянием актуальных условий и потребностей общества, а также присущего ему банка ценностей, культурных установок и господствующей системы взглядов. Исследованию влияния современных процессов цифровизации на механизмы функционирования коллективной памяти уделяли внимание А.И. Миллер²⁵, А.Ф. Павловский²⁶, А.Ю. Долгов²⁷, Ф.В. Николаи²⁸, Д.А. Аникин, А.Ю. Бубнов²⁹, О.В. Головашина³⁰.

²⁵ Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 352 с.

²⁶ Павловский А.Ф. Введение. Цифровые рамки коллективной памяти. Куда ведёт цифровой поворот в memory studies? // Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей. // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 7–11.

²⁷ Долгов А.Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе: «Мы из СССР» // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 59–76.

²⁸ Николаи Ф.В. Перспективы «цифрового поворота» в memory studies // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 339–343.

²⁹ Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. – 2020. - № 1(53). – Т. 10. С. 19–28.

³⁰ Аникин Д.А., Головашина О.В. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве. // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 166–179.

Вторая группа исследований посвящена собственно феномену травмы как социальному явлению. Понятие «травматическое переживание» было впервые введено в научный оборот З. Фрейдом и Й. Брейером³¹. Созданная З. Фрейдом концепция травматического невроза как угрозы ментальной структуре индивида или сообщества³² легла в основу одного из ведущих направлений исследований травмы как социального феномена: психоаналитического подхода. Кроме того, именно З. Фрейд одним из первых выдвинул гипотезу о возможности переноса механизма травматизации из плоскости индивидуального опыта в сферу коллективного. Существенный вклад в развитие психоаналитического направления изучения травмы как социального феномена внесли такие учёные как К. Карут³³, Д. ЛаКапра³⁴, Э. Сантнер³⁵, Ш. Фелман и Д. Лауб³⁶. Социологический подход к исследованию исторических травм и отдельные вопросы травматического конструирования разрабатывался в трудах Р. Айермана³⁷, Дж. Александера³⁸, П. Штомпки³⁹, Дж. Смелзера⁴⁰.

Следующая группа исследований посвящена изучению влияния травматического начала на коллективную идентичность. Одним из первых гипотезу о возможности переноса механизма травматизации из плоскости индивидуального опыта в сферу коллективного выдвинул З. Фрейд. В работе

³¹ *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 1. – СПб: Восточно-европейский институт психоанализа. – 464 с.

³² *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С. 730–914.

³³ *Caruth C.* Trauma: Exploration in Memory. – Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1995. – 278 p.

³⁴ *LaCapra D.* History and Criticism. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 148 p.

³⁵ *Сантнер Э.* История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 389–407.

³⁶ *Felman Sh., Laub D.* Writing and Madness: Literature / Philosophy / Psychoanalysis. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 255 p; *Felman S., Laub D.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. – New York.: Routledge, 1992. – 312 p.

³⁷ *Eyerman R.* Between Culture and Politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 232 p.;

³⁸ *Александр Д.* Смысл социальной жизни: культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.

³⁹ *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. – 664 с.

⁴⁰ *Smelser N. J.* Theory of Collective Behavior. – New York: The Free Press. 1963. – 436 p.

«Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» учёный проводит параллель между развитием у очевидца травмирующего эпизода с течением инкубационного периода «травматического невроза» и формированием еврейского монотеизма как результата специфического исторического пути данной культурно-этнической общности⁴¹. В дальнейшем влияние травмы на коллективную идентичность рассматривалось в работах таких учёных как Ф.Р. Анкерсмит⁴², Р. Айерман⁴³, А. Нил⁴⁴, А.В. Фелькер⁴⁵.

Отдельную группу исследований травмы составляют работы, посвящённые механизмам передачи травматических воспоминаний между поколениями. К данной группе относятся труды Р. Лифтона, посвящённые идее связи поколений как результата процессов воображения и проецирования⁴⁶, анализ феномена «постпамяти» в жизни потомков Холокоста М. Хирш⁴⁷, теория избранной травмы В. Волкана⁴⁸, исследования трансгенерационной передачи травматического опыта Н. Абрахам и М. Тёрёк⁴⁹, Р.П. Гомолин⁵⁰, И.Ю. Романова⁵¹, изучение проблематики мест

⁴¹ *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс. – С. 915–1038.

⁴² *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.

⁴³ *Айерман Р.* Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. – 2016 – № 5. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171 (дата обращения: 22.09.2023).

⁴⁴ *Neal A.* National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. – Armonk, New York: Sharpe, 1998. – 421 p.

⁴⁵ *Фелькер А.В.* «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / Под ред. Миллера И.А., Ефременко Д.В. – М.–СПб: Нестор-История, 2018. – С. 93–109.

⁴⁶ *Лифтон Р. Дж.* Травмированное «Я» // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2002. С. 78–89.

⁴⁷ *Хирш М.* Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издание, 2021. – 355 с.

⁴⁸ *Волкан В.Д.* Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. – СПб: Издательско-торговый Дом «Скифия», 2021. – 352 с.; *Volkan V.D.* A Nazi Legacy: Depositing, Transgenerational Transmission, Dissociation, and Remembering Through Action. – London: Karnac/Routledge, 2015. – 130 p.

⁴⁹ *Abraham N., Torok M.* L'écorce et le noyau. – Paris: Aubier-Flammarion, 1978. – 494 p.

памяти П. Нора⁵². Большое внимание поиску плоскостей травматического пересечения прошлого и настоящего уделено в работах отечественных исследователей: изучение взаимосвязи постпамяти и перформативного потенциала искусства Т.И. Ерохиной⁵³, анализ проблемы формирования аффилиативной постпамяти в образовательном дискурсе Ю.В. Зевако⁵⁴.

В вопросах изучения методологических проблем исследований травмы значительную ценность представляют работы отечественных учёных: Д.А. Аникина⁵⁵, О.В. Головашиной⁵⁶, И.И. Кобылина⁵⁷, Ф.В. Николаи⁵⁸, С.А. Ушакина и Е. Г. Трубиной⁵⁹.

Аналізу процессов медиализации травмы уделяли внимание такие отечественные и зарубежные исследователи как А. Ассман⁶⁰, О.В. Мороз и Е.Г. Суверина⁶¹, Д.А. Аникин и О.В. Головашина⁶².

⁵⁰ *Gomolin R.P.* The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited // *Psychoanalytic Quarterly*. – 2019. – N 88(3). – 461–500 pp.

⁵¹ *Романов И.Ю.* Коллективные травмы – личные преодоленья. Памяти Татьяны Николаевны Пушкарёвой // *Журнал клинического и прикладного психоанализа*. – Том II. – № 4. – С. 85–90.

⁵² *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Франция–память / П. Нора, М. Озуф и др.* – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

⁵³ *Ерохина Т.И.* Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // *Ярославский педагогический вестник*. – 2017. – № 5. – С. 269–274.

⁵⁴ *Зевако Ю.В.* Формирование «аффилиативной постпамяти» об эпохе политических репрессий (на примере подростков – обучающихся 9–11 классов) // *Журнал Фронтирных Исследований*. – 2019. – № 2-2(16). – С. 390–409.

⁵⁵ *Аникин Д.А.* Травматизация прошлого: методология исследования и основные подходы // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-proshlogo-metodologiya-issledovaniya-i-osnovnye-podhody> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵⁶ *Аникин Д.А., Головашина О.В.* Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. – № 425. – С. 78–84.

⁵⁷ *Николаи Ф.В., Кобылин И.И.* Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // *История и историческая память*. 2014. №9. С. 90 – 103.

⁵⁸ *Николаи Ф.В.* Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. – М.: Флинта, 2017. – 184 с.

⁵⁹ *Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. С.А. Ушакина и Е.Г. Трубиной.* – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 903 с.

⁶⁰ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

К оценкам механизмов работы с историческими травмами в отечественном пространстве политики памяти обращались такие российские и зарубежные исследователи как В.Э. Багдасарян⁶³, А.Ю. Бубнов⁶⁴, О.Ю. Малинова⁶⁵, А.И. Миллер⁶⁶, О.В. Мороз, Е.Г. Суверина⁶⁷, Ж.Т. Тощенко⁶⁸, А. Ассман⁶⁹, Ю. Шеррер⁷⁰.

Что же касается изучения травмы рассказывания, рассмотренной в рамках диссертационного исследования в качестве примера травмы культурно-этнического сообщества, то данная тема, как один из наиболее проблемных аспектов истории российского казачества, привлекает внимание широкого круга учёных, являя собой тесную взаимосвязь политической и исторической сфер. Проведённый анализ существующей научной литературы по данной теме позволяет выделить две основные группы исследовательских

⁶¹Мороз О.В., Суверина Е.Г. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 54–70.

⁶²Аникин Д.А., Головашина О.В. Указ соч.

⁶³Багдасарян В.Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // Вестник Московского государственного областного. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 1. – С. 7–19.

⁶⁴Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 4. – С. 3–12.

⁶⁵Малинова О.Ю. Символические проекции прошлого: к пониманию феномена «коллективной памяти» // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 334–341.

⁶⁶Миллер А.И. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 210–235.

⁶⁷Мороз О.В., Суверина Е.Г. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 54–70; Суверина Е.Г. Репрезентация современности в российском кино 200-х: постсоветское как культурная травма. Дисс. ... кандидата наук о культуре : 24.00.01. – Москва, 2022. – 147 с.

⁶⁸Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: Весь мир, 2020. – 352 с.

⁶⁹Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

⁷⁰Scherrer J. Russlands neue–alte Erinnerungsorte // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2009.– URL: http://www.bpb.de/apuz/29874/russlands-neue-alte-erinnerungsorte?p=all_pamyati.html. (дата обращения: 22.09.2023).

работ. Первая группа авторов, в частности А.И. Козлов⁷¹, Е.Ф. Лосев⁷², обращаются к подробному анализу нормативных правовых актов и исторических свидетельств изучаемого периода с целью определения, используя терминологию Дж. Александера, «источника боли» и «личности преступника». Вторая группа исследователей: Е.В. Щетнёв⁷³, С.А. Кислицын⁷⁴, Г.О. Мациевский⁷⁵, П.Г. Чернопицкий⁷⁶ – обращаются к методологическим аспектам исследования проблемы: в их трудах акцент сделан на плюрализме интерпретаций термина рассказывания («этническое рассказывание», «сословное рассказывание», «внутрисословное рассказывание», «саморассказывание» и т.д.). Значительный вклад в изучение проблемы рассказывания как фактора изменения социально-политического и этнокультурного статуса казачества был внесён А.В. Соповым⁷⁷. Представлена тема травмы казачества (“decossackization”, “raskazachivanie”) и в зарубежных публикациях. В частности, оценку социально-политических последствий большевистской политики рассказывания можно найти в трудах Н. Верта⁷⁸, М. Хеллера и А. Некрича⁷⁹,

⁷¹ Козлов А.И. Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С.20–33; Козлов А.И. Рассказывание (К истории массового террора на Дону) // Родина. – 1990. – №6. – С. 43–47.

⁷² Лосев Е.Ф. Рассказывание // Волгодонская правда. – 1990. – № 41. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000040/index.shtml> (дата обращения: 22.09.2023).

⁷³ Щетнёв В.Е. Рассказывание как социально–историческая проблема // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 1997. – № 1. – С. 13–36.

⁷⁴ Кислицын С.А. «Рассказывание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20–х гг. // Возрождение казачества: история и современность: Материалы V Всероссийской (международной) конференции. – Новочеркасск, 1994. – С. 98–106.

⁷⁵ Мациевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 5 (13). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/5/matsievsky.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

⁷⁶ Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы возрождения казачества: сборник научных статей. Часть 2. – Ростов-на-Дону: издательство РГУ, 1996. – С. 84–88.

⁷⁷ Сопов А.В. Динамика социально–политического и этнокультурный статус казачества: автореферат дисс. ... доктора исторических наук : 07.00.07. – Москва: 2012. – 504 с.

⁷⁸ Werth N. The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. – Harvard University Press, 1999. – 912 p.

⁷⁹ Heller M., Nekrich A. Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. – New York: Summit Books, 1986 – 877 p.

Р. Руммеля⁸⁰, П. Холкиста⁸¹. Анализ современного возрождения казачества даётся в трудах О.В. Рвачёвой⁸², В.В. Ковалёва⁸³, И.С. Башмакова⁸⁴. Вместе с тем, несмотря на значительное количество исследований по данной тематике, необходимо отметить отсутствие обобщающих трудов, посвящённых обозначенной проблеме поиска механизмов детравматизации и изучению специфики отражения травматического события в коллективной памяти казачества как культурно-этнической группы.

Цель и задачи диссертационного исследования.

Цель исследования состоит в выявлении механизмов коллективной травматизации с опорой на основные теоретические подходы к изучению травмы как социального феномена и выработке методов работы с коллективной исторической травмой.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи.

1. Проанализировать и систематически представить основные подходы к исследованию феномена травма (психоаналитический и культурно-социологический), провести их сравнительный анализ, выявить, какие методологические особенности данных подходов могут унифицировано использоваться в изучении механизмов преодоления исторических травм.

2. Представить категорию «историческая травма» как элемент коллективной памяти, выявить её основные свойства и механизм коллективной травматизации.

3. Исследовать основные модели обращения с коллективными

⁸⁰Rummel R. Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917. – New-Jersey: Transaction Publishers, 1990. – 287 p.

⁸¹ Holquist P. “Conduct merciless mass terror”: decossackization on the Don, 1919 // Cahier du Monde Russe. – 1997. – 127–162 pp.

⁸² Рвачёва О.В. Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. – № 5. – 2010. – С. 143–147.

⁸³Ковалёв В.В. Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Том 6. - № 1(19). – С. 62–76.

⁸⁴Башмаков И.С. Гражданская активность современного российского казачества: основные формы и практики // Общество, политика, экономика, право. – 2023. - № 6. – С. 32–36.

историческими травмами.

4. Сформировать теоретическую модель работы с исторической травмой на основе методологического синтеза психоаналитического и культурно-социологического подходов к изучению травм.

5. Выявить стратегии работы с историческими травмами в российском пространстве памяти с использованием ретроспективно-исторического и структурно-функционального подходов.

6. Системно представить особенности отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания.

Объект и предмет диссертационного исследования.

Объектом исследования является коллективная травматическая память как социокультурный феномен, обладающий набором специфических характеристик.

Предметом исследования выступают механизмы коллективной травматизации и механизмы преодоления исторической травмы, выраженные в исторической политике государства, действующем законодательстве, коммеморативных практиках, образовательном дискурсе.

Хронологические рамки исследования.

Первые гипотезы о возможности коллективной травмы, построенные на допущении переноса механизма частичного возвращения вытесненного из плоскости индивидуального опыта в сферу коллективного, были сформулированы З. Фрейдом в начале XX века. Собственно же исследования травмы приобрели междисциплинарный характер в 70е гг. XX века. Рассматриваемый в исследовании пример отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей – последствия большевистской политики рассказывания охватывает временной период с принадлежит к временному интервалу с 1917 г. вплоть до сегодняшнего дня, а эмпирические базу исследования составили материалы виртуальных со-обществ, посвящённых истории, культуре и

современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 по 1 июня 2022 гг. Таким образом, хронологические рамки исследования можно определить как начало XX века – 1 июня 2022 года.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Специфика исследуемой темы обуславливает необходимость методологического синтеза. Теоретико-методологической базой исследования послужили различные концепции. Для анализа механизмов коллективной травматизации использовалась созданный З. Фрейдом алгоритм «развития невроза» (травма – защита – латентность – наступление – частичное возвращение вытесненного)⁸⁵, концепции кризиса свидетельствования Ш. Фелман и Д. Лауб⁸⁶, модели травматической последовательности Н.Дж. Смелзера⁸⁷ и П. Штомпки⁸⁸, теории социальных защит М. Джакса⁸⁹, М. Кляйн⁹⁰, П. Фонды⁹¹, теории трансгенерационной передачи травмы Н. Абрахама и М. Тёрёк⁹², идеи «избранной травмы» В. Волкана⁹³, концепция постпамяти М. Хирш⁹⁴.

Анализ механизмов травматического конструирования был проведён с опорой на теорию «социальных рамок» М. Хальбвакса⁹⁵, концепцию «смерти

⁸⁵ *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С. 730–914.

⁸⁶ *Felman Sh., Laub D.* Writing and Madness: Literature / Philosophy / Psychoanalysis. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 255 p.

⁸⁷ *Smelser N. J.* Theory of Collective Behavior. – New York: The Free Press. 1963. – 436 p.

⁸⁸ *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. – Oxford, 1993. – 348 p.

⁸⁹ *Jaques E.* Social Systems as Defence Against Persecutory and Depressive Anxiety // New directions in psycho-analysis: the significance of infant. London: Tavistock. – P. 478-498

⁹⁰ *Klein M.* Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant in: J. Riviere, Joan (Hg.): Developments in Psychoanalysis. – London: Hogarth, 1952. – 39 p.

⁹¹ *Фонда П.* Война и ментальное функционирование группы // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2017. - № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/voyna-i-mentalnoe-funkcionirovanie-gruppy> (дата обращения: 22.09.2022).

⁹² *Abraham N., Torok M.* L'écorce et le noyau. – Paris: Aubier-Flammarion, 1978. – 494 p.

⁹³ *Волкан В.Д.* Влияние массовой травмы. URL: <https://psychoanalysis.by/2019/05/09/влияние-массовой-травмы/> (дата обращения: 22.09.2023).

⁹⁴ *Хирш М.* Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издание, 2021. – 355 с.

⁹⁵ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

языка» А. Конноли⁹⁶. Основу для изучения механизма травматической репрезентации сформировали теория артикуляции травматического переживания К. Карут⁹⁷ и Р. Айермана⁹⁸, концепция косвенной репрезентации травмы Д. ЛаКапры⁹⁹, Ф.Р. Анкерсмита¹⁰⁰, а расшифровка отдельных примеров устойчивых травматических репрезентаций осуществлялась с опорой на дихотомию «утраты и структурного отсутствия» Д. ЛаКапры¹⁰¹. Модели обращения с коллективной травмой рассматривались в соответствии с типологизацией коллективных реакций на риск Э. Гидденса¹⁰², идеей классической аномии Р. Мертона¹⁰³, классификацией стратегий вытеснения А. Ассман¹⁰⁴.

Методологическую основу диссертационного исследования сформировали основные общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация) и частно-научные методы познания, являющиеся основой для изучения механизмов работы с травматической памятью в историческом сознании: системный анализ, структурно-функциональный анализ, кейс-метод (case study), ретроспективно-исторический подход, контент-анализ. Системный анализ механизмов работы с трудным прошлым в отечественном пространстве памяти позволил рассмотреть историческую политику как систему действий, направленных на консолидацию общества на основании коллективно разделяемых представлений об его истории, в частности о

⁹⁶ *Konnolly A.* Healing the wounds of our fathers: intergenerational trauma, memory, symbolization and narrative // *Journal of Analytical Psychology*. – 2011. – Vol. 5(56). – P. 607–626.

⁹⁷ *Caruth C.* Trauma: Exploration in Memory. – Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1995 – 278 p.

⁹⁸ Айерман Р. Социальная теория и травма // *Социологическое обозрение*. Т. 12. – № 1. – 2013. – С. 121–138.

⁹⁹ *LaCapra D.* Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 351 p.

¹⁰⁰ *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.

¹⁰¹ *LaCapra D.* Trauma, Absence, Loss // *Critical Inquiry*. – 1999. – N 4. – P. 696–727.

¹⁰² *Гидденс Э.* Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

¹⁰³ *Мертон С.К.* Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.

¹⁰⁴ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

неоднозначно оцениваемых травматических эпизодах. Использование структурно-функционального подхода позволило выделить практики и технологии работы с травматическим прошлым, с помощью которых политическими акторами утверждаются определённые интерпретации исторических событий, выявить ключевые модели обращения с травмой, а также обозначить основные общественные структуры, вовлечённые в данную работу на разных этапах развития исторической политики Российской Федерации. Кейс-метод был использован с целью получения системного представления об особенностях отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнической общности на примере последствий большевистской политики рассказывания. Ретроспективно-исторический подход использовался в рамках исследования для установления исторических условий, причин и предпосылок, породивших современные посттравматические явления, в частности, кризис идентичности казачества. Качественный и количественный контент-анализ эмпирической базы исследования применялся для изучения основных элементов травматического нарратива казачества и особенностей трансформации коллективной идентичности в результате травматизации.

Источниковая база исследования.

В теоретической части работы были использованы разнообразные труды отечественных и зарубежных исследователей по философии, социологии, психологии, истории и политологии. Также для проведения исследования были использованы материалы и публикации по исследуемой проблематике, представленные в печатных и электронных средствах массовой информации, а также различных интернет-источниках.

Эмпирическую базу исследования составили материалы виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 по 1 июня 2022 гг. Выбор эмпирической базы исследования обусловлен тем, что в условиях массовой «дигитализации» памяти особый пласт формирования

травматических репрезентаций представляют собой т.н. «виртуальные площадки»¹⁰⁵: на смену институционализированной коллективной памяти приходит множественная, диалогическая память, открытая для трактовок и интерпретаций, Новые формы сетевой мобилизации позволяют институтам гражданского общества и активным индивидам создавать неформализованные объединения, не связанные каркасной вертикальной структурой¹⁰⁶, что способствует активному выражению мнения их участников. Это особенно важно с учётом того, что одним из эффективных механизмов преодоления травматического переживания является его проговаривание.

Нормативно-правовую базу исследования сформировали федеральные законы Российской Федерации, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, постановления Верховного суда РФ, посвящённые вопросам реабилитации жертв политических репрессий, а также иные нормативные правовые акты, такие как «Стратегия развития государственной политики РФ в отношении российского казачества», «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» и т.д.

Положения, выносимые на защиту.

1. Психоаналитический и культурно-социологический подходы имеют следующие унифицирующие методологические предпосылки: генезис травмы в социальном пространстве сопряжен именно с проблемой воспоминаний о травмирующем опыте; как социальный феномен, травма может иметь коллективный характер; репрезентация травмы имеет ключевое значение для её преодоления и может осложняться как защитными механизмами коллективного сознания (психоанализ), так и стратегиями умолчания и квазирепрезентаций (культурно-социологический подход). В

¹⁰⁵ Ле Гофф Ж. История и память. – М: РОССПЭН, 2013. – С. 214.

¹⁰⁶ Бронников И.А. Сетевой гражданский активизм в политическом процессе России // Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. В.И. Якунина. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – С. 538.

исследовании травмы необходима методологическая комбинация подходов, в частности изучению подлежат не только собственно результаты артикуляции травмы, но и социально-политический контекст их создания.

2. Коллективная историческая травма представляет собой рассогласование между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны. Историческая травма является результатом разрыва в коммуникации, который возможен как между отдельными социальными группами (например, в результате ассиметричного насилия), так и между поколениями (в случае памяти о поступках, совершённых социальной группой, не соответствующих современным культурным принципам). Результатом дестабилизации механизмов саморегуляции коллективного сознания становится эрозия коллективной идентичности, ведущая к внутреннему расколу общества, и дезадаптация социального субъекта, выражающаяся в рисках стагнации, рецессии, дезорганизации общественной и государственной жизни, опосредованными формирующейся под влиянием травмы ригидностью мышления.

3. Реакция на коллективную травму определяется не только психологическими механизмами (вытеснения, забвения, самооправдания), но и спланированными стратегиями и директивами (как конструктивными: модель интеллектуальной историзации, модели компромиссного и диалогического памятования, так и направленными на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций: фальсификация, взаимный зачёт вины, экстернализация). С позиций психоанализа артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы. Условием детравматизации выступает упорядоченная организация памяти о прошлом,

включающая в себя приёмы пространственной и временной локализации. Особое значение в современном мире приобретает уход от монологического характера групповой памяти и выстраивание совместимых картин травматического прошлого отдельных сообществ.

4. Универсальную теоретическую модель работы с исторической травмой представляется возможным описать метафорой двухэтапного перевода: первый этап предполагает деконструкцию травматического свидетельства в результате анализа (понимание и интерпретация), второй – «перевод» травматического переживания в адаптивные образы, обеспечивающие символическое единство аудитории-носителя травмы и более широкой периферийной аудитории (репрезентация).

5. Специфика российской исторической политики в области работы с историческими травмами заключается в использовании таких стратегий проработки как легитимация артикуляции травматических переживаний, интеллектуальная историзация, компромиссное памятование, пространственная и временная локализация травматических событий для достижения универсальных форм символической повторяемости, охранительная политика в отношении исторической правды, создание устойчивых моделей воспоминания, предлагающих единые императивы действий для всех членов общества, современного и будущих поколений.

6. В основе коллективной исторической травмы лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. Специфика данной репрезентации для культурно-этнической группы, включённой в состав поликультурного общества, заключается в том, что речь идёт не о заключении мемориально-этического соглашения об определённой интерпретации исторических событий между носителями травмы и остальным сообществом, а о совместном производстве исторического знания о пережитой травме, основанной на взаимном признании и совместимости картин истории. В

противном случае, реконструкция идентичности группы может происходить не посредством встраивания себя в сообщество в целом, а за счет противопоставления ему или иных дезадаптивных практик.

Научная новизна исследования.

Научная новизна исследования состоит в разработке теоретико-методологической модели, описывающей механизм работы с коллективной исторической травмой на основе синтеза основных подходов к изучению данного феномена. Выработка модели основана на ряде иных, более частных, результатах исследования, характеризующихся научной новизной.

1. В работе даётся системное представление и сравнение ключевых методологических подходов к изучению травмы как социального феномена (психоаналитического и культурно-социологического), обоснована возможность и эвристическая ценность методологического синтеза, доказывается, с опорой на основные теоретико-методологические подходы, такое свойство травмы как коллективность.

2. Представлено авторское обоснование возможности экспансии термина «травма» в плоскость социальных наук, предложена авторская концептуализация коллективной исторической травмы как социального феномена, выявлен механизм коллективной травматизации.

3. Проведён анализ моделей обращения с коллективной травматической памятью, выявлены факторы, определяющие реакцию на коллективную травму (не только психологические механизмы, но и спланированные стратегии и директивы), выделены три наиболее эффективные модели детравматизации, встречающиеся в политических практиках современности.

4. Разработана теоретико-методологическая модель «двухэтапного перевода», описывающая механизм работы с коллективной травмой.

5. Определены основные стратегии работы с историческими травмами в российском пространстве памяти.

б. Выявлены ключевые особенности отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания.

Научно-практическая значимость исследования.

Научно-практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что её выводы уточняют и развивают ряд существующих аспектов исследования коллективной исторической травмы как социального феномена. Положения и выводы диссертационного исследования позволяют раскрыть принципиальные особенности исторической травмы как рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентаций данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны. В результате исследования предлагается теоретическая модель механизмов преодоления исторической травмы. Раскрытие ключевых особенностей коллективной исторической травмы позволяет использовать данную категорию в качестве инструмента для углубленного анализа исторической политики государства. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в преподавании курса истории и теории политики, в разработке специальных курсов, а также в рамках проведения аналитической работы, сопряжённой с изучением исторической политики различных государств. Выводы кандидатской диссертации могут представлять практический интерес при разработке и реализации исторической политики государства. Представленные положения имеют практическое значение для разработки концепций по взаимодействию институтов политической власти и общества с целью достижения консенсуса власти и общества в процессах поиска эффективных путей преодоления исторической травмы для сохранения стабильности государственного развития, исключения рисков инструментализации травм, снижения рисков

дезинтеграции общества.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов исследования обусловлена определяется постановкой исследовательской проблемы, методологией исследования, реализацией поставленных исследовательских задач. Итоги диссертационного исследования, изложенные в заключительной части работы, соответствуют заявленным во введении целям и задачам исследования.

Основные положения диссертационного исследования содержатся в публикациях автора, в том числе в статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень Аттестационной комиссии Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова¹⁰⁷.

Материалы и положения диссертационной работы были апробированы в рамках выступлений на научных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2020, 2021, 2023), Научная конференция аспирантов и студентов «Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти» (2021)¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 69–77; Самсонова Н. Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 481. – С. 84–89; Самсонова Н.Н. К вопросу об использовании категории «коллективная историческая травма» в политической науке // Вопросы политологии. – 2023. – Том 13. – №1 (89). – С. 48–57; Самсонова Н.Н. Трансгенерационный подход в изучении механизмов передачи коллективной травмы // Вопросы политологии. – 2023. – Том 13. – №4 (92). – С. 1476–1484; Самсонова Н.Н. Травма рассказывания в коллективной памяти культурно-этнической общности // Вестник Пермского университета. Серия "Политология". – 2023. – Том. 17. – № 2. – С. 71–81.

¹⁰⁸ Самсонова Н.Н. Изучение отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей (на примере последствий большевистской политики рассказывания) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2023; Самсонова Н.Н. Научные модели работы с коллективными травмами и государственная политика детравматизации в России (на материалах преодоления травмы политических репрессий советского

Структура диссертационной работы.

Структура диссертационной работы обусловлена целями и задачами настоящего исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы из 224 , трёх приложений.

периода) // Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Часть 1: Материалы международной научной конференции аспирантов и студентов [Электронный ресурс]: Материалы международной научной конференции; Москва, 27 октября 2021 года / отв. Ред. В.В. Журавлев. – СПб.: Наукоёмкие технологии, 2021. – С.24–36; Самсонова Н.Н. Понятие «историческая травма» как актуальный элемент политического знания: проблемы типологизации // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021. Самсонова Н.Н. О важности изучения механизмов преодоления исторической травмы в современном политическом пространстве // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2020.

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы изучения феномена травмы в социальных науках.

1.1. Основные положения психоаналитического подхода к пониманию феномена травмы на индивидуальном и коллективном уровне

1.1.1. Становление представлений о травме в психологической науке

Отображение влияния трагических событий на судьбу человека и социума, обнаружение и описание следов травматического в личной и общественной жизни можно обнаружить в культурном наследии любой эпохи, эпосе народов мира, мировой художественной литературе, изобразительном искусстве, исторических трудах; при этом исследователи отмечают общность основных реакций на травму, несмотря на пространственно-временную удалённость и культурное разнообразие исследуемых групп¹⁰⁹.

Устойчивое внимание научного сообщества к проблематике травмы восходит ко второй половине XIX века. Одним из первых идею о том, что истерические симптомы являются результатом травмирующих событий, выдвинул в 1859 г. П. Брике; к выводу о связи между симптомами диссоциации и мозговыми изменениями, вызываемыми травмирующим событием, пришёл в своих исследованиях и Ж.М. Шарко. Аналогичные заключения о взаимосвязи травматического синдрома (боязни) и повреждений нервной системы были сделаны Дж. Эриксоном, занимавшимся в 60е гг. XIX века изучением жертв железнодорожных катастроф.

¹⁰⁹ Федунина Н.Ю., Бурмистрова Е.В. Психическая травма. К истории вопроса // Консультативная психология и психотерапия. – 2005. – № 2. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihicheskaya-travma-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 22.09.2023).

Собственно же понятие «психическая травма» (*от греч. “trauma” – «рана»*) было впервые использовано в 1876 г. А. Ойленбургом в исследованиях нервных болезней для обозначения психологических последствий воздействия стрессового события. Описания нарушений в работе психики после столкновения с неожиданным эмоциональным потрясением присутствуют в трудах М. Принца, А. Бине и других исследователей.

Как отмечает Л.В. Трубицына, научный интерес к проявлениям психических нарушений, обусловленных травматическим стрессом, актуализировался во время гражданской войны в США¹¹⁰: в 1871 г. Д. М. да Коста описал т.н. «синдром болезненно чувствительного сердца»¹¹¹, опираясь на результаты исследования состояния здоровья ветеранов. После Первой мировой войны внимание к психоневрологически обусловленным симптомам солдат привлекалось в трудах Т. Льюиса («сердце солдата» или «синдром напряжения»)¹¹². А. Майерсом было проведено разграничение между неврологическим расстройством контузии и «снарядным шоком»: психическим состоянием, вызванным сильным стрессом.

В российской науке внимание к «нейропсихическому травматизму» уделялось в трудах Н.Н. Баженова («аффекты ужаса», наблюдаемые после Крымского землетрясения), Л.Я. Брусиловского, Н.П. Бруханского, Т.Е. Сегалова (исследования психических патологий, вызванных пережитыми населением природными катаклизмами)¹¹³, П.Б. Ганнушкина (исследования «нажитой психической инвалидности» после гражданской войны и

¹¹⁰ Трубицына Л.В. Переживание травмирующего события как проблема психологии личности. Дисс. ... кандидата психологических наук : 19.00.01. – Москва: 2005. – С. 13.

¹¹¹ Da Costa J.M. On Irritable Heart: A Clinical Study of a Form of Functional Cardiac Disorder and Its Consequences // American Journal of the Medical Sciences. – 1871. – N 61. – 17–52 pp.

¹¹² Lewis T. The Soldier's Heart and the Effort Syndrome. – New York: P.B. Hoeber, 1919. – 144 p.

¹¹³ Брусиловский Л.Я., Бруханский Н.П., Сегалов Т.Е. Землетрясение в Крыму и нейропсихический травматизм. – Ленинград: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1928. – 106 с.

революции)¹¹⁴. Широко известна метафора Н.И. Пирогова: война есть «травматическая эпидемия».

В европейском научном сообществе к началу XX века сформировались две теоретические модели понимания психической травмы: модель диссоциации как реакции на травму П. Жане, подчёркивающая патогенную роль «шоковых эмоций», и модель фиксации психики на вытесненных травматических переживаниях Ж. Брейера и З. Фрейда. Несмотря на ряд существенных различий как в теоретико-методологическом, так и в практико-клиническом плане, данные модели объединяла следующая предпосылка: убеждение в психологической природе травмы. В рамках данных моделей само по себе отдельное событие не расценивалось как травматическое; определить его травматический статус представлялось возможным, только наблюдая последствия, которое оно имело для психической жизни индивида. Именно поэтому важно разграничивать термины «травматическое событие» и собственно «травма»¹¹⁵, смешение которых в клинической и научной литературе не способствует выстраиванию чётких теоретико-методологических оснований изучения травматизации как индивидуального и группового явления. Особое значение такое разграничение приобретает в общественных науках, имеющих своей целью выявление закономерностей поведения социальных групп в стрессовых условиях и алгоритмы нормализации общественной жизни.

В теории П. Жане, основанной на представлении о личности как о структуре, явление диссоциации описывается как «разделение между системами идей и функций, составляющих личность»¹¹⁶. Истерические симптомы связываются с существованием сепарированных элементов

¹¹⁴ Ганнушкин П.Б. Об одной из форм нажитой психической инвалидности // Труды психиатрической клиники Первого Московского государственного университета. 1926. – Вып. II.

¹¹⁵ Ван дер Харт О., Нейенхэус Э., Стил К. Структурная диссоциация личности. Основные положения // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 2. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/strukturnaya-dissociaciya-lichnosti-osnovnye-polozeniya> (дата обращения: 22.09.2023)/

¹¹⁶ Janet P. The Major Symptoms of Hysteria. – New York: Macmillan, 1907. – 332 p.

личности (подсознательных фиксированных идей), обладающих способностью к автономному развитию. В соответствии с описанной П. Жане иерархией тенденций к действию, получая внешний стимул, индивид может отреагировать на него действиями разного уровня сложности: элементарными (рефлекторными), действиями среднего уровня сложности (дореклексивными, опосредованными существующими стереотипами) или рефлексивными (высшими, продуманными) действиями, демонстрирующими возможность глубокого осмысления реалий мира. Каждый из описанных уровней сложности отличается собственными показателями эффективности в достижении целей: продуманные действия направлены на достижение долговременных целей, действия среднего уровня эффективны в поле краткосрочных целей, действия же рефлекторные (автоматические) лишены аналитического импульса и потому зачастую неадаптивны и неэффективны: именно они преобладают в поведении индивида, получившего психическую травму; при выполнении автоматических действий индивид нецелесообразно расходует «психическую энергию», блокируя возможность действий высшего уровня. Патогенез диссоциации связан с травмирующим событием, которое становится подсознательным, сужая поле сознания и ограничивая возможность индивида действовать рационально, тем самым снижая эффективность принимаемых им решений. При этом П. Жане отмечал, что в состоянии транса травмированные индивиды оказывались способными к автоматическому и детальному воспроизведению опыта, в то время как их сознательное состояние сопровождалось полной амнезией.

В то время как в трудах П. Жане основное внимание было направлено на психологию посттравматического поведения, в теории З. Фрейда и Ж. Брейера акцент делался на роли защитных механизмов в преодолении психотравмы.

В работе «О психическом механизме истерических феноменов» (1893) З. Фрейдом и Й. Брейером сделан следующий вывод о патогенезе травматических расстройств: «В травматических неврозах действующей

причиной заболевания является не незначительная психическая рана воздействия испуга – а психическая травма... Любое переживание, которое вызывает расстраивающие аффекты, такие как аффекты испуга, тревоги, стыда или физической боли, может действовать в качестве травмы такого рода»¹¹⁷. Исследователи подчеркивали ключевую роль воспоминаний в работе с последствиями травматических событий. Травма интерпретировалась исследователями как конструкт, указывающий на отсутствующее воспоминание или нежелание вспоминать определённый травматический опыт прошлого. Первооснову травматического эффекта при этом представляет не непосредственно пережитый опыт, а символический возврат к нему в форме навязчивого воспоминания. Обращение к определённому роду «следам в памяти» в ходе терапии позволяет обнаружить ранее пережитый опыт травматического характера и придать ему форму высказывания, тем самым, заполнив сформировавшийся мнемонический пробел, восстановив целостную картину представлений субъекта о себе и произошедшем. Вот как описывает данный феномен З. Фрейд: «К великому нашему изумлению, мы заметили, что отдельные истерические симптомы исчезали раз и навсегда, когда удавалось со всей ясностью воскресить в памяти побудительное событие, вызывая тем самым и сопровождающий его аффект и когда пациент по мере возможности подробно описывал это событие и выражал аффект словами»¹¹⁸.

Безусловно, научные изыскания З. Фрейда весьма обширны, по этой причине в рамках данного исследования автор позволяет себе остановиться лишь на тех новациях фрейдистского учения, которые обладают эвристической ценностью в рамках исследования исторических травм и механизмов их преодоления.

¹¹⁷ Брейер Й., Фрейд З. О психическом механизме истерических феноменов. – М.: ERGO, 2018. – С. 68.

¹¹⁸ Там же.

1. Структурная теория психики.

Основной предпосылкой психоанализа, дающей науке возможность анализировать патологические процессы душевной жизни, выступает деление психики на сознательное и бессознательное¹¹⁹. Типичным примером бессознательного является вытесненное. Вытеснение – это состояние, в котором те или иные представления пребывают до их осознания; сила, приводящая к вытеснению и поддерживающая его, определяется как сопротивление.

Структурная теория психики З. Фрейда предполагает три основные инстанции психики: *Оно*, *Я (Эго)* и *сверх-Я (идеальное Я)*. *Оно* – это компонент психического аппарата, функционирующий в бессознательном и сопряжённый с реализацией возникающих потребностей. *Я* представляет собой связную организацию душевных процессов в одной личности¹²⁰; его функция – контроль над вынесением возбуждения во внешний мир и обретение средств адаптации со стороны *Оно*, *Сверх-Я* и вызовов окружающей действительности. *Я* выступает источником вытеснения, т.к. благодаря нему «известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но также из других областей значимости и деятельности»¹²¹. *Сверх-Я*, в теории З. Фрейда, напротив, представляет собой элемент психической конституции личности, препятствующий забыванию. Отношения между *Я* и *Сверх-Я* осмысляются через разлом между *Я* и его идентификационными нагрузками.

Побудителем *Я* к использованию защитных механизмов выступает тревога. *Я* может распознавать разницу между тревогой, возникающей в случае актуальной опасности, застающей врасплох (автоматической тревогой), и сигнальной тревогой, наблюдаемой в случаях угрозы¹²².

¹¹⁹ Фрейд З. Я и Оно. – Ленинград: Academia, 1924. – С. 7.

¹²⁰ Там же. – С. 12

¹²¹ Там же.

¹²² Фрейд З. Торможение, симптом и тревога // Истерия и страх Зигмунд Фрейд. – М.: Фирма СТД, 2006. – С. 227–308.

Анализируя учение З. Фрейда, И.Ю. Романов описывает роль Я в механизме травматизации следующей формулой: «Травма травматична в соотношении со способности Эго справиться с ней»¹²³. Таким образом, как отмечает Д.Г. Климась, «травмирующим событием можно считать такое событие, которое в индивидуальном случае превышает возможности оптимального функционирования защитного фильтра, и эффект которого выходит за рамки временного отрицания произведенного ущерба»¹²⁴.

2. Признаки травмы.

В работе «По ту сторону принципа наслаждения» (1920) З. Фрейд отмечает, что науке известно особое состояние, возникающее после тяжелых механических потрясений и иных несчастных случаев, связанных с опасностью для жизни, именуемое «травматическим неврозом»¹²⁵. После окончания Первой мировой войны в поле медицинского наблюдения появляется значительное количество пациентов с подобными симптомами, работа с которыми окончательно исключает возможность соотносить травматический невроз сугубо с механическими повреждениями нервной системы. Анализируя работы З. Фрейда, можно выделить несколько основных признаков травмы как психического феномена.

1) Угроза ментальной структуре объекта.

В силу того, что сила переживания превышает способность индивидуальной психической проработки (осмысления), травматическое событие ведёт к возникновению тревоги неясного генеза, фрустрации, сопряжённой с неспособностью травмированного субъекта определить

¹²³ Романов И.Ю. Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкарёвой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. – Том II. – № 4. – С. 78.

¹²⁴ Климась Д.Г. Обзор книги «Понимание травмы. Психоаналитический подход» под ред. К. Гарланд, 2-е дополненное издание, 2002 // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2010. – №1. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/obzor-knigi-ponimanie-travmy-psihoanaliticheskiy-podhod-pod-red-k-garland-2-e-dopolnennoe> (дата обращения: 22.09.2023).

¹²⁵ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С. 741–742.

причину нарушения привычного душевного состояния. Возникает нарушение естественного мнемонического механизма, выражающееся в возникновении патологического механизма травматического повторения: в силу защитных реакций сознание пытается вернуться в дотравматический момент, чтобы подготовить себя к нему.

2) Неожиданность столкновения с травмирующим событием.

Основной причиной, вызывающей патологические состояния, оказывается «момент неожиданности и страха»¹²⁶. Анализируя специфику дискомфортных ощущений, З. Фрейд проводит четкое разграничение между понятиями «боязнь» и «испуг». Боязнь – это состояние ожидания опасности и подготовки к ней, даже если опасность неизвестна. Испуг – это состояние, в которое индивид впадает, очутившись в опасности, к которой он не подготовлен (в том числе – боязнью); оно «подчеркивает момент неожиданности; в боязни есть что-то, что предохраняет от испуга, а значит, и от невроза испуга»¹²⁷. Травма, как событие, произошедшее слишком рано или внезапно, прежде, чем индивид был к нему готов, связана именно с испугом. В этой связи весьма примечательно сделанное З. Фрейдом в ходе работы с ветеранами Первой мировой войны наблюдение о том, что наличие серьезного ранения зачастую нивелирует возникновение травматического невроза. Учёный объяснял данную закономерность следующим образом: «Механическая сила травмы освобождает то количество возбуждения, которое вследствие недостаточной подготовки к боязни действует травматически»¹²⁸. Интерпретируя данное утверждение в духе популярной теории травмы¹²⁹, можно предположить, что наличие конкретного, осязаемого, легко осмысляемого впечатления, активизирует механизм рационального поведения индивида, помогает ему сфокусироваться на

¹²⁶ Фрейд З. Указ. соч. – С. 742.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. – С. 763.

¹²⁹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 8–10.

доступном источнике «боли», распределить ответственность за произошедшее и принять четкие меры по нормализации ситуации. Именно поэтому симптомы травмы, обозначившиеся на биологическом или структурном уровне, легче поддаются излечению или коррекции, нежели симптомы культурного плана¹³⁰.

3) Латентность.

Важнейшей, с точки зрения применения психоаналитических механизмов в исследовании исторической травмы, является одна из поздних работ З. Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия»¹³¹, в которой учёный описал корреляцию между историческим процессом и травматическим опытом. На основе анализа клинических случаев З. Фрейдом была выведена следующая формула описания развития невроза: «ранняя травма – защита – латентность – наступление невротического заболевания – частичное возвращение вытесненного»¹³². В основу данной формулы положены два основных утверждения:

1) непосредственные (очевидные) «результаты» травмы не являются единственными ее последствиями;

2) события агрессивного содержания, вытесненные из сознания, после латентного периода вновь приобретают возможность влиять на психологическую конституцию индивида или общества и способствовать возникновению реакций, схожих с невротическими симптомами.

3. Формы травматических реакций.

В теории З. Фрейда выделяется две основных формы травматических реакций: деструктивная – меланхолия, конструктивная – скорбь¹³³. Поводы для возникновения этих реакций общие: травматическое переживание, утрата

¹³⁰ Подробнее о сферах травматических симптомов: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 10–11.

¹³¹ Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс. – С. 915–1038.

¹³² Там же. – С. 984.

¹³³ Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. – М.: Республика. – С. 252–260.

любимого человека или, что более применительно для характеристики истока травмы исторической, некой социально значимой ценности, положительного представления о себе, принадлежности к общности и т.д.

Механизм работы скорби представляет собой воспоминание и символическое (не буквальное) повторение травмы, служащее её освоению и адаптации к жизни без исчезнувшего индивида, социальной структуры или идеала, в результате чего с течением времени происходит имплементации травматического факта в процессы самоосмысления и самоидентификации. Связь с прошлым не утрачивается, однако между прошлым и настоящим осмысляется разумное расстояние, позволяющее отличить одно от другого. Травматическое прошлое обретает функциональную нагрузку ценного урока, способствует выработке охранительных механизмов, способных либо уберечь индивида от повторения подобной ситуации, либо служить моделью поведения при разрешении аналогичной проблемы. Именно поэтому скорбь не является паталогическим состоянием: предполагается, что с течением времени она будет преодолена. З. Фрейд пишет: «Нормой является ситуация, когда принцип реальности одерживает победу»¹³⁴. Меланхолия же намного в меньшей степени связана с внешним миром, она ведёт к самобичеванию и замыканию, бесконечному и неконструктивному проигрыванию травматической ситуации, «срастанию» с ней, что приводит к дезадаптации как коллективного, так и индивидуального субъекта. Травма становится своего рода символической матрицей, опосредующей восприятие реальности, она ограничивает возможность индивида реагировать на внешние вызовы, воспринимать трансформации внешней среды, препятствует интеграции носителя травмы в жизнь динамично изменяющегося общества.

Описанная типологизация травматических реакций впоследствии будет использоваться последователями З. Фрейда.

4. Предпосылки изучения коллективных травм.

¹³⁴ Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. – М.: Республика. – С. 253.

Как подчёркивал П. Рикёр, З. Фрейд сводил к минимуму различие между психологической и социологической областями, опираясь на существование глубинной аналогии между индивидом и группой¹³⁵. Гипотеза З. Фрейда о возможности коллективной травмы строится на возможности переноса механизма частичного возвращения вытесненного из плоскости индивидуального опыта в сферу коллективного: «в жизнь рода человеческого»¹³⁶, в частности с помощью анализа коллективной памяти и травмы на примере истории еврейского народа в знаковом труде «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия». Как подчёркивает Л. Каплан, З. Фрейд ставит перед собой цель «предложить исторический сценарий, который объяснял бы еврейскую психологию», «изучить происхождение парадоксальной, но <...> неоспоримой комбинации еврейского чувства собственного достоинства и еврейской вины»¹³⁷. Теория строится вокруг травмы отцеубийства в первобытном обществе, описанной ранее в работе «Тотем и табу» (1912), и повторении этого акта при убийстве вероучителя «во время восстания своего непослушного и строптивого народа»¹³⁸, ставшем, по мнению З. Фрейда, одним из ключевых аспектов иудейской истории: вытесненное из сознания преступное деяние составило скрытый подтекст библейской традиции, придавая ей специфически принудительный характер.

Анализируя работу З.Фрейда, Й.Х. Ерушалми указывает, что, по своей сути, монотеизм представляет собой возвращение вытесненного в течение продолжительного периода политеизма воспоминания о жестокой традиции убийства прародителя сыновьями в форме единого и всемогущего Бога. Автор интерпретирует откровение Моисея о едином Боге как декларацию

¹³⁵ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Канон-пресс-Ц, 2002. – С. 189.

¹³⁶ Рикёр П. Указ. соч. – С. 189.

¹³⁷ 67. Kaplan J. Moses, Murder, and the Jewish Psyche // Jewish Review of Books. – 2018. – URL: <https://jewishreviewofbooks.com/articles/3051/moses-murder-jewish-psyche> (дата обращения: 22.09.2023).

¹³⁸ Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. – М.: Эксмо-Пресс. – С. 944.

необходимости воссоединения и примирения с утраченным отцом, тоска по которому неосознанно присутствует в жизни человечества¹³⁹. Согласно толкованиям З. Фрейда, Моисей, стоявший у истоков исхода иудеев из Египта, был убит ими в результате волнений, а его деяния преданы забвению. Спустя несколько поколений, согласно разбору З. Фрейда, еврейский народ принял новую монотеистическую религию, основанную на поклонении богу вулканов Яхве. Таким образом, имело место вытеснение памяти об убийстве Моисея, уведшего избранный еврейский народ из Египта, произошла ассимиляция бога, веру в которого исповедовал Моисей, и бога Яхве и соединение двух, разделённых пространственной и временной дистанцией исторических фигур (Моисея-египтянина и Моисея-жреца) в одну личность, отождествляемую, в интерпретации З. Фрейда с фигурой отца.

Весьма примечательна в данном контексте описанная З. Фрейдом трансформация вытесненного: строгие нравственные рамки религии блокируют возможность непосредственной артикуляции изменений в иерархии отношений с «отцом» (правителем, Богом и т.д.). Подобное табуирование приводит к единственному доступному способу выражения «амбивалентного отношения» (трансформации отношения к отцу от безусловной любви к неприятию) в модель «сознание вины из-за этой враждебности»¹⁴⁰, что и ложится в основу иудаизма как религии. При этом неотрефлексированное происхождение имеет иной характер: чувство избранности Богом, является одним из элементов позитивного представления еврейского народа о себе, как основы коллективной идентичности; однако, положение об избранности может входить в противоречие со сложностями исторического пути народа и перенесёнными им испытаниями; оправдать такие испытания, не отказываясь при этом от нарратива «избранности» можно через нарратив «справедливого наказания», следующего за

¹³⁹ Yerushalmi J.H. Freud's Moses: Judaism Terminable and Interminable. – New Haven: Yale University Press, 1991. – 192 p.

¹⁴⁰ Фрейд З. Указ. соч. – С. 1037.

совершенные ошибки, ту самую «враждебность по отношению к фигуре отца».

Рассуждая о переходе от индивидуальной психологии к психологии масс в изучении возвращения вытесненного и анализируя влияние травматического начала на исторический процесс, З. Фрейд подчёркивает схожесть индивидуального и коллективного субъектов: «Сходство между индивидом и массой почти полное, хотя впечатление массы от прошлого сохраняется в виде бессознательных следов памяти»¹⁴¹. По мнению учёного, для проявления следов пережитого травматического опыта требуется ряд условий. Забытое сохраняется в памяти, будучи изолированным с помощью «противоположно направленной фиксации»¹⁴², не вступая в связь с другими интеллектуальными процессами. При этом вытесненное обладает способностью «прорваться в сознание»¹⁴³ в случае снижения силы противоположной фиксации, усиления вытесненной части побуждения, например, при возникновении новых переживаний, созвучных вытесненному в такой мере, что они способны буквально «оживить» последнее¹⁴⁴. Так, в мире политического умелое обращение к «неактивным», существующим лишь в форме символических воспоминаний коллективных травм способно стать побудительным мотивом мобилизации отдельных групп для выполнения политически-мотивированных действий. О схожих механизмах инструментализации т.н. «избранных травм» пишет В. Волкан¹⁴⁵.

З. Фрейд приходит к выводу, что «в психической жизни индивида действует, видимо, не только его собственное переживание, но и содержимое, полученное при рождении, отчасти филогенетического происхождения – архаическое наследие, содержащее определенные

¹⁴¹ Там же. – С. 998.

¹⁴² Фрейд З. Указ. соч. – С. 998.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. – С. 1037.

¹⁴⁵ Волкан В. Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. – СПб: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2021. – 352 с.; 79. Volkan V.D. A Nazi Legacy: Depositing, Transgenerational Transmission, Dissociation, and Remembering Through Action. – London: Karnac/Routledge, 2015. – 130 p.

наклонности, свойственные всем живым существам, т.е. способности и склонности выбирать правила направления развития и особым образом реагировать на определенные раздражители, впечатления и побуждения»¹⁴⁶. На первом месте здесь стоит всеобщность языковой символики. Ученый полагал, что «изучение реакций на ранние травмы позволяет обнаружить, что они не строго соответствуют своему реальному переживанию, а дистанцируются от последнего способом, который гораздо лучше подходит филогенетическому явлению»¹⁴⁷. Общность анализа индивидуального и массового сознания с позиций фрейдизма строится на допущении сохранения воспоминаний в общем «архаическом» наследии, в частности, речь идёт о «следах воспоминаний о событиях с предшествующими поколениями»¹⁴⁸. По мнению исследователя, вхождение воспоминания в архаическое наследие обуславливается его важностью и регулярной повторяемостью; активизация же, т.е. вторжение в сознание из своего бессознательного состояния, пусть и в изменённом и искажённом виде, такого воспоминания может быть опосредована пробуждением следа воспоминания благодаря актуальному реальному повторению события (например, убийство отца, убийство Моисея, убийство Христа – «как будто именно без этих инцидентов не могло обойтись рождение монотеизма»)¹⁴⁹.

3. Фрейд проводит символическую параллель между состоянием «травматического невроза», выражающегося в появлении у очевидца несчастного случая совокупности тяжелых психических и моторных симптомов по истечении инкубационного периода и историческими повторениями определённых событий, обуславливающих формирование отдельно взятого общества и его культуры (например, еврейского монотеизма), называя в качестве общей характеристики данных, на первый взгляд, не связанных феноменов, латентность – способность травматического

¹⁴⁶ Фрейд З. Указ. соч. – С. 1001.

¹⁴⁷ Там же. – С. 1002–1003.

¹⁴⁸ Там же. – С. 1003.

¹⁴⁹ Там же. – С. 1004.

переживания долгое время не проявлять себя в доступной к наблюдению и анализу форме. Как отмечает Е.Г. Суверина, в теории З. Фрейда повторение (возврат вытесненного), представляющее собой след произошедшего события, «есть сама суть исторического события в рамках современности»¹⁵⁰. Анализ же вытесненного прошлого, необходимый для объяснения причинно-следственных связей происходящего и, в определённом смысле, для прогнозирования дальнейшего развития событий и оказания влияния на наиболее благоприятный их исход (З. Фрейд данным вопросом, разумеется, ещё не задаётся) возможен посредством изучения т.н. следов-симптомов, косвенно проявляющимися в ткани бытия индивида и общества в форме нарушения логики изложения исторических событий, разрывов и лакун исторического процесса.

Следует отметить, что работы З. Фрейда «Тотем и табу» и «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», ставшие основанием для применения психоаналитических методов в дальнейших исследованиях исторического характера зачастую подвергаются критике исследователями травмы, поскольку понятие «травма» в них используется не только и не столько применительно к травме жертвы, как применительно к травме преступника, приобретающей культуuroобразующий характер. В научном сообществе принято не только разделять травму преступника и травму жертвы, но и, кроме того, использовать понятие травмы, по большому счету, применительно к специфическому опыту жертв, о чем пишет немецкая исследовательница А. Ассман, полагая, что это по этой причине З. Фрейда нельзя в полной мере считать основоположником современных исследований психотравматики¹⁵¹. Вместе с тем, учение З. Фрейда получило широкое распространение и множество последователей, в том числе в плоскости социальных наук, а заложенная учёным установка на «архивные раскопки

¹⁵⁰ Суверина Е.Г. Репрезентация современности в российском кино 200-х: постсоветское как культурная травма. Дисс. ... кандидата наук о культуре : 24.00.01. – Москва, 2022. – С. 40.

¹⁵¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 100–101.

прошлого» (примером является исследование природы монотеистической религии) стала одной из основополагающих в социокультурных исследованиях травмы и нашла своё отражение в работах последователей.

1.1.2. Роль психоанализа в становлении trauma studies как научного направления

Начало рецепции психоанализа в исследованиях общества, истории и культуры положили труды неофрейдистов, обращенные к изучению исторической природы психических свойств и функций человека. Так, К. Хорни в своих трудах обращалась к проблеме раскрытия культурно-исторической основы «неврозов времени», полагая, что они сопряжены с глобальными процессами становления европейских и американских сообществ¹⁵². Э. Фромм утверждал, что характер человека, как устойчивое психическое образование, включает в себя относительно неизменное общее начало для всех членов группы, выступающее продуктом адаптации к социальным условиям, результатам общего, зачастую травматического исторического пути (эксплуатация, стяжательство и т.д.)¹⁵³.

Ф.В. Николаи констатирует глубокую полемику, вызванную попытками имплементации концептуального аппарата психоанализа в сферу общественного знания, сопряжённую с осмыслением эвристической ценности отдельных понятий¹⁵⁴. По мнению П. Левенберга, использование категорий психоанализа в общественных науках имеет существенный потенциал: «Фрейдовский анализ страха как угрозы беспомощности и отчаяния является политической и исторической категорией, весь спектр импликаций которой ещё не изучен»¹⁵⁵, а также определяет нагрузку концепта травмы как «теоретическую связь между индивидом и социальной

¹⁵² Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М.: Прогресс-Универс, 1993 –. 478 с.

¹⁵³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2007. – 624 с.

¹⁵⁴ Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры. Дисс. ... доктора философских наук : 09.00.12. Нижний Новгород: 2018. – С. 81.

¹⁵⁵ Loewenberg P. Fantasy and Reality in History. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 158–159.

группой»¹⁵⁶ (от малых групп до поколений, наций и мирового сообщества в целом).

В 70е гг. XX века исследования травмы приобрели междисциплинарный характер благодаря организованной американским исследователем Р. Дж. Лифтоном совместной работе психоаналитиков и психотерапевтов по поддержке ветеранов вьетнамской войны, направленной на поиск специфических форм артикуляции военного опыта¹⁵⁷. Междисциплинарность исследования (связь между психолого-терапевтическими и этико-политическими вопросами) была сопряжена с комплексом проблем, включавшем, в том числе, и политическую и этическую ответственность за войну, участие медиа в трансформации памяти. В результате исследований в 1978 г. была предложена категория «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР), применяемая при работе с симптомами, возникающими в результате столкновения с травматической ситуацией, в том числе и для симптома патологического повторения (воспоминаний). Интересно отметить, что данная симптоматика объяснялась прежде всего личным опытом каждого из носителей травмы, а не социально-культурной природой дезадаптации ветеранов, а особое внимание в исследовательской работе уделялось сравнительному анализу травматических симптомов жертв различных травматических событий, и, безусловно, оценке существующих терапевтических методик преодоления травмы. В теории Р. Дж. Лифтона результатом травмы является феномен «травмированного Я», буквально, внутренняя символическая смерть; механизм преодоления такого состояния сводится к «формообретению», т.е. развитию новых внутренних форм, включающих травматическое событие, посредством поиска его смысловой нагрузки и устранения прерывистости жизненной истории. В результате дальнейшая жизнь индивида или группы

¹⁵⁶ Loewenberg P. – P. 158–159.

¹⁵⁷ Николай Ф.В., Кобылин И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России. Кухонные разговоры с ветеранами локальных конфликтов // Логос. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 117.

должна выстраиваться с учётом пережитого и на основе извлечённого опыта. В случае же, если такая задача не решена, то человек остаётся погружён в состояние меланхолии под гнётом неразрешённых конфликтов, психического оцепенения и неконструктивного гнев¹⁵⁸.

Ключевой методологической предпосылкой *trauma studies* как научного направления стало противопоставление концептов «травмы» и «памяти» (применительно к американскому обществу концепт «травма» отражал политическую посылку левых радикалов, а концепт «память» соответствовал стремлению республиканцев сакрифицировать войну), а также использование логики метонимии и интерационализации (подстановки себя на место жертвы ради получения доступа к опыту Другого во всем его травматическом избытке)¹⁵⁹. Предпринимаются попытки осмысления истории как череды разрывов, порождающих ситуации, когда становится необходимым пересмотр ценностных и социальных структур. В отличие от официального дискурса, представляющего историю государства как череду последовательных побед, история разрывов имеет нелинейный характер.

Преобладающая линия формирующихся *trauma studies* в качестве модели ориентировалась на превалирующий нравственный дискурс конца XX века: жертвенный нарратив Холокоста. Ф.В. Николаи отмечает, что «в рамках данного нарратива травма как социальное явление включала в себя три компонента: предельное событие прошлого, разрыв в репрезентации и невозможность свидетельства о прошедшем»¹⁶⁰.

В изданном в 1992 г. труде «Показания: кризис свидетельства» Ш. Фелман и Д. Лауб определили историческую травму как состояние социума, пережившего катастрофические события и не способного каким-либо образом его артикулировать. Учёные охарактеризовали XX век как

¹⁵⁸ Лифтон Р.Дж. Травмированное «Я» // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2002. – С. 78–89.

¹⁵⁹ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Указ. соч. – С. 117–120.

¹⁶⁰ Там же.

посттравматический, а в качестве априори присущей ему дискурсивной модели выделили свидетельство. Особое внимание исследователей привлекла проблема исторического свидетельства: в духе фрейдистской теории ими отмечалось, что сам по себе момент травматического скрывается в латентном периоде и может проявляться только в факте воспоминания (повторения), когда его след проявляет себя во вторичной обработке: репрезентации или интерпретации произошедшего¹⁶¹. Ш. Фелман акцентирует внимание на противопоставлении «нейтральных» исторических источников и субъективных свидетельских показаний. Последним присущи одновременно два свойства: с одной стороны, носитель экзистенциального свидетельства испытывает глубокую потребность выразить его, что вызвано бесконечным проживанием травмы, погружением в неё (в силу нарушения мнемонических механизмов носитель травматических переживаний находится в состоянии патологического повторения, препятствующего нормальной жизни); с другой стороны, имеет место кризис свидетельствования: нарушение возможностей артикуляции травматического переживания, вытесненного в область бессознательного. В поисках неартикулируемых следов травматического, сохраняющихся в искусстве, литературе, образности свидетельских показаний, Ш. Фелман затрагивает вопрос о междисциплинарности исследований травм, обосновывая необходимость объединения истории, литературы и терапии. Работа со свидетельством как дискурсивной практикой в теории Ш. Фелман не сводится к простому описанию прошедших событий, её подлинная цель – переосмысление последствий травматических последствий в современном исследователю мире.

Своего рода ответом на концепцию травмы как кризиса свидетельствования выступает сформированная К. Карут теория травмы как

¹⁶¹ Felman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. – N.Y.: Routledge, 1992. – 312 p.

«неостребованного опыта, властвующего над теми, кто его пережил»¹⁶², в соответствии с которой люди, испытавшие травму, становятся фактически «носителями истории, которая им не вполне принадлежит», поскольку они не могут её освоить¹⁶³.

Исследуя функциональную нагрузку травмы, К. Карут отмечает, что переживания, испытываемые индивидом после столкновения с травмирующим событием, не являются лишь неконструктивным отклонением от нормы; фактически они выступают способом связи, посредством которого прошлое может снова существовать в настоящем. Механизм возникновения подобного переживания К. Карут объясняет с использованием фрейдистского подхода, подчёркивая несводимость травмы к конкретному эпизоду, имевшему место в прошлом: временная локализация травмы – промежуток между прошлым и настоящим. Непосредственно в момент травмирующего события индивид не способен его оценить и осмыслить, предельное событие воспринимается как таковое исключительно в процессе осмысления, который, в свою очередь осложнён защитными механизмами сознания. Сила травмы заключается в «радикальном темпоральном разрыве между видением и знанием»¹⁶⁴. Именно поэтому сознание индивида пытается вернуться в дотравматический период, чтобы подготовиться к нему, что влечет за собой травматическое повторение. Парадокс травматического повторения заключается в том, что индивид возвращается назад, чтобы запомнить событие, интегрировать его в свою личностную целостность, но вместо этого он лишь вынужден повторять его снова и снова.

В качестве механизма осознания неостребованного опыта К. Карут использует концепцию *пробуждения*, раскрываемую посредством метафоры

¹⁶² Карут К. Литература и травма. Расшифровка видеолекции. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/52661> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 527.

«голоса сквозь рану» (“voice through the wound”¹⁶⁵). В работе «По ту сторону принципа наслаждения» З. Фрейд использует сюжет романтического эпоса итальянского поэта XVI века Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» в качестве иллюстрации «вынужденности» пассивного повторения характерных травматических переживаний. *«Главный герой Танкред, сам того не ведая убивает свою возлюбленную Клоринду, когда она сражалась с ним в латах вражеского рыцаря. После ее похорон он проникает в зловещий заколдованный лес, повергающий войско крестоносцев в ужас. Там он рассекает мечом высокое дерево, но из древесной раны струится кровь, и голос Коринды, душа которой была заключена в дерево, обвиняет его, что он снова ранил возлюбленную»*¹⁶⁶. К. Карут продвигается дальше в интерпретации данного сюжета и делает акцент именно на феномене «голоса»: герой не только повторяет свой поступок, но, повторяя его, впервые слышит голос, который обращает его внимание на совершенное.

Одно из наиболее значимых свойств травмы, описанных К. Карут, – т.н. «парадокс невысказанности и адресата». По мнению учёного, внутри безумия, каковым, на первый взгляд, кажутся внешние проявления травмы, всегда находится неартикулируемое событие, в действительности ищущее способ быть описанным или выраженным¹⁶⁷. Основную задачу исследователя в работе с травмой составляет определение природы и содержания истины, заложенной в травматическом сообщении. Специфика травматического эффекта заключается в том, что травма с высокой долей вероятности лишает индивида возможности связать артикулировать свои переживания, поэтому «голос травмы» может звучать посредством, на первый взгляд, непрозрачных действий или образом при помощи механизма «косвенной референции –

¹⁶⁵ Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 1996. – P. 2–3.

¹⁶⁶ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – С. 752.

¹⁶⁷ Суверина Е.Г. Архив, событие и историческая травма. Интервью с профессором Корнелльского университета Кэти Карут // Лаборатория публичной истории – 14.01.2015.– URL: <http://publichistorylab.ru/archives/176>. (дата обращения: 22.09.2023).

отсылки к (травматическому) событию не напрямую, а через теорию или специфически концептуально нагруженный нарратив»¹⁶⁸.

В книге «Непризнанный опыт: травма, нарратив и истории» К. Карут исследует способы, с помощью которых тексты, будь то психоаналитические работы или литературные произведения, говорят о глубокой истории травматического опыта, а не о фактических описаниях людей, переживших травму. Вне зависимости от того, относятся ли данные тексты к истории травм коллективных или индивидуальных, каждый из них специфическим образом затрагивает центральную проблему слушания, познания и представления того, откуда возникает реальный опыт кризиса. Язык травмы предполагает потенциал перевода: это обуславливает релевантность использование при изучение конкретных случаев исторической травмы контент-анализа текстов, а также иных социальных и психологических методов. Существенное значение приобретает роль исследователя, выполняющего анализ как эмпирического свидетельства, так и исторического нарратива.

В целом, в концепции К. Карут главным способом преодоления травмы выступает ее понимание, осмысление. В этом смысле травму нельзя трактовать сугубо как патологию, психическое отклонение, которое будет проявляться в деструктивных, саморазрушающих действиях индивида; это также способ, попытка выражения истины, стратегия выживания.

1.1.3. Элементы психоаналитического подхода в исследовании травмы в рамках интеллектуальной истории

Интеллектуальная история как направление научной мысли основывается на признании взаимосвязи между «текстами» (событиями и их описаниями) и «контекстами» (условиями, в которых они творятся), а также

¹⁶⁸ Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры. – Дисс. ... доктора философских наук : 09.00.12. Нижний Новгород: 2018. – С. 162.

значимости используемого языка. В рамках данной концепции задача историка заключается в объяснении того, какую роль травма играет в ходе человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального¹⁶⁹.

Используя элементы психоаналитического подхода, профессор интеллектуальной истории Ф.Р. Анкерсмит исследовал роль памяти в целом и травматической памяти в частности в индивидуальной и общественной жизни. По его мнению, наиболее репрезентативно «суть» человека отображает не просто история его жизни (как определённый набор действий, совершаемых как индивидуально, так и в группе), но его представление, память об этой истории. Именно представление о собственной идентичности выступает источником осмысленных поступков индивида. Представители историзма XIX века, как отмечает Ф.Р. Анкерсмит, развили данную мысль, перенеся идею идентичности в плоскость истории: идентичность нации, народа, любого коллектива также находится в прошлом, для её понимания необходимо прежде всего определить события, сформировавшие её, их последовательность и взаимосвязь. Таким образом происходит «политизация» истории, задача которой сводится к выявлению из данной совокупности событий тех, которые могут считаться «государствообразующими», в то время как назначением политики является дальнейшее совершенствование государства, в т.ч. с опорой на полученное историей знание. Вместе с тем, как уже было сказано выше, суть человека и отдельного общества, как группы индивидов, определяется не просто набором действий, а сформировавшимися представлениями, оценочными суждениями о них. В силу определённых паттернов оценки история, особенно политизированная, может содержать в себе не только положительные, но и отрицательные страницы, эпизоды, требующие отдельного внимания. Безусловно, определённые оценочные суждения в

¹⁶⁹ Потамская В.П. Философия Х. Уайта: проблема репрезентации Холокоста // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современная научная мысль». –Чебоксары: НГОУДПО «Экспертно-методический центр», 2018. – С. 72.

адрес коллективного прошлого могут вызывать желание и даже потребность частично отказаться от него, предпринять попытку отделить его элемент от «коллективной исторической идентичности»¹⁷⁰, однако, подобная попытка малоэффективна: осознанная попытка забвения (аналогичная описанному З. Фрейдом феномену табуирования)¹⁷¹ травматического эпизода приводит к потребности хотя бы номинально удерживать его в памяти, чтобы, буквально «понимать, о чём говорить нельзя». Таким образом, идентичность вытесняющего определяется отказом от прежней идентичности. Это схоже с историей о Герострате, поджёгшем храм богини Артемиды и приговорённом гражданами Эфеса не только к смерти, но и к забвению, имя которого сохранилось в памяти именно благодаря своего рода контрольному вопросу: «Кого же нам следует забыть? – Герострата». Ф.Р. Анкерсмит описывает парадокс табуирования (продолжим и дальше использовать этот термин для разграничения классического забвения, описанного З. Фрейдом и осознанного забвения в концепции Ф.Р. Анкерсмита) следующим образом: требования забвения есть констатация памяти. Вместе с тем, табуирование лишь продлевает травматический эффект. С одной стороны, в силу описанного выше парадокса, оно исключает хотя бы временное ощущение облегчения, приносимое «забвением»; с другой – не позволяет эффективно проработать травматический эпизод, буквально – «проговорить» его, тем самым закрепляя его в сознании в виде непреодолимого препятствия для дальнейшего успешного развития.

Учёным была предложена следующая классификация, включающая в себя четыре основных типа забвения.

Первые два типа забвения имеют бессознательную основу. Во-первых, можно выделить ряд событий личного или коллективного прошлого, забываемых естественным путём, не создающих рисков для психического здоровья и не препятствующих любой социальной деятельности. Данные

¹⁷⁰ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 434.

¹⁷¹ Фрейд З. Тотем и табу // Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс. С. 363–528.

события забываются, поскольку не имеют значения для текущей или будущей идентичности, они не выступают опорой для принятия значимых решений, не имеют значения для формирования ценностных убеждений индивида или сообщества. Воспоминание о них возможно, если по причине совпадения во время того или иного исторического эпизода произойдет нечто радикальным образом изменяющее жизнь общества, порождающее потребность проанализировать сопутствующие переломному событию явления и обстоятельства. Второй тип забвения относится к событиям значимым для идентичности, даже если это и не осознается обществом. На коллективном уровне такой тип забвения можно проследить на примере исторических сочинений: историки зачастую не придают значения отдельным эпизодам, которые, как выясняется впоследствии, имеют определяющее значение для понимания последовательности событий. Причиной такого «пренебрежения» выступает специфика исследовательской парадигмы, присущей отдельному временному периоду или исследовательской школе. Например, в марксистской парадигме национальная история, не затрагивающая социально-экономические вопросы, не может быть полной; а рассматриваемое в рамках данного диссертационного исследования понятие «травма» и его значимость для исторических описаний актуализировалось в связи с отказом от доминировавшей в XIX в. «парадигмы прогресса» и ростом влияния парадигмы кризиса».

Следующие два типа забвения происходят осознанно и, следовательно, имеют травматический характер. Первый тип осознанного забвения (третий тип забвения в целом) распространяется на исторические эпизоды, переживание которых сопряжено со слишком большим эмоциональным напряжением при имплементации в коллективную ментальность. Яркий пример: опыт табуирования артикуляции воспоминаний о преступлениях фашистского режима в первые послевоенные годы в Германии. Для данного опыта осознанного вытеснения характерен описанный выше парадокс:

попытки перевода травматического опыта в область бессознательного, позволяют лишь установить временный запрет на его репрезентацию и проработку. Детравматизация события наступает после того, как социально-политические устои позволят представить его в форме устойчивой описательной конструкции, придать ему форму обязательного для изучения «текста». Данный механизм преодоления травмы Ф.Р. Анкерсмит описывает как «примирение опыта и идентичности», «примирение, уважающее опыт и идентичности»¹⁷². Хотя достижение подобного баланса требует существенных духовных («болезненное погружение индивида и коллектива в прошлое») и зачастую материальных (работа историков, подготовка надлежащих репрезентаций – художественных, публицистических и т.д.) издержек он, тем не менее является конструктивной стратегией работы со сложным прошлым, непроработанность которого может выступать фактором эрозии коллективной идентичности.

Даже в период, пока травматический исторический эпизод осознанно вытесняется из коллективной памяти, буквально, табуируется, коллективная идентичность сохраняется вместе с действующими в ней психологическими законами и мнемоническими механизмами, определяющими реакцию на травматический опыт. Историческая травма подспудно переживается внутри идентичности, сам осознанный процесс вытеснения обусловлен коллективным инстинктом самосохранения: так, табуирование темы Холокоста и военных преступлений в Германии в первые десятилетия после Второй мировой войны обуславливалось именно стремлением немецкого народа и правительства Германии направить оставшиеся ресурсы, в том числе и интеллектуальные, на восстановление понесённого ущерба, строительства нового, устойчивого государства для будущих поколений.

Четвёртый тип забвения также распространяется на исторические эпизоды излишне болезненного характера. Однако, если в рамках третьего типа забвения преодоление травмы возможно, то в рамках четвёртого типа

¹⁷² Анкерсмит Ф.Р. Указ соч. – С. 441.

травма становится неотъемлемой частью идентичности и жизни сообщества даже после преодоления её материальных и структурных последствий. Ф.Р. Анкерсмит выделяет три основных признака последствий исторических трансформаций, влекущих за собой данный тип забвения: ощущение невозполнимой потери; упадок культуры; дезориентация¹⁷³: разрушение основных ценностных установок и социальных ориентиров.

В результате травматического опыта общество утрачивает свою коллективную историческую и культурную идентичность, она заменяется новой, во многом конституируемой травмой от потери идентичности прежней. «Примирение» двух идентичностей невозможно, именно поэтому нельзя даже предположить механизма преодоления данной травмы: она неизлечима. Ф.Р. Анкерсмит описывает четвёртый тип забвения с помощью метафоры «боль Прометея»: воспоминание об идиллических «утраченных мирах», от которого общество вынужденно отказаться¹⁷⁴. Представляется необходимым отметить, что именно такой тип утраты (описанный Д. ЛаКапрой как «структурное отсутствие»)¹⁷⁵ является наиболее открытым для спекулятивных политических манипуляций, он может использоваться в целях искусственного конструирования травматического дискурса (не имеющего общего с реальным источником травматического переживания) и мобилизации общества для реализации корыстных целей политического актора.

Основываясь на различиях между третьим и четвёртым типом травматического забвения, Ф.Р. Анкерсмит предлагает выделить два основных вида исторической травмы:

1) травма первого типа, сопряжённая с третьим типом забвения: переживается внутри коллективной идентичности и не несёт угрозы её целостности;

¹⁷³ Анкерсмит Ф.Р. Указ соч. – С. 443.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – Vol. 25. – N 4. – P. 700.

2) травма второго типа, сопряжённая с четвёртым типом забвения: предполагает травматический переход от ранее актуальной идентичности к новой, в связи с её насильственным разрушением.

Опираясь на данную классификацию, можно сделать вывод о существовании корреляции между силой и глубиной травматического переживания и его влиянием на коллективную идентичность.

Механизмом преодоления травмы первого типа выступает восстановление правдивой истории о травмирующем прошлом. Преодоление травмы второго типа таким образом невозможно, поскольку любое повествование о прошлом, любые попытки общества описать его травматические аспекты будут вестись с использованием символических ресурсов новой идентичности, что лишь подчеркнёт контраст между прежним и новым миром, преумножит чувство «потери» прошлого. Буквально, для травмы второго типа характерно неконструктивное «желание быть», т.е. воссоздать давно утраченное, а, возможно, и никогда не существовавшее (с течением времени образ утраченного прошлого может обрести существенным количеством мифов и преувеличений, не без помощи политической спекуляции, о риске возникновения которой мы уже упомянули выше). Для травмы первого типа характерно, напротив, «желание знать»: чётко определять источник боли и логику произошедшего.

Ф.Р. Анкерсмит пишет: «Преодоление прошлого может состояться только при условии нашей способности рассказать окончательную историю о том, от чего мы откажемся именно благодаря нашей способности рассказывать эту историю»¹⁷⁶. Историзация события в свою очередь нуждается в свидетельской объективации, которая может быть либо непосредственной (фигура свидетеля), либо косвенной (свидетельство-репрезентация, зачастую, в художественной форме). Также можно предположить необходимость наличия фигуры переводчика, лица, которое сможет трансформировать речь свидетеля или информацию, заключённую в

¹⁷⁶ Анкерсмит Ф.Р. Указ соч. – С. 467.

свидетельстве, в эффективную репрезентацию, которая обеспечит «примирение». Аналогичную фигуру можно встретить в рассматриваемых в следующем параграфе работах представителей культурно-социологического подхода.

Следует отметить, что в качестве философского эквивалента психологического понятия травмы Ф. Р. Анкерсмитом предлагается категория «возвышенное» (“sublime” – в духе идеи сублимации как защитного механизма борьбы с внутренним напряжением З. Фрейда), относящаяся именно к травме второго типа – подлинной утрате идентичности («Между идентичностями (старой и новой) возникает пустота, и нет даже прослойки бессознательного»¹⁷⁷).

Категория травмы неразрывно связана с исследованиями ещё одного апологета интеллектуальной истории Д. ЛаКапра, противопоставившего идее нерепрезентируемости опыта («кризис свидетельства» (Ш. Фелман, Д. Лауб), «возвышенности» (Ф.Р. Анкерсмит), «невостребованности» (К.Карут)) идею частичной репрезентации с помощью стратегий проработки.

Как и для последователей фрейдистской трактовки травмы, в концепции Д. ЛаКапры травма не сводима к завершённому событию в прошлом; это нарушение мнемонического порядка: травматический эффект сопряжён с искажением памяти после соприкосновения с травмирующим опытом: «То, что мы называем травматической памятью, по сути, является симптомами травматического опыта: это ночные кошмары, испуг, страх, компульсивное поведение»¹⁷⁸.

В теории травмы Д. ЛаКапры выделяются две категории «структурное отсутствие» (absence) и «исторические утраты» (loss). Они не являются бинарными оппозициями, но и не тождественны друг другу: исследователь разграничивает их. Во-первых, подмена понятия «отсутствие» понятием

¹⁷⁷ Анкерсмит Ф.Р. Указ соч. – С. 404.

¹⁷⁸ La Capra D. Traumatropisms: From Trauma via Witnessing to the Sublime? // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – P. 59–89.

«утрата» может способствовать искусственному навязыванию травматических переживаний тем группам, которые изначально его не испытывали; во-вторых, в результате «механического паралича» или «маниакального возбуждения» возможно обобщение свойств и уравнивание значимости отдельных травм, несопоставимых по своей силе и природе. Следует отметить, что тема специфической уникальности травм затрагивалась в таких работах учёного как «Представляя Холокост: история, теория, травма», «История и память после Аушвица», «Говоря об истории, описывая травму». В трудах этого периода (1990–2000-е гг.) предметом исследовательского интереса Д. ЛаКапры стала полемика о Холокосте, которую он рассматривал сквозь призму психоаналитических категорий. Целью данных работ было устранение непримиримого противоречия между сформировавшимися в исторической науке базовыми стратегиями объяснения Холокоста: упрощения (признания его тождественным иным формам политического террора, имевшим место в истории человечества) и избыточной исключительности. Следуя логике интеллектуальной истории, Д. ЛаКапра подчеркивает, что сравнимость и уникальность отдельных травматических эпизодов зависят от контекста анализа и участников диалога.

Однако, необходимо вновь обратиться к категориям «отсутствие» и «утрата» в теории Д. ЛаКапры. Первое обычно имеет абстрактный характер, это явление, понятие, категория, лишённое практического выражения в истории коллективной общности¹⁷⁹. В работе «Травма, отсутствие, утрата» Д. ЛаКапра пишет: «Признание и утверждение отсутствия требует признания неясной природы окончательных решений и тревоги, которая не может быть исключена из самосознания и спроецирована на других»¹⁸⁰. «Отсутствие» представляет собой искусственно созданный и чрезвычайно опасный

¹⁷⁹ Например, отсутствие набора гражданских прав у женщин в Саудовской Аравии отличается от повторного ограничения гражданских прав женщин в Иране после предшествующих этому реформ Пехлеви, предоставивших их, как отсутствие идеала отличается от его уничтожения, поскольку в таком случае идеал не может быть восстановлен впоследствии.

¹⁸⁰ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – Vol. 25. – N 4. – P. 706.

конструкт, особенно в вопросах политической пропаганды: общество, страдающее от коллективной тревоги неясной этиологии, предрасположено принимать предлагаемые ему политическими акторами объяснения данного состояния, в том числе и построенные на идее утраты некоего идеала, не имевшего места в реальной истории.

В отличие от отсутствия утрата реальна, исторична, материальна её можно идентифицировать, отследив последовательность конкретных событий, ассоциировать её с отдельным эпизодом: убийством, революцией, войной, террором.

Структура травматического нарратива, по мнению Д. ЛаКапры, выглядит следующим образом. Началом нарратива выступает исходная ситуация, когда показатели присутствия максимальны, покушение на позже утраченное отсутствует. Середина – утрата показателей исходной ситуации по причине травматического события. Окончание – восстановление первоначального состояния, если не на структурном, то хотя бы на ментальном уровне¹⁸¹. Как и У. Сантнер, Д. ЛаКапра обращается к проблеме нарративного фетишизма, когда травматический нарратив утрачивает своё первоначальное предназначение и приобретает самостоятельную смысловую нагрузку и социальную значимость. Нарративный фетишизм блокирует благоприятную, конструктивную работу скорби: травматический опыт подменяется «набором речевых артефактов»; вместо эффективного преодоления и имплементации ценных уроков травматического опыта в коллективное сознание, обществу предлагается лишь текстовое (в различных формах) повествование об утрате¹⁸². У. Сантнер противопоставляет такие ответы на утрату как нарративный фетишизм и скорбь: в то время как «работа скорби» нацелена на осмысление травматической утраты, адаптацию к жизни в изменившихся условиях, нарративный фетишизм направлен на и

¹⁸¹ LaCapra D. *Op. Cit.* – P. 703.

¹⁸² Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 392.

конструирование жизни, подчёркивая, что работа скорби направлена на «изоляцию травмы от реальной жизни»¹⁸³, сохранение памяти о ней только как о некотором завершённом эпизоде и едва ли не абстрактном образе, отдалённом от реальности средствами художественной выразительности.

Д. ЛаКапра выделяет два небинарных процесса переживания травмы: «проигрывание» (acting out) и «прорабатывание» (working through). Первое аналогично предложенному З. Фрейдом понятию «меланхолия», второе – понятию «скорбь». В теории Д. ЛаКапры это взаимосвязанные, но не тождественные формы реакции на травму. В духе фрейдистской традиции «проигрывание» выражается в стремлении к навязчивому повторению, буквально возрождению прошлого в настоящем, что ведёт к социальной дезадаптации субъекта, утрачивающего связь с актуальной реальностью и способность к дальнейшему развитию.

«Прорабатывание» же, наоборот, выражается в максимально рациональном стремлении субъекта создать чёткое разграничение между травматическим прошлым, конструктивным настоящим и перспективным будущим, что создает потенциал критической оценки как самого события и пережитого опыта, так и сформированного восприятия их¹⁸⁴, в том числе, как отмечает Д. ЛаКапра, препятствует «аффективному повторению травматического опыта эстетическими средствами»¹⁸⁵. Прорабатывание травм ведет к их осмыслению, осознанию и смягчению, описанному Ф.Р. Анкерсмитом «примирению» с прошлым.

С позиции прорабатывания Д. ЛаКапра проводит границу между двумя типами травмы: структурной и исторической. Структурная травма является скорее некой совокупностью условий, обладающих высоким травматическим потенциалом, набором травматических показателей. Субъектами такой

¹⁸³ Сантнер Э. – С. 392.

¹⁸⁴ Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 36.

¹⁸⁵ La Capra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. – Ithaca, Cornell University Press, 1994. – P. 138.

травмы являются все, существующие в рамках структуры. Такая травма не может быть излечена или преодолена, а может только проживаться различными путями¹⁸⁶.

Историческую травму отличает «привязка» к конкретному историческому эпизоду, соответственно, лицо или общность, не связанная с этим событием, не испытывавшее его непосредственного эффекта или последствий, не могут рассматриваться в качестве его субъекта. На основе подобной травматической привязки возможно формирование коллективной идентичности.

Таким образом, в теории Д. ЛаКапры травма нуждается не только в самом факте артикуляции (который безусловно важен, однако, может оказаться недостаточно эффективным, а в проработке. Д. ЛаКапра критикует предложенные К. Карут и Ф. Анкерсмитом понятия «невостребованный опыт» и «возвышенный опыт», как базирующиеся на допущении неосуществимости идеи передачи индивидуального опыта, в то время как само существование и функционирование общества основано на передаче опыта в тех или иных формах. Именно поэтому Д. ЛаКапра делает акцент не на выработанный носителем травматических переживаний навык артикуляции, а на потенциал преодоления последствий травмы через формирование чётких схем работы с травмирующим прошлым. Упорядочение травматических воспоминаний, их трансформация в устойчивый нарратив позволяет постепенно снизить уровень «болезненности» переживаний, нивелировать паталогическую необходимость вновь и вновь переживать травмирующее событие мысленно, символически. Проработка травмы – это процесс рационального осмысления пережитого опыта, позволяющий восстановить нарушенный мнемонический механизм и перейти от бесконечного ритуализированного повторения к осознанию, осмыслению и, наконец, включению травмы в коллективную

¹⁸⁶ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – Vol. 25. – N 4. – P. 722.

идентичность¹⁸⁷. В целом, можно сделать вывод, что в рамках интеллектуальной истории допускается возможность репрезентации травмы.

1.1.4. Трансгенерационный подход в изучении механизмов передачи коллективной травмы¹⁸⁸

Одним из подходов, используемых в изучении травм в рамках современного психоанализа, выступает т.н. трансгенерационный подход. Под трансгенерационной передачей понимается негенетическая форма наследования, которая представляет собой передачу накопленного опыта между поколениями благодаря идентификационным механизмам. Сторонники трансгенерационного подхода подчёркивают, что поведение человека обуславливается не только факторами современности, но и опосредуется психическим материалом, накопленным предшествующими поколениями¹⁸⁹. О схожих механизмах опосредования поведения индивида писал ещё Э. Фромм, включая в понятие характера некое устойчивое начало, выступающее продуктом адаптации отдельного сообщества к социальным условиям, результатом общего, зачастую травматического исторического пути¹⁹⁰. Безусловно, предметом изучения трансгенерационного подхода как самостоятельного направления психоанализа преимущественно выступает, как справедливо отмечает, Н.В. Ханелия, «влияние семейной истории на личность»¹⁹¹, однако, можно предположить эвристическую ценность его экспансии на общественную сферу, в плоскость изучения механизмов

¹⁸⁷ LaCapra D. *Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma*. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – P. 13–14.

¹⁸⁸ При написании данного параграфа диссертации использованы статья автора: Самсонова Н.Н. *Трансгенерационный подход в изучении механизмов передачи коллективной травмы // Вопросы политологии*. – 2023. – Том 13. – №4 (92). – С. 1476–1488

¹⁸⁹ 57. Ханелия Н.В. *Современные представления о трансгенерационной передаче травмы // Журнал практической психологии и психоанализа*. – 2019. – № 1. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/sovremennye-predstavleniya-o-transgeneracionnoy-peredache-travmy> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁹⁰ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. – М.: АСТ, 2007. – 624 с.

¹⁹¹ Ханелия Н.В. *Указ. соч.*

возникновения и распространения коллективной травмы, как явления интеграции трагических исторических событий, социальных катастроф (гражданский войн, политических репрессий, геноцида, дискриминации) не только в индивидуальный опыт людей, непосредственно соприкоснувшихся с ними, но и их потомков.

Необходимо отметить, что в рамках современного психоанализа этиология коллективной травмы как социального явления во многом рассматривается по аналогии с механизмами травмы индивидуальной. Как отмечает И.Ю. Романов, в размышлении над коллективным травматическим опытом (например, войны, репрессии) «провести границу между индивидуальным и социальным измерениями практически невозможно. <...>. Общей становятся как уязвимость, так и защиты от неё»¹⁹². Сама идея социальных систем как защиты от психотических тревог была впервые предложена Э. Джаксом: в основе объединения индивидов в упорядоченные сообщества лежит потребность в защите от персекуторной тревоги¹⁹³. Теория социальных систем как защит позволяет осознать неоднократно описанный исследователями «парадокс перемен»¹⁹⁴: почему даже логически обоснованные и потенциально выгодные перемены сопряжены с адаптационными затруднениями и социальным сопротивлением¹⁹⁵. Обратная сторона защитных социальных механизмов, заключается в том, что они блокируют аналитические импульсы, препятствуя как индивидуальной, так и коллективной переработке травматического опыта; таким образом, данная задача буквально переходит по наследству следующим поколениям, которые, в свою очередь, могут испытывать затруднения с её решением, так как

¹⁹² Романов И.Ю. Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкарёвой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. – 2022. – Т. II. – № 4. – С. 78.

¹⁹³ Jaques E. Social Systems as Defence Against Persecutory and Depressive Anxiety // *New directions in psycho-analysis: the significance of infant*. London: Tavistock. – P. 478-498.

¹⁹⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

¹⁹⁵ Klein M. Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant in: J. Riviere, Joan (Hg.): *Developments in Psychoanalysis*. – London: Hogarth, 1952. – 39 p.

наследуют и привычные способы избавления от боли, вины и тревоги.

К числу блокирующих аналитические импульсы механизмов можно отнести описанную М. Кляйн регрессию групп к параноидно-шизоидному функционированию, основанную на конфликтогенной схеме «свой – чужой»¹⁹⁶. Как отмечает П. Фонда, такая позиция представляется группе более релевантной для выживания (например, для скорейшего достижения победы во время войны) и выражается в формировании образа общего врага, на которого проецируется агрессия и деструктивность, благодаря чему общество, с одной стороны, приобретает дополнительные основания для консолидации, а, с другой стороны, получает объект для отработки тревожности, снижая градус внутреннего напряжения¹⁹⁷.

Основываясь на идее риска как неотъемлемого фактора поздней современности Э. Гидденса и предложенной им классификации типичных коллективных реакций на риск, П. Штомпка выделяет такие формы травматической реакции как прагматизм (фокус на повседневных действиях и ритуалах, табуировании тревожных симптомов); оптимизм (убеждение в том, что общественное развитие способно само нивелировать травматические последствия); циничный пессимизм (фокус на сегодняшнем дне и его достижениях, подавление аналитических импульсов); активное противостояние потенциальным источникам опасности (превентивное конструирование травмы и борьба с источниками потенциальных угроз)¹⁹⁸.

В рамках теории классической аномии Р. Мёртона также можно выделить две основные группы адаптационных моделей: активные (инновации – спонтанное или преднамеренное «культурное творчество», изменение культурных паттернов отдельной группы для её адаптации к

¹⁹⁶ Klein M. Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant in: J. Riviere, Joan (Hg.): *Developments in Psychoanalysis*. – London: Hogarth, 1952. – 39 p.

¹⁹⁷ Фонда П. Война и ментальное функционирование группы // *Журнал практической психологии и психоанализа*. – 2017. - № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/voyna-i-mentalnoe-funkcionirovanie-gruppy> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁹⁸ Гидденс Э. *Последствия современности*. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.; Штомпка П. *Указ. соч.* – С. 15.

изменившейся среде; бунт – контркультурное движение, предлагающее альтернативу разрушенным ценностям) и пассивные (ритуализм – культивирование традиций как укрытие от травмы; ретриаризм – игнорирование травмы)¹⁹⁹.

Очевидно, что описанные выше пассивные типы адаптации имеют деструктивный характер, не способствуют эффективной проработке травматического опыта, напротив, продлевают травматический эффект, способствуя «сращиванию» социума с травмой и её передаче последующим поколениям.

Н. Абрахам и М. Тёрёк в качестве основной характеристики травматического опыта выделяют невозможность его осмысления и артикуляции, что препятствует его последующей интеграции в структуру представления индивида о себе или группе, к которой он принадлежит²⁰⁰. В качестве такого опыта может выступать некое действие, не соответствующее положительным представлениям группы о себе, вызывающее чувство вины или стыда. Так, описанная Б. Гизеном травма преступника возникает в результате радикального изменения рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий и сопряжена с получением критических оценочных суждений извне и невозможностью ни рациональным, ни насильственным образом доказать свою прежнюю правоту в условиях «драматично постыдного осознания абсолютной потери собственного лица»²⁰¹. В темпоральном измерении данная категория особенно тесно сопряжена с феноменом «травмы вины», распространяющейся на дальнейшее поколения. Примером может послужить формирование немецкой транспоколенческой идентичности, проистекающее из свидетельствования преступлений современниками Рейха. Чувство стыда,

¹⁹⁹ Мертон С.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.

²⁰⁰ Abraham N., M. Torok L'écorce et le noyau. – Paris: Aubier-Flammarion, 1978. – 494 p.

²⁰¹ Giesen B. Triumph and Trauma. – London: Paradigm publishers, 2004. – 196 p.

блокирующее работу с травматическим опытом, может быть связано и с т.н. «нарциссическим ущербом», когда ранее привилегированная социальная общность утрачивает своё положение в иерархии и вместе с ним консолидационные основания (травма рассказывания, травма посткоммунистического общества и т.д.).

Парадокс артикуляции травматического заключается в том, что требование забвения становится своего рода констатацией памяти: запрет на проговаривание не позволяет устранить негативное влияние «беспокоящего» факта прошлого. В результате в психике образуется своего рода «лакуна», передающаяся из поколения в поколение. Специфика этого разрыва заключается в одновременном видимом отсутствии и имманентности представлений о травматическом опыте социальной системе. Не будучи артикулированной, такая информация вытесняется в сферу бессознательного, при этом практические её проявления носят весьма непредсказуемый характер. С позиций фрейдистского психоанализа, вытесненное обладает способностью «прорваться в сознание» в случае снижения силы противоположной фиксации, усиления вытесненной части побуждения, например, появления новых переживаний, созвучных вытесненному в такой мере, что они способны буквально «оживить» его (например, прослеживаемая с 1995 г. тенденция к огосударствлению современного казачества, с одной стороны, способствовала к интеграции казачества как культурно-этнической общности, пережившей травму репрессий (большевистской политики рассказывания) в жизнь российского общества и аккумуляции его потенциала в решении задач государственной безопасности, а, с другой стороны, привела к усугублению порождённого репрессиями советского периода травматического кризиса идентичности казачества, что выразилось в возникновении противоречий между т.н. реестровым казачеством (преемником царского казачества как военно-служилого сословия) и казаков, находящихся вне официальных структур казачьих сообществ и позиционирующих себя как носителей отличительных

этнокультурных черт)²⁰².

В соответствии с гипотезой механизма «эндокриптической идентификации» «лакуна», как элемент психического не интегрируется во внутреннюю жизнь индивида наряду с другими интроектами (переходящими «по наследству» взглядами, мотивами и установками»), а, напротив, образует в психике субъекта некий инородный объект, который невозможно осмыслить, интегрировать в собственную идентичность²⁰³.

Кроме того, необходимо отметить, что реакция на травматическое событие определяется не только психологическими механизмами (забвение, вытеснение, самооправдание, но и спланированными стратегиями и директивами, которые могут иметь деструктивный характер и направляться на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций (стратегии фальсификации, взаимного зачёта вины, экстернализации). Подобные процессы затрудняют осмысление трагического события и могут вести к коллективным неврозам межпоколенческого характера.

Достижения современного психоанализа в области изучения травмы как социального феномена раскрываются в плоскости исследования механизмов трансгенерационной передачи травм в трудах В. Волкана, М. Хирш и других учёных.

В. Волкан вводит понятие «избранной травмы» – «бессознательного «выбора» большой группы по добавлению психического представления разделяемого события в число значимых маркеров собственной идентичности большой группы, т.е. протосимвола, который принадлежит исключительно этой группе»²⁰⁴. В основе избранной травмы может лежать как одно специфическое событие (в таком случае велика вероятность его

²⁰² Подробнее о специфике отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики рассказывавния см. Параграф 2.3.

²⁰³ Abraham N., M. Torok L'écorce et le noyau. – Paris: Aubier-Flammarion, 1978. – 494 p.

²⁰⁴ Волкан В. Влияние массовой травмы. URL: <https://psychoanalysis.by/2019/05/09/влияние-массовой-травмы/> (дата обращения: 22.09.2023).

ритуального воспроизведения в траурную годовщину), либо с историческим путём общности в целом (так, В. Волкан пишет об избранной травме эстонского народа, связанной с историческими фактами политического влияния других государств (например, Швеции, Российской империи и т.д.²⁰⁵ Явление трансгенерационной передачи связано с передачей «аффективных и когнитивных откликов прошлого поколения на травму», а также «травматизированных образов самости и объектов»²⁰⁶.

Проблема транзитивности травматического опыта между поколениями раскрывается в трудах создательницы концепции постпамяти М. Хирш. Следом за Ш. Фелман и К. Карут, М. Хирш сохраняет идею противопоставления истории и памяти, «экзистенциального свидетельства» о предельных событиях и свидетельских показаниях, отмечая, что стремление памяти к справедливости имеет субъектный характер²⁰⁷. В её концепции постпамять представляет собой механизм передачи травматического знания и материализованного опыта», происходящий как трансгенерационно, так и внутрипоколенчески в результате социального взаимодействия. Концепция постпамяти обладает существенным объяснительным потенциалом феномена коллективности травмы: как и посттравматическое расстройство, постпамять становится следствием травматических событий, однако, при этом не предполагается, что данное воспоминание присуще лишь одному поколению, принадлежащему к общей временной эпохе.

Обращение к событиям прошлого в рамках постпамяти реализуется не благодаря непосредственному воспоминанию о произошедшем событии, его точном воспроизведении в сознании очевидца, а благодаря процессам репрезентации, воображения, осмысления, т.е., используя терминологию Р.

²⁰⁵ Волкан В. Влияние массовой травмы. URL: <https://psychoanalysis.by/2019/05/09/влияние-массовой-травмы/> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁰⁶ Волкан В. Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. – СПб: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2021. – С. 157.

²⁰⁷ Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. – М.: Новое издание, 2021. – С. 59–95.

Дж. Лифтона, в ходе процесса «разработки»²⁰⁸. В отличие от сторонников *trauma studies*, отмечающих непосредственный характер воздействия прошлого, М. Хирш подчёркивает значимость посредничества свидетельств (фотографии, текст, устные свидетельства и т.д.). В результате процесса интернализации, когда внешние структуры становятся внутренними регуляторами, история трансформируется в постпамять, которая, как отмечает Ф.В. Николаи, «с одной стороны, объединяет различные поколения, передавая силу аффекта и сохраняя память о прошлом, с другой стороны, не предполагает его прямых репрезентаций»²⁰⁹.

Необходимо отметить, что объяснительный потенциал концепции трансгенерационной передачи опыта ещё не разработан в полной мере. Так, не отрицая факта трансгенерационной передачи, Р.П. Гомолин выступает с критикой данной концепции за упрощённое понимание механизмов травматизации, в частности за постулирование отнюдь неочевидных связей между депрессией и «неспособностью скорбеть», последующим агрессивным поведением жертвы и интернализации агрессора в её сознании²¹⁰.

Особую сложность в изучении межпоколенческой передачи травматического опыта представляет отслеживание трансформации травматического нарратива. Когда мы говорим о травме в сфере политического, это особенно опасно, т.к. возникает риск проекции фигуры виновного на современное общество и его институты. Осложнение процесса деконструкции травматического переживания с течением времени обусловлено и трансформацией рамок памяти. Артикуляция травматического начала осложняется тем, что с течением времени разрыв между собственно травмой и культурой становится всё глубже, и т.н. «вторичные» носители

²⁰⁸ Лифтон Р.Дж. Травмированное «Я» // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. – М.: Смысл, 2002. – С. 78–89.

²⁰⁹ Николаи Ф.В., Хазина А.В. На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 43. – С. 167.

²¹⁰ Романов И.Ю. Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкарёвой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. – Том II. – № 4. – С. 85–90; Gomolin R.P. The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited // Psychoanalytic Quarterly. – 2019. – N 88(3). – P. 461–500.

травмы испытывают затруднения в поиске категорий для описания своего переживания. Данное явление А. Конноли описывал как феномен «смерти языка»: «Вследствие радикального разрыва между травмой и культурой, жертвы часто не могут отыскать категорий мысли или слов для описания своего переживания»²¹¹. Принимая во внимание, что для формирования трансгенерационной травмы необходимо около трех поколений (в первом поколении табуирование конструктивно, оно является механизмом борьбы с чувствами боли и стыда; во втором поколении табуирование обретает устойчивый институциональный характер; для третьего поколения травматическое переживание оказывается вытесненным в область бессознательного, не переставая вызывать проблемы психологического функционирования)²¹².

Экстраполируя психоаналитический подход на общественную жизнь, можно заключить, что проработка травмы возможна благодаря ликвидации практик осознанного забвения (табуирования) и восстановления подлинной памяти посредством грамотной разработанной схемы коммеморационных практик, направленных на поиск адекватного выражения подавляемых (сдерживаемых) травматических переживаний. Однако, не каждый акт проговаривания обладает потенциалом в работе преодоления травмы. Во-первых, автоматическое, рефлекторное, бессистемное проговаривание лишь усиливает травматический эффект, способствуя более глубокому погружению в пространство травматического, бесконечному, неконструктивному «переживанию» травматической ситуации; во-вторых, следуя логике описанного Э. Сантнером феномена «нарративного фетишизма», в результате бесконтрольного повествования о травматическом опыте может быть сформирован контекст «удобного» сосуществования с

²¹¹ Konnolly A. Healing the wounds of our fathers: intergenerational trauma, memory, symbolization and narrative // *Journal of Analytical Psychology*. – 2011. – Vol. 5(56). – P. 607–626.

²¹² Ханелия Н.В. Указ. соч.; Yassa M. Nicolas Abraham and Maria Torok – the inner crypt // *The Scandinavian Psychoanalytic Review*. – 2002. – Vol. 2(25). – P. 82–91.

травмой, препятствующий выявлению причин боли и стресса и конструктивной проработке травматического состояния²¹³.

В целом, поскольку историческая травма является результатом разрыва в коммуникации как между отдельными социальными группами, так и между поколениями, обращение к трансгенерационной природе травмы позволяет снизить риски инструментализации травматического переживания, восстановить подлинную природу травматической боли и обеспечить восстановление саморегулирующихся механизмов коллективного сознания.

Артикуляция травматического начала осложняется тем, что с течением времени разрыв между собственно травмой и культурой становится всё глубже и т.н. вторичные носители травмы испытывают затруднения в поиске категорий для описания своего переживания. Сосуществование в публичном пространстве и индивидуальной и семейной памяти старых и новых коллективных травм сопровождается пролиферацией и размыванием сообществ, которым репрезентации травм так или иначе адресованы.

1.2. Культурно-социологический подход в исследованиях травмы

1.2.1. Культурные травмы в диалектике социального изменения

В то время как в рамках психоаналитического подхода к исследованию травмы акцент делается на проблеме нерепрезентируемости травматического опыта, вызванной феноменом «кризиса свидетельствования» как результата нарушения мнемонического процесса, представители социологического подхода фокусируются на процессе осмысления трагического события на общем уровне именно через конструирование травматического нарратива.

П. Штомпка связывал возникновение и проникновение в сферу социальных наук «парадигмы травмы» с разложением доминирующей в XIX «парадигмы прогресса» и ростом влияния «парадигмы кризиса», а ключевую

²¹³ Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 390–392.

сферу применения концепции травмы определял как исследование негативных, дисфункциональных последствий как результата радикальных социальных изменений²¹⁴. Амбивалентность последствий социальных перемен отмечалась в исследованиях «аномии успеха» Э. Дюркгейма²¹⁵, теории культурного лага У. Огборна²¹⁶, анализе «общества риска» Э. Гидденса²¹⁷, теории аномии Р.Мертон²¹⁸, гипотезе социального лага и ценностного синдрома постмодерна Р.Инглхарта²¹⁹.

В теории П. Штомпки «травма – это коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические»²²⁰. Исследователь вводит термин «культурная травма», понимая под ним «культурно интерпретируемую рану на ткани культуры», при этом под культурой в теории П. Штомпки понимается совокупность как нормативных (ценности, нормы, социальные роли), так и когнитивных компонентов (идеологии, верования, доктрины). Травматический эффект заключается в возникновении «двойственности» культуры: переозначении ранее единых трактовок истории, переосмыслении моделей поведения, изменении критериев социального статуса и т.д.

Исследователь отмечает, что макрообщественные травматогенные изменения сочетают в себе деструктивное воздействие как на общество в целом, так и на функционирование малых групп и индивидов в микромасштабе, т.е. результатом таких изменений становится как дезорганизация институтов, так и индивидуальная социальная

²¹⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6.

²¹⁵ Дюркгейм Э. Аномия успеха. – М.: АСТ, 2018. – 448 с.

²¹⁶ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Boston: Houghton Mifflin, 1950. – P. 561–563.

²¹⁷ Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Практикс, 2011. – 352 с.

²¹⁸ Мертон С.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.

²¹⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 6–32.

²²⁰ Штомпка П. Указ. соч. – С. 10.

дезориентация²²¹. Таким образом, некое трагическое событие, вне зависимости от количества вовлечённых жертв, само по себе не является исторической травмой: травматический характер ему сообщает разрушение ранее сформированного у субъекта (как индивидуального, так и коллективного) пула представлений о себе и набора устоявшихся ожиданий от реальности (например, онтологической безопасности, укорененных в коллективном сознании привилегий и т.д.), в условиях невозможности эти конструкции восстановить или заменить с течением времени более выгодными.

Логику процесса травматизации учёный представил в форме шестифазной схемы, основанной на предложенной Н. Смелзером концепции «динамики прирастающей ценности» (как проявления социальных движений), в соответствии с которой коллективное поведение определяется в первую очередь социальными условиями, а не психологическими факторами. Рассмотрим подробнее каждый из выделенных П. Штомпкой элементов травматической последовательности.

Первая стадия процесса травматизации («готовность к травме», в терминологии Н. Дж. Смелзера – «структурная благоприятность», совокупность базовых факторов, определяющих коллективное поведение (например, учащение столкновений между отдельными группами населения и правоохранительными органами в условиях массовых волнений)²²² предполагает наличие набора культурных и структурных предпосылок, ведущих к «десинхронизации» существующей социальной системы. дезорганизации, несогласованности в социальной структуре или культуре, особенно в отношении ее основных элементов – ценностей, верований, норм. Общество перестает быть однородным, возможен кризис идентичности.

Вторая стадия характеризуется наличием потенциально

²²¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – С. 477–483.

²²² Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. – New York: The Free Press. 1963. – 436 p.

травматического события (ситуации). В модели Н. Дж. Смелзера данная стадия описывается как «структурное напряжение»²²³. Необходимо отметить, что, хотя П. Штомпка, как один из основоположников социологического (рационального) подхода к исследованию травмы в первую очередь говорит о значимости социокультурного контекста в процессе травматизации, он всё же отдельно подчеркивает, что далеко не каждое событие может быть использовано для выстраивания травматического дискурса. Основными характеристиками, определяющими травматический потенциал события, являются скорость и непредсказуемость его наступления (что соответствует рассмотренному ранее в рамках психоаналитического подхода пониманию травмы; ещё З. Фрейд писал, что травматическое событие происходит с индивидом с такой скоростью и настолько неожиданно, что последний не успевает ни подготовиться к нему (испытывает лишь травматический испуг вместо превентивной боязни), ни осмыслить²²⁴; глубина и радикальность; экзогенность (травматическое событие воспринимается как нечто пришедшее извне, навязанное, произошедшее без инициативы и доброй воли пострадавшего; негативная коннотация.

Исследуя этиологию культурной травмы, П. Штомпка выделил несколько типичных ситуаций ее возникновения²²⁵. Травма может возникнуть как результат столкновения нового образа жизни с прежними, устоявшимися традиционными паттернами (то, что английский социолог Маргарет Арчер описала как «промежуточную фазу морфогенеза культуры»²²⁶); как результат коллективной территориальной мобильности (например, травма мигрантов, не способных адаптироваться к социальным реалиям и культурным особенностям новой страны); как результат культурной глобализации (в данном случае, столкновение локальной и иностранной

²²³ Smelser N. J. *Theory of Collective Behavior*. – New York: The Free Press, 1963. – 436 p.

²²⁴ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С.742.

²²⁵ Фрейд З. Указ. соч. – С.742.

²²⁶ Archer M. *Culture and Agency*. – Cambridge, 1986.

культур можно интерпретировать как культурно пагубное явление: например, травма коренного населения Северной Америки при столкновении с колонизаторами). Наконец, что представляется наиболее значимым в рамках данного диссертационного исследования, возникновение культурной травмы возможно в случае несоответствия потенциально травматического события основам культуры. При этом темпоральная принадлежность травматического события может быть различной: речь может идти как о синхронизации события и переживаний (в случае интерпретации актуального события как противоречащего основам культуры, например, политизированная полемика 70-х о войне во Вьетнаме), так и о памяти о поступках, совершённых социальной группой в прошлом и не соответствующих актуальным культурным принципам (в данном случае травматическое событие принадлежит временной плоскости прошлого; например, история рабства в ныне демократических государствах, память о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, апартеиде в ЮАР, политических репрессиях советского периода (в Концепции увековечения памяти жертв политических репрессий (2015) закреплён тезис о невозможности «стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий»²²⁷). В втором случае, природа возникновения травмы – диссонанс между неким историческим фактом («поведением» власти, народа, нации и государства) и высокими нравственными стандартами современной культуры. Актуализация подобных травм характерна для обществ, испытавших за короткие сроки радикальную трансформацию политического режима, вызвавшую диссонанс между ранее сформировавшимся у населения комплексом ценностей и механизмом вынесения оценочных суждений, с одной стороны, и предлагаемой новой

²²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-р (ред. от 26.03.2019) «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» // Собрание законодательства РФ. – 24.08.2015. – № 34, ст. 4930.

политической элитой оценкой и интерпретацией ранее знакомых событий, с другой стороны.

Кроме того, как отмечает П. Штомпка, истоки травмы могут иметь сугубо внутрикультурный характер. К таковым можно отнести культурное отставание отдельных сегментов (несинхронное развитие институциональных сфер права, политики, экономики можно охарактеризовать как фактор высокого потенциала травматизации в постсоветских обществах); появление открытий, представляющих подход, несоответствующий прежним культурным паттернам (например, новаторские религиозные идеи Мартина Лютера). В качестве ещё одного значимого внутрикультурного источника травмы может выступать раскрытие фактов, выставяющих значимые исторические личности в ином свете и требующих иной интерпретации прежних суждений. В таком случае травма, зачастую, получает бинарный характер: появляется возможность говорить не только о травме жертвы, но и о травме преступника (например, о травматическом шоке, испытанном нацистскими преступниками, оказавшимися вне ранее одобряемого идеологического контекста).

Следуя логике рассуждения Э. Дюркгейма об «анатомии успеха»²²⁸, П. Штомпка допускает возможность того, что кодироваться как травматические могут и весьма амбивалентные по своему социальному значению события. Например, трансформации государств Восточной Европы в результате смены вектора социального развития с коммунистического на капиталистический, привела, согласно статистическим данным, к общему повышению уровня жизни, формированию и имплементации в общественную жизнь демократических практик, стремительному развитию рыночной экономики и стимуляции международного сотрудничества, всё же привела к возникновению у определённой части населения т.н. «боли перехода», вызванной временной безработицей, трансформацией системы социальной

²²⁸ Дюркгейм Э. Указ. соч.

иерархии, утратой аксиологических ориентиров²²⁹. Подобный парадокс указывает на особую важность следующей фазы процесса травматизации.

Данная (третья) фаза связана с определением подходящих репрезентаций травматического события в рамках существующих культурных паттернов и, фактически, формированием травматического дискурса (у Дж. Н. Смелзера – «общие представления»)²³⁰. П. Штомпка подчеркивает, что травма, как и большинство социальных состояний, одновременно объективна и субъективна. Ее истоком чаще всего выступает объективный факт, реальное событие, исторический эпизод; однако, она может не проявляться до тех пор, пока ее не подвернут процедуре «операционализации», буквально не дадут ей некое определение. Эффективность такой «операционализации» обуславливается грамотным использованием «фонда унаследованных культурных ресурсов»²³¹.

Репрезентация особенно важна, поскольку именно она влияет на восприятие травмы сообществом. Как возможно возникновение травм, не основанных на реальных ситуациях, а лишь на распространении представлений о них, так возможно и несведение ситуаций с объективно значительным «травматическим потенциалом» к травме, в случае если они преподносятся оправданными, рационализированными, направленными на достижение общественного блага. О схожем феномене контекстуальности истории пишет и Д. ЛаКапра: экстремальность чрезвычайных событий и переживаний, связанных с травматическим эпизодом, способна задавать новые паттерны поведения, временно приостанавливать действия нормативных ограничений. В этом ключе исследователь размышляет над феноменом «сакрализации жестокости», сопряжённой с травматическим эпизодом²³²: например, оценка каких-либо жёстких, репрессивных мер как

²²⁹ Дюркгейм Э. Указ. соч. – С. 9.

²³⁰ Smelser N. J. Opt. Cit.

²³¹ Штомпка П. Указ. соч. – С. 8.

²³² LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – P. 7.

необходимых для государственного благополучия, убийство во благо, государственный переворот для преодоления неразрешимых социально-политических проблем.

Таким образом, социологический подход к изучению травмы как коллективного феномена основывается на теореме Томаса: «Если люди видят ситуации как реальные, они реальны в своих следствиях».

Четвертая фаза процесса травматизации включает в себя экспансию травматических признаков (когнитивных и поведенческих схем) внутри коллективной общности. Травматический симптом представляет собой некое нарушение привычных стандартов действительности, ее дезорганизации, противоречащее естественному стремлению людей к экзистенциальной безопасности. П. Штомпка выделяет две закономерности распространения травматических симптомов. Во-первых, чем сильнее дистанция между привычным обществу образом жизни и новой картиной мира, формирующейся под влиянием травматического эпизода, тем сильнее оказывается травматический эффект (например, гибель солдата на войне вызывает меньший шок, нежели гибель гражданского человека от террористического акта в мирное время). Во-вторых, чем сильнее травма затрагивает моральные и нормативные основы жизни общества, тем сильнее её субъективное переживание каждым отдельно взятым его членом.

Необходимо подчеркнуть, что сам по себе культурный диссонанс не обязательно приводит к возникновению травмы. Она возникает в том случае, если подобный диссонанс воспринимается (преподносится) как нечто неестественное, аномальное, требующее вмешательства и коррекции, исцеления. Практическим проявлением такой потребности становится мобилизация общества интеллектуальными, нравственными и эстетическими средствами: травматическая тема может стать источником полемики в СМИ, предметом репрезентации в искусстве, предметом активного обсуждения в общественных структурах, инструментом мобилизации в общественных движениях.

Следует также отметить, что восприимчивость отдельных общественных групп к травме различны. «Аудитория» травмы делится на две части: центральные группы, испытывающие глубокие переживания, и периферийные группы, для которых травма не имеет существенного значения. (Внимание распространению травматических переживаний от центральных групп к периферийным будет уделено позже в параграфе. 1.2.2 при рассмотрении культурсоциологической концепции Дж. Александера).

Пятая фаза предполагает посттравматическую адаптацию (институционализацию дискурса) (в терминологии Н. Дж. Смелзера – установление «социального контроля»²³³. Данная стадия подразумевает активизации ответных реакций («совладание – coping – с травмой»)²³⁴, основанные на способности сообщества к дальнейшему изменению.

П. Штомпка выделяет две основных подхода к освоению травмы.

В основу первого подхода положена идея классической аномии и адаптации к экономическому состоянию Р. Мертона²³⁵.

В рамках концепции Р. Мертона выделяются две основные группы моделей адаптации:

1) активные (конструктивные): инновация (спонтанное или преднамеренное «культурное творчество», изменение культурных паттернов отдельной группы для её адаптации к изменившейся среде) и бунт (контркультурное движение, предлагающее альтернативу разрушенным ценностям);

2) пассивные: ритуализм (культивирование традиций как укрытия от травмы) и ретриаризм (игнорирование травмы)²³⁶.

Второй подход основан на идее риска как неотъемлемого фактора поздней современности Э. Гидденса и его классификаций типичных коллективных реакций на риск. Он включает в себя такие формы

²³³ Smelser N. J. Opt. Cit.

²³⁴ Штомпка П. Указ. соч. – С. 8.

²³⁵ Мертон С.К. Указ соч.

²³⁶ Штомпка П. Указ соч. – С. 14–15.

травматических реакций как прагматизм (фокус на повседневных действиях и ритуалах, табуирование тревожных симптомов); оптимизм (убеждение в том, что общественное развитие рано или поздно нивелирует травматические последствия); циничный пессимизм (фокус на сегодняшнем дне и его достижениях, подавление аналитических импульсов); активное противостояние потенциальным источникам опасности (превентивное конструирование травмы и активная борьба с источниками потенциальных угроз)²³⁷.

Также необходимо отметить такие формы превентивного совладания с угрозой травмы, как сокрытие информации или, напротив, информационное сопровождение тех или иных социальных изменений в намеренно позитивном ключе (например, использование социальных исследований, обосновывающих эффективность потенциально непопулярной реформы, для её поддержки среди населения) и т.д. Недостаток данных форм нейтрализации травматического потенциала события заключается в том, что катализатором травматизации может стать такой внутрикультурный источник травмы как обнародование ранее скрытых фактов, способных изменить оценку действий отдельных исторических фигур, например, крупных общественно-политических деятелей. Кроме того, в современную эпоху информационной доступности и транспарентности, когда количество источников информации велико, а возможности интерпретации в силу свободы слова фактически безграничны, сокрытие информации о том или ином событии и установление единственно правильной формы его понимания представляется весьма сложной задачей.

Шестая, завершающая стадия травматического процесса – преодоление травмы предполагает либо завершение травматического цикла, либо начало нового, в случае если неполное преодоление последствий травмы создало благоприятные условия для возникновения травмы нового типа.

²³⁷ Гидденс Э. Указ. соч.

1.2.2. Исследования травм в культурной социологии

Как отмечает, Ф.В. Николаи к началу XXI века культурный контекст полемики о травме претерпел определённые изменения: фокус исследований сместился от проблемы ограниченности репрезентации к вопросам «коммунитарности» опыта, разделяемого благодаря коммеморативным практикам²³⁸, а также возможности конструирования репрезентации травмы, её способности выступать не только в качестве источника кризиса идентичности, но и основания для консолидации общества, будучи представленной в форме устойчивого посттравматического дискурса.

Существенный вклад в операционализацию понятия «травма» также внес американский социолог Дж. Александер. Отказавшись от свойственного «популярной (натуралистической) теории травмы» (“lay trauma theory”) понимания травмы, базирующегося на объективных эмпирических свойствах ключевого события (внезапность, эндогенность, масштаб, негативная коннотация), и индивидуальных реакций индивида, он выработал подход к исследованию травм, основанный на признании общества в качестве архитектора травматических переживаний²³⁹. Критика Дж. Александером психоаналитического подхода основывается на том, что данная версия популярной теории травмы продолжает поддерживать натуралистический подход к травмирующим событиям, следуя схеме «событие – реакция», не уделяя должного внимания влиянию общественных условий на травматический процесс.

Как социолог, Дж. Александер в своих исследованиях особый акцент сделал на изучение роли травмы в жизни общества. Суть травматического эффекта ученый выразил в следующей теоретической модели: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их

²³⁸ Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры. Дисс. ... доктора философских наук : 09.00.12. – Нижний Новгород: 2018. – С. 153.

²³⁹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 8.

заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность»²⁴⁰. Данная модель содержит в себе несколько признаков травмы: шоковое событие (при этом характеристика «шоковый» является не имманентной, а присуждённой); воздействие на идентичность сообщества; экзогенность травмирующего импульса: как и травмирующее событие, он может идти извне, выступая продуктом преднамеренно созданной репрезентации. Таким образом, травма является «атрибутивной характеристикой», которое общество буквально приписывает событию (при этом возможен темпоральный разрыв между моментом оценки и собственно событием: характеристика может даваться в ходе реконструкции события, так и в формате прогноза), а «социальный процесс травмы» – это «разрыв между событием и его репрезентацией»²⁴¹. Схожее определение травмы даёт и Н. Дж. Смелзер: «память, которую признала и которой оказывает публичное доверие релевантная группа, и вспоминание события или ситуации, (а) нагруженных негативным аффектом, (б) представленных как неизгладимые; (с) считающихся угрожающими существованию общества или нарушающими одну или больше из его фундаментальных культурных предпосылок»²⁴². «Культурное конструирование» травмы опосредовано рядом культурных и институциональных процессов.

Теория Дж. Александера во многом построена на использовании аналогии между процессом травмы и речевым актом. Как и речевой акт, травма включает в себя три основных элемента.

1. «Говорящие», фактически «создатели травмы», обладающие достаточным ресурсом для формирования общественного мнения. Данные

²⁴⁰ Александер Дж. Смысл социальной жизни: культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – С. 255.

²⁴¹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 18.

²⁴² Smelser N.J. Ibid.

группы могут формироваться по различным принципам: поколенческому, национальному, институциональному (принадлежность к определенному сегменту общества или организации); могут принадлежать как к официально располагающей властным ресурсом элите, так и к оппозиции, и даже «очерненным и маргинальным слоям общества». Именно «говорящий» запускает травматический процесс посредством «выдвижения заявления»: обозначения с помощью символических представлений (описаний) социально значимого события.

2. Аудитория, условно подразделяющаяся на две части: центральная (включающая в себя членов группы носителей травматического опыта, разделяющая с ней общие установки, ценности, склонность к интерпретации травматического события в общем ключе) и периферийная (общество в целом, которое включается в число лиц, разделяющих травматические представления по мере формирования травматического дискурса).

3. Ситуация: историческое и институциональное окружение, в котором осуществляет речевой акт; культурная среда (банк символов, мифов, образов, ценностных установок), обеспечивающая говорящего ресурсами для репрезентации.

Дж. Александер выделяет несколько институциональных арен, в рамках которых может осуществляться работа по рефлексии травматического прошлого: религиозная, эстетическая, правовая, научная, сфера средств массовой информации и государственной бюрократии. Каждая из перечисленных институциональных арен отличается своими особенностями: как возможностями, так и ограничениями репрезентации. Так, в области эстетического работа со смыслом заключена в рамки определённых жанров и нарративов; репрезентационные процессы в сфере СМИ, с одной стороны, ограничены требованиями краткости и этической нейтральности новостного сюжета, с другой, подвергаются риску преувеличения и искажения события в условиях конкуренции за внимание аудитории; репрезентация в правовой сфере сопряжена с необходимостью

вынесения суждений о распределении ответственности и возмещения ущерба; в научном мире поиск объективной правды о природы боли и жертв зачастую сопряжён с методологическими спорами; и, наконец, в сфере государственной бюрократии велик риск инструментализации травмы и направления репрезентационного процесса в русло выгодное действующему политическому режиму .

Для объяснения механизма репрезентации Дж. Александер использует предложенную К. Томпсоном идею «спирали означения» (“*spiral of signification*”)²⁴³. В механизме создания господствующего нарратива основную роль важны четыре базовых элемента.

1. Определение источника боли: характер события, произошедшего с отдельной группой и более крупным сообществом, частью которого она является): сложность данного элемента нарратива сопряжена с наличием множественности трактовок отдельного исторического события и проблематичностью поиска объективной исторической истины.

2. Определение природы жертвы: какая именно группа испытала травмирующую боль? Пострадала ли данная группа в силу того, что её члены выступали носителями определённых специфических признаков (этнических, религиозных, экономических) или это стечение обстоятельств).

3. Связь жертвы с более широкой аудиторией (проекция травмы). Периферийная аудитория может символически (например, путём участия в коммеморативных практиках присоединиться к переживанию первоначальной травмы, признать её и испытать схожие травматические переживания, если представленный ей образ жертвы будет иметь черты, которые она разделяет. Разделение травматических переживаний с себе подобными, их имплементация в коллективную идентичность высшего уровня способствуют исцелению травмы: быть понятым означает быть исцелённым, в духе “*esse est percipi*” Джорджа Беркли.

4. Распределение ответственности: установление или назначение

²⁴³ Thompson K. *Moral Panics*. – London: Routledge, 1997. – P. 20–24.

личности преступника.

Таким образом, «переживание травмы» можно определить как «социологический процесс, который определяет болезненную рану, нанесенную сообществу, устанавливает жертву, возлагает ответственность и распределяет идеальные и материальные последствия»²⁴⁴. Результатом формирования устойчивого травматического нарратива выступает «перенастройка» коллективной идентичности, закрепляющаяся затем посредством рутинизации с помощью коммеморационных приёмов, пространственной и временной локализации события, введения устойчивых паттернов коммеморации (Подробнее о механизмах коммеморации в разделе 2.1.1). Таким образом, в терминологии Дж. Александера культурная травма представляет собой процесс конструирования нарратива, нацеленного на разрешение проблемы нерепрезентируемости (непроговариваемости) травматического. Вместе с тем, понимание травмы как социального конструкта неизбежно отсылает исследователя к рискам инструментализации травмы, в частности искусственного навязывания обществам с неясной природой тревоги квазирепрезентаций травматического события (Подробнее о рисках квазирепрезентаций в разделе 2.1.1).

В целом, фокус изучения травмы в работах Дж. Александера, в отличие от исследований травмы в диалектике социального изменения, смещается с анализа травмирующего события (его признаков и условий возникновения) в сторону его репрезентации. В рамках данной модели важную роль играет дифференциация собственно исторического эпизода и различными моделями его осмысления и репрезентации.

Идеи Дж. Александера о понимании травмы как культурного процесса, сопряженного с переработкой коллективной памяти и трансформации идентичности развиваются и в трудах Р. Айермана. Исследователь определяет коллективную травму как «форму воспоминания, лежащую в

²⁴⁴ Александер Дж. Указ. соч. – С. 32.

основе человеческой идентичности»²⁴⁵. В докладе, сделанном на семинаре «Событие и память: культурсоциологическая теория коллективной травмы», он проводит различие между понятиями травматический *дискурс* и *нарратив*. Дискурс – это безличное описание травматического события; он достаточно абстрактен и включает в себя обобщения (для описания события используются общие теоретические понятия, как то – «экономический кризис», «гражданская война», «революция пролетариата»), сфокусирован на структуре события (например, описание того или иного кризиса с помощью Стэнфордской модели кризиса Г. Алмонда и С. Флэнэгана будет включать в себя строгое и последовательное деление на четыре фазы: синхронизации предшествующей системы, десинхронизации, прорыва и ресинхронизации²⁴⁶, с соответствующими каждой из них обязательными структурными элементами); определяется «сверху» (интеллектуальной и политической элитой) и достаточно закрыт. Нарратив представляет собой «эмоционально насыщенное описание, свойственное носителю травмы»²⁴⁷. Общность эмоциональных реакций на травматический опыт, лежащий в основе нарратива, выступает фактором идентичности сообщества, производящего данный нарратив²⁴⁸.

Таким образом, дискурс подразумевает трансформацию исторического эпизода в аналитический, а нарратив – в своего рода «художественный». Задачу построения дискурса можно описать как трансформацию представлений о прошлом в соответствии с потребностями настоящего. В этой связи, центральными аспектами травматического процесса выступают

²⁴⁵ 2. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171 (дата обращения: 22.09.2023).

²⁴⁶ Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. Crisis, Choice, and Change; Historical Studies of Political Development. – Boston: Little, Brown and company, 1973. – 744 p.

²⁴⁷ Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 80.

²⁴⁸ Eyerman R. Political Assassination, Trauma and Narration // The Cultural Sociology of Political Assassination. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 9–32 pp.

интерпретация и репрезентация исторических событий. Разумеется, данные действия невозможны без специальных агентов, их реализующих. В работе «Культурная травма и коллективная память» Р. Айерман обращается к уточнению отдельных элементов созданной Дж. Александером модели «процесса травмы».

В духе культурсоциологического подхода к исследованию травм Р. Айерман отмечает, что шокирующие происшествия далеко не всегда тождественны непосредственному участию индивида, поскольку они имеют в первую очередь характер «внутренних катастроф», лицо является лишь опосредованным свидетелем катастрофы внешней, но от этого его внутренние переживания не менее сильны. Сутью культурной травмы является не непосредственный опыт, не структурные и материальные последствия, а, в духе описанного ранее принципа историзма, коллективная память, форма воспоминания, лежащая в основе человеческой идентичности. Следом за Н. Дж. Смелзером, П. Штомпкой, Д. Александером, Р. Айерман подчёркивает, что многие события могут травмировать ретроспективно, особенно, если они используются намеренно для создания первичной сцены консолидации. Пример такого использования – анализ коллективного дискурса рабства и его репрезентации содержится в одной из наиболее известных работ ученого «Культурная травма и коллективная память», в которой он доказывает, что травматический опыт рабства, как консолидирующее основы афроамериканской идентичности, является результатом культурного вклада поколения интеллектуалов, для которых само рабство, как практическое явление, было уже в прошлом²⁴⁹. Следуя концепции Дж. Александера, можно утверждать, что таким образом был осуществлен поиск того, на кого можно возложить ответственность за травматические переживания.

В целом, в рамках культурсоциологического подхода травма интерпретируется в качестве не только психического явления, но и

²⁴⁹ Айерман Р. Указ. соч.

общественно обусловленного конструкта. Ключевым методологическим основанием выступает признание социальной среды в качестве наиболее значимого фактора возникновения травматических воспоминаний. Как и в рамках рассмотренного ранее психоаналитического подхода, представители социологического направления отмечают, что проблема работы с травматическим эффектом – это проблема воспоминаний (в т.ч. и коллективных) о нём; однако, механизм травматизации обусловлен не психическими механизмами; его активация опосредуется определенным социокультурным контекстом и, более того, вектор его движения может быть задан преднамеренно определённой группой лиц, преследующей конкретные цели. Ключевую роль в создании травматического конструкта играет медиации и производимая воображением реконструкция, опосредованная историческим, культурным и институциональным окружением, в котором осуществляется речевой акт. Исследователи, работавшие в рамках данного направления, ставили перед собой задачи определить характерные черты не только самой травмы как феномена, но и условий, способных послужить катализаторами ее возникновения.

Проведенный анализ ключевых подходов к исследованию травмы указывает, что несмотря на ряд теоретико-методологических особенностей, связанных в первую очередь с аспектами механизма травматизации и нюансами механизмов детравматизации, изученные подходы не являются взаимоисключающими благодаря ряду общих предпосылок.

1. Несводимость травмы к завершённому событию в прошлом: генезис травмы в социальном пространстве сопряжен именно с проблемой воспоминаний (в т.ч. коллективных) о нём, что позволяет оценивать травму как важный составной элемент коллективной исторической памяти.

2. Признания «коллективности» как свойства травмы, способности членов одной социальной группы испытывать схожие травматические переживания, в том числе и вне зависимости от непосредственного

соприкосновения с травмирующим событием²⁵⁰.

3. В фокусе исследовательского внимания в рамках каждого из исследуемых подходов находится проблема репрезентации травматического опыта: в то время как представители психоаналитического подхода большее внимание уделяют проблеме непрезентируемости опыта, её причинам (напр., кризис свидетельства» (Ш. Фелман, Д. Лауб), «возвышенности» (Ф.Р. Анкерсмит), «невостробованности» (К. Карут) и способам преодоления (напр., идея частичной репрезентации с помощью стратегий проработки Д. ЛаКапры), сторонники культурно-социологического подхода фокусируются на контексте создания посттравматического нарратива (П. Штомпка) и его необходимых элементов, отсутствие которых усугубляет риск возникновения квазирепрезентаций травмирующего прошлого (Дж. Александр, Р. Айерман).

Аргументируя необходимость методологической комбинации психоаналитического и культурно-социологического подходов в исследовании исторических травм, следует отметить, что как разрыв между переживанием и социальным конструктом может усугубляться защитными механизмами коллективного создания, так и порождённые спланированными стратегиями фальсификации, экстремализации, взаимного зачёты вины и др. квазирепрезентации прошлого могут вести к коллективным неврозам, обесцениванию публичной сферы, низкому уровню гражданской активности²⁵¹. Транспоколенческая передача травматического опыта, составляющая суть исторической травмы, во многом опосредуется именно специфическими психическими механизмами, препятствующими чёткой артикуляции пережитого опыта, ограничивающегося лишь сообщениями об актуальных ощущениях тревоги неясного генеза или необоснованным переносом ответственности за происходящее. В случае, если сконструированная репрезентация травматического имеет «квазихарактер»,

²⁵⁰ Подробнее см.: Параграф 1.3. Коллективная историческая травма как элемент исторической памяти.

²⁵¹ Подробнее см.: 2.1. Модели работы с коллективными историческими травмами.

созданный нарратив не отвечает субъективным потребностям сообщества, паталогические механизмы, препятствующие артикуляции переживания, лишь усугубляются, а преодоление травмы требует, в первую очередь, деконструкции нерелевантной репрезентации.

1.3. Коллективная историческая травма как элемент исторической памяти²⁵²

В условиях трансформации мирового порядка как властная, так и интеллектуальная элиты сталкиваются с необходимостью изыскания средств обеспечения консолидации и стабильного развития общества. Роль фактора идентичности в вопросе построения устойчивой государственности неоднократно подчёркивалась в работах современных исследователей²⁵³. В свою очередь важнейшим фактором формирования идентичности сообщества выступает коллективная память. Рассматривая коллективную память, как один из видов коллективных представлений²⁵⁴ в духе функционалистского подхода Э. Дюркгейма, её можно охарактеризовать как источник социальной солидарности, лежащей в основе стабильного общественного устройства²⁵⁵. Как отмечает О.В. Головашина, память во многом определяет нормативную сферу сообществ и групп и наряду с иными видами коллективных представлений предопределяет содержание представлений индивидуальных

²⁵² При написании данного параграфа диссертации использованы следующие статьи автора: Самсонова Н.Н. *К вопросу об использовании категории «коллективная историческая травма» в политической науке // Вопросы политологии. – 2023. – Том 13. – №1 (89). – С. 48–57; Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 69–76.*

²⁵³ Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16; Кузнецов К.А., Щелин П.А. Национальная идентичность и устойчивость государственность // Comparative Politics. – 2014. – № 1(14). – С. 31–35.

²⁵⁴ Головашина О.В. Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 3. – С. 73.

²⁵⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М: Канон, 1996. – 432 с.

и конструирует общество²⁵⁶.

Вместе с тем, необходимо учитывать амбивалентность коллективной памяти, которая не только является фактором укрепления национальной идентичности, но и заключает в себе риски создания напряжения в политической системе, связанного с вероятностью возникновения конфликтогенных интерпретаций прошлого²⁵⁷, особенно его травматических страниц. По верному замечанию К. Майера, память не только препятствует повторению трагических сценариев, но и обладает способностью сохранять деструктивные силы в коллективном сознании участников конфликта²⁵⁸. Расширение и углубление проблематики исследований памяти в этом ключе влечёт за собой взаимопроникновение анализа исторической памяти и иных областей социальных исследований, одной из которых выступает *trauma studies*.

Частота использования понятия «*травма*» и производных от него (как то – «коллективная травма», «историческая травма», «культурная травма», «преодоление травмы») в научной и особенно научно-популярной литературе лишь усугубляет существующий плюрализм его интерпретаций: перечисленные выше термины зачастую используются в различных значениях, в зависимости от контекста исследования, например: травма как патология артикуляции, недоступный для обработки и имплементации в коллективное сознание трагический опыт (Ш. Фелман, Д. Лауб), травма как стратегия индивидуального и коллективного выживания (К. Карут), травма как инструмент политической манипуляции (Д. ЛаКапра, У. Сантнер), травма как разрыв репрезентации: историческое событие, проигнорированное темпоральным режимом модерна (А. Ассман), травма как кризисное событие, (А. Нил), травма как результат социальных изменений, ведущих к кризису

²⁵⁶ Головашина О.В. Указ. соч. – С. 72.

²⁵⁷ Наумов Д.И. Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект // Теология. Философия. Право. – 2019. – № 3(11). – С. 35.

²⁵⁸ Meier Ch. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. – München, 2010. – 160 p.

идентичности (П. Штомпка, Н. Дж. Смелзер), травма как форма воспоминания, лежащая в основе коллективной идентичности (Р. Айерман), травма как культурный процесс репрезентации трагического прошлого (Дж. Александер), «дискурс травмы как расколотого субъективного опыта, становящийся моделью для тиражирования и модификации культурных практик»²⁵⁹ (Ф.В. Николаи) и т.д.

Значимая роль в означении и разрешении методологических проблем выработки механизмов преодоления исторической травмы принадлежит отечественным исследователям С.А. Ушакину и Е.Г. Трубиной, выпустившим в 2009 г. сборник статей «Травма: пункты». Проанализировав массив отечественной и зарубежной литературы, посвящённой изучению травмы как психологического и социального феномена, учёные выделили три основных линии понимания травмы: «травма как опыт утраты», «травма как символическая матрица» и «травма как консолидирующее событие»²⁶⁰. Методологическим основанием первой линии понимания травмы является принцип историзма: механизм работы с травмой как разрушающим деструктивным событием основан на ретроспективных попытках реконструкции логики произошедшего. Невозможность символического назначения причин травмы в прошлом приводит к «активному производству следов утраты в настоящем». При этом посттравматическое состояние само по себе не включает в себя желания и намерения уйти от травмы: цель данного состояния – вписать следы травмы в структуру повседневности, что зачастую чревато возникновением описанного З. Фрейдом патологического состояния меланхолии.

Вторая линия понимания травмы («травма как сюжет») предполагает, что травматическое событие становится не только катализатором для

²⁵⁹ Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры. Дисс. ... доктора философских наук : 09.00.12. – Нижний Новгород: 2018. – С. 296.

²⁶⁰ Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 7–8.

переоценки минувшего: оно становится матрицей понимания мира определяет мировоззрение, через его парадигму оцениваются события настоящего, строятся прогнозы на будущее. В данном случае общество фактически начинает жить в состоянии хронического стресса, что затрудняет дальнейшее конструирование позитивных образов будущего. Все наследие прошлого переосмысливается в контексте травматического опыта, его фиксация наблюдается в лингвистических конструкциях, бытовых ритуалах и т.д.

Третья линия понимания травмы – «травма как консолидирующее событие». Будучи основанием для самоидентификации пострадавших, опыт травматического переживания становится основой для новой идентичности. Попытка проработать его чревата разрушением данной идентичности.

В рамках описанных подходов к пониманию травмы тема преодоления интерпретируется не только как нереалистичная (поскольку травма оказывается полностью интегрированной во все сферы общественной жизни), но «зачастую как ненужная»²⁶¹. Подобная устойчивость травматического опыта на коллективном уровне обуславливает необходимость учёта исследователем при работе с травматическим дискурсом двух особенностей:

1) феномен диссоциации речи и травматического опыта (паталогическое, неконструктивное повторение, при котором аналитический аспект работы с травмой полностью вытесняется художественным: самоцелью становится поддержание и преумножение нарративной целостности, а не проработка подлинных причин травмы);

2) феномен посттравматических сообществ и проблема вторичных свидетельств: с течением времени происходит смена поколения непосредственных участников и очевидцев травматического эпизода поколениями – преемниками, располагающими лишь «сакрализованным

²⁶¹ Ушакин С.А. Указ. соч. – С. 9.

образом травмы»²⁶².

Существенный вклад в устраниении проблемы полисемии *trauma studies* принадлежит российским исследователям. Так, Д.А. Аникин и О.В. Головашина разграничивают понятия «коллективная травма» и «культурная травма». Коллективная травма определяется исследователями как «комплекс психологических ощущений, возникающий у очевидцев или участников определенного трагического события и являющийся общим, но при этом в полной мере не передаваемым опытом не просто выживания, но и последующего переживания данной ситуации»²⁶³. Культурная же травма представляет собой «нарратив, вписывающий произошедшее событие в совокупность образов, значимых для коллективной идентичности определенного сообщества»²⁶⁴. В первом случае механизмы преодоления исторической травмы сопряжены с восстановлением психологического климата в сообществе, снижением конфликтогенного потенциала, носителями которого являются объекты травматического опыта, адаптацией носителей травматических переживаний к изменившимся социально-политическим условиям, новому образу жизни; во втором – с достижением символического баланса и формирования устойчивых связей между отдельными сообществами²⁶⁵ (как-то – сообщество носителей и периферийная аудитория (в ходе конструирования связи жертвы с более широкой аудиторией);²⁶⁶ поляризованные различными взглядами на травматический эпизод группы; работы с травмой «жертвы» и травмой

²⁶² Аникин Д.А. Травматизация исторической памяти: европейский проект vs национальный дискурс // *Studia Humanitatis*. – 2019. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/en/node/854> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁶³ Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 425. – С. 80.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Аникин Д.А. Травматизация прошлого: методология исследования и основные подходы // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-proshlogo-metodologiya-issledovaniya-i-osnovnye-podhody> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁶⁶ Александер Дж. Указ. соч. – С. 23.

«преступника» и т.д.).

О необходимости разграничивать психоаналитическое и социологическое (культурное) понимание травмы писал и Н. Дж. Смелзер: в то время как психологическая травма возникает по отношению к носителю травматического опыта спонтанно, её индивидуальные последствия невозможно спрогнозировать, культурная травма моделируется осознанно, она выступает результатом намеренного конструирования, ей свойственно целеполагание. Исследователь подчёркивал: «Культурная травма – это захватывающее и подавляющее событие, которое, как считается, подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком»²⁶⁷. Следует упомянуть, что, анализируя взгляды Н. Дж. Смелзера, Р. Айерман в работе «Культурная травма и коллективная память» предположил, что одним из наиболее важных элементов данного определения следует полагать словосочетание «как считается», поскольку это уточнение допускает, что само по себе историческое событие может быть нейтральным²⁶⁸ (о возможности положительного эффекта травматического события, как мы уже отмечали ранее, писал и П. Штомпка).

Присоединение же к столь индивидуальному, на первый взгляд, явлению как *травма* характеристики «*коллективный*» тем более нуждается в дополнительном разъяснении.

Представляется, что *коллективная* травма как нарушение мнемонического механизма, выражающееся в невозможности освоить пережитый опыт, должна включать в себя два аспекта: а) существование общего травматического импульса (пережитого опыта); б) общность механизмов его обработки (схожесть нарушений мнемонических механизмов). Закономерным образом возникают два вопроса. Во-первых, каковы должны быть масштабы, пространственно-временные рамки события, чтобы задействовать в себя целую социальную общность? Во-вторых,

²⁶⁷ Smelser N. J. Opt. Cit.

²⁶⁸ Айерман Р. Указ соч.

реальна ли (и если да, то по каким причинам?) общность травматических реакций?

Как отмечает П. Штомпка, основными характеристиками, определяющими травматический потенциал события являются скорость и непредсказуемость его наступления (о схожих механизмах травматизации пишет ещё З. Фрейд: травматическое событие случается с индивидом с такой скоростью и настолько неожиданно, что последний не успевает ни подготовиться к нему, ни осмыслить²⁶⁹, т.е. испытывает лишь травматический испуг вместо превентивной боязни); экзогенность (событие воспринимается как произошедшее не по воле носителя травмы); негативная коннотация; глубина и радикальность. Исследователь отмечает, что макрообщественные травматогенные изменения сочетают в себе деструктивное воздействие как на общество в целом, так и на функционирование малых групп и индивидов в микромасштабе, т.е. результатом таких изменений становится как дезорганизация институтов, так и индивидуальная социальная дезориентация²⁷⁰. Таким образом, некое трагическое событие, вне зависимости от количества вовлечённых жертв, само по себе не является травмой: травматический характер разрыва ему сообщает разрушение ранее сформированного у субъекта (как индивидуального, так и коллективного) пула представлений о себе и набора устоявшихся ожиданий от реальности (например, онтологической безопасности, укорененных в коллективном сознании привилегий и т.д.), в условиях невозможности эти конструкции восстановить или заменить с течением времени более выгодными. В этом смысле можно не в полной мере согласиться с выделенным П. Штомпкой критерием экзогенности и предположить схожесть травматического эффекта коллективной ответственности (например, травма немецкого народа, вовлечённого в

²⁶⁹ Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С.742.

²⁷⁰ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – С. 477–483.

преступления фашистского режима) и жертвенного травматического эффекта группы, испытавшей ассиметричное насилие (например, политические репрессии, геноцид) и не получившей затем должного их признания.

Коллективность как свойство травмы обосновывается представителями основных аналитических подходов различными путями.

В рамках психоанализа *коллективность* травмы связана в первую очередь с общностью механизмов обработки травматического опыта, в частности с его влиянием на способность к воспоминанию.

Сама по себе травма как социальное явление не сводима к одному конкретному эпизоду, завершённом событию, имевшему место в прошлом: генезис травмы в социальном пространстве связан именно с болезненным воспоминанием. К. Карут характеризует травму как «невытребованный опыт», «радикальный темпоральный разрыв между видением и знанием»²⁷¹. Исследуя данный разрыв, С.И. Ушакин характеризует травму как «дискурсивный и эпистемологический паралич», вызванный несоответствием между тремя элементами опыта: пережитым, артикулированным и осмысленным (представленным, репрезентированным)²⁷². На схожие черты травматического эффекта, невозможность «вписать» то или иное событие в единый исторический нарратив, буквально «осмыслить» его, что ведёт к разрушению коллективной идентичности, указывает и Ф.Р. Анкерсмит²⁷³.

Как отмечает Ж. Лакан, источником страданий является не само трагическое событие, а негативные последствия эффекта его встречи с реальным в результате эффекта возврата вытесненного²⁷⁴. Вытеснение травматического эпизода по своей сути является защитным механизмом, процессом отстранения от сознания патогенного вытеснения в силу

²⁷¹ Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 527.

²⁷² Ушакин С.А. Указ. соч. – С. 8.

²⁷³ Анкерсмит Ф.Р. Указ. соч.

²⁷⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. – М.: Гнозисс, 2019. – 432 с.

несовместимости представления с «Я»²⁷⁵ (т.е. буквально ведущим к эрозии идентичности); в социуме оно может быть сопряжено с желанием сконцентрировать коллективные силы для движения вперёд, без чувства вины или неконструктивной жалости к себе; однако такое мнемоническое обнуление и подавление аналитических импульсов, отсутствие артикуляции травматических переживаний не проходят бесследно: будучи вытесненным в подсознание, травматическое воспоминание может привести к психическим расстройствам, коллективным неврозам.

Существенный объяснительный потенциал коллективности травматических реакций содержат в себе труды сторонников культурсоциологического подхода к пониманию травм, основанном на признании социальной среды в качестве важнейшего фактора формирования травматического нарратива. Если для психоанализа травма не конструируется, а существует априори, то в рамках социологического подхода фактически любое событие при наличии определённого набора факторов (культурной среды, структурных предпосылок, демографических условий) может быть «сконструировано» в травму.

В предложенной Н. Дж. Смелзером схеме процесса травматизации выделяется отдельная стадия «структурной благоприятности» (в терминологии П. Штомпки – «готовности к травме»²⁷⁶): совокупности базовых факторов, определяющих коллективное поведение)²⁷⁷. П. Штомпка отмечает, что природой возникновения травмы может стать диссонанс между неким историческим фактом («поведением» власти, народа, нации и государства) и высокими нравственными стандартами актуальной культуры. Подобные травмы зачастую характерны для обществ, испытавших за короткие сроки радикальную трансформацию политического режима: в

²⁷⁵ Фрейд З. Торможение, симптом и тревога (1926) / Влечения и неврозы. – М.: Академический проспект, 2007. – С. 151–228.

²⁷⁶ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

²⁷⁷ Smelser N.K. Ibid.

таком случае возникает диссонанс между сформировавшимся у населения набором ценностей и механизмом вынесения оценочных суждений, с одной стороны, и предлагаемыми новой политической элитой оценками и интерпретацией ранее знакомых событий, с другой²⁷⁸.

Кроме того, в рамках социологического подхода, как отмечает О.В. Головашина, травма может выступать источником солидарности членов сообщества, буквально формировать его²⁷⁹. Так, Р. Айерман пишет о роли травмы принудительной неволи в формировании уникальной афроамериканской идентичности²⁸⁰. При этом одним из основных механизмов трансформации индивидуальных воспоминаний об общем травматическом событии в коллективный нарратив является коммуникация, «опосредование воспоминания через язык описания»²⁸¹. В исследованном Дж. Александером механизме создания господствующего нарратива культурной травмы одним из важнейших элементов является т.н. «проекция травмы», установление связи жертвы с более широкой аудиторией. Процесс травмы в этом отношении можно сравнить с речевым актом, в котором цель говорящего заключается в том, чтобы как можно убедительнее представить заявление о травматической боли аудитории-реципиенту, опираясь на доступные символические ресурсы с учётом возможностей и ограничений институциональной среды²⁸². Таким образом, в рамках социологического подхода *коллективность* как свойство травмы представляет собой результат распространения травматических симптомов от индивидуальных носителей на более широкую аудиторию с использованием репрезентативных средств.

Описывая переход от индивидуальной памяти к коллективной, А. Ассман выделяет три уровня конструирования воспоминаний: биологический

²⁷⁸ Штомпка П. Указ. соч.

²⁷⁹ Головашина О.В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // *Studia Humanitatis*. 2018. № 4. <https://st-hum.ru/content/golovashina-ov-kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-process>.

²⁸⁰ Айерман Р. Указ. соч.

²⁸¹ Головашина О.В. Указ. соч.

²⁸² Александер Дж. Указ. соч. – С. 20.

(нейронный), социальный и культурный, каждый из которых не лишён влияния коллективного начала. Даже на биологическом уровне среды формирования памяти выступает «социальное окружение и его рамки памяти»²⁸³. На социальном уровне памяти, носителем которого выступает группа индивидов, обмен индивидуальными вариантами общих воспоминаний между участниками коммуникации происходит с опорой на доступные им символические медиаторы. Культурная же память коллективна априори, т.к. основывается на передаваемых культурных объективациях (символах, практиках и т.д.)²⁸⁴. Понимание же коллективности травматических переживаний (как общности реакций на болезненное воспоминание) черпается из понимания феномена «коллективной памяти», как некоего пространства, в котором таковая травма разворачивается или же, используя терминологию, Д. ЛаКапры «проигрывается»²⁸⁵. В концепции М. Хальбвакса общность памяти заключается в закреплении или, напротив, вытеснении индивидуальных впечатлений в памяти благодаря т.н. социальным рамкам: особому роду устойчивых воспоминаний, которыми члены общества пользуются для припоминания и реконструкции прошлого. Такие устойчивые воспоминания становятся своего рода критериями, которыми отдельная общность оперирует для выявления и запоминания значимых фактов²⁸⁶.

Рассматривая историческую память в качестве «механизма отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся основанием не индивидуального, а минимально коллективного сознания (группы и более широких общностей)», Ю.Д. Артамонова выделяет такие основные свойства коллективной исторической памяти как общность представлений, разделяемых членами определенной группы; эмоциональная окраска (в этом

²⁸³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 29.

²⁸⁴ Там же. – С. 30.

²⁸⁵ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – Vol. 25. – N 4. – P. 722.

²⁸⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

одно из основных отличий исторического опыта от нейтральной информации, аналогичное описанному Р. Айерманом различию между дискурсом – безличным описанием событий, и нарративом – эмоционально насыщенным изображением, свойственным носителям травмы, черпающим дополнительное подтверждение своей коллективной идентичности в общности реакций, переживаний и оценок)²⁸⁷; потенциал практического использования (коллективная память формируется не набором знаний, а пригодным к использованию (или представляющимся таковым) опытом)²⁸⁸. Полагаем, что данные свойства в полной мере присущи феномену исторической травмы как части коллективной исторической памяти.

Как отмечает А. Ассман, собственно категория «историческая травма» возникла не в исторической науке, а восходит к риторике мультикультурной политики признания²⁸⁹. Д. Чакрабартти понимает под «исторической травмой» «результат взаимодействия истории и памяти»²⁹⁰. Историческая травма – это результат разрыва в коммуникации, который возможен как между отдельными социальными группами (например, в результате асимметричного насилия), так и между поколениями (в случае памяти о поступках, совершённых социальной группой, не соответствующих современным культурным принципам: история рабства и политических репрессий в ныне демократических государствах, память о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, память об апартеиде в ЮАР и т.д.). Подобный разрыв ведёт к дестабилизации механизмов саморегуляции коллективного сознания общности, эрозии коллективной идентичности, актуализации коллективных неврозов, недоверия к будущему.

В целом, под коллективной исторической травмой можно понимать

²⁸⁷ Айерман Р. Указ. соч.

²⁸⁸ Артамонова Ю.Д. Указ. соч.

²⁸⁹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 183.

²⁹⁰ Chakrabarty D. History and the Politics of Recognition // Jenkins K., Morgan S., Munslow A. (Eds.). Manifestos for History. – New York, 2007. – P. 77–87.

явление рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентаций данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны.

В результате анализа основополагающих работ таких исследователей травмы как Д. ЛаКапра, К. Карут, Э. Сантнер, Ф.Р. Анкерсмит, П. Штомпка, Р. Айерман, Дж. Александер, А. Ассман и других представляется возможным выделить еще несколько определяющих свойств и особенностей исторической травмы как социального феномена.

Первая особенность исторической травмы – зависимость от культурного контекста и социальных условий. Актуализация того или иного травматического инцидента, а также специфика его интерпретации зависят от целей, поставленных перед собой коллективным агентством (правлящей элитой, партией, общественным движением), будь то укрепление идентичности, мобилизация отдельных групп населения, смещение фокуса общественного внимания, и т.д. В условиях изменения канонов памятований (перехода от сакрифицированных к жертвенным (виктимизированным) формам памяти возникает потребность в новом «символическом языке травмы». В то время как героическая память об участнике боевых действий кодируется героической национальной символикой, жертва, «объект радикального ассиметричного насилия», нуждается в иных выразительных единицах, использование ее образа в политическом дискурсе требует иных символов²⁹¹.

Эта необходимость отсылает нас ко второй особенности исторической травмы, описанной К. Карут как «парадокс невысказанности и адресата»: непосредственное высказывания носителя травмы зачастую сопряжено лишь с артикуляцией своих непосредственных актуальных переживаний и не подразумевает анализа генезиса тревоги, пояснения и передачи аудитории-

²⁹¹ Артамонова Ю.Д. Указ. соч. – С. 82.

реципиенту собственного опыта столкновения с травматическим событием, буквально: «свидетельство создает адресата, травма его стирает».

В этой связи исследования травмы закономерно включают себя поиск, в духе фрейдистского похода, «следов травматического», обнаруживаемым в различных типах свидетельствования, в том числе имеющих форму культурных объектов (литература, живопись, кинематограф)²⁹², поскольку в них в иносказательной, образной форме может быть заложено «сообщение», дешифровка которого позволит решить проблему артикуляции травматического переживания. Принимая во внимание метафору К. Карут о языке травмы как о возможности перевода²⁹³, в исследовании травм большое значение имеет использование контент-анализа текстов, а также герменевтических и иных социальных и психологических методов.

Из этого следует еще третье свойство исторической травмы, обуславливающее необходимость сочетания психологического и социологического подхода в ее изучении: двойственности структуры – сочетание субъективного (нарратив носителя) и объективного (дискурс, выстраиваемый коллективным агентом) начал.

Четвертая характерная черта исторической травмы – резистентность во времени, т.н. феномен «временного лага»: поскольку источником травматических переживаний является не сам факт события в прошлом, а воспоминание о нём, между историческим событием и собственно травматическим опытом возникает определённый промежуток времени, в течение которого реальные представления о событии буквально «стираются из памяти»: как в силу описанного П. Жане феномена диссоциации, бессознательной стратегии недопущения травматического события в сознание²⁹⁴, так и по причине осознанного табуирования травматической

²⁹² Суверина Е. Указ. соч.

²⁹³ Карут К. Литература и травма. Расшифровка видеолекции. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/52661> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁹⁴ Жане П. Психологическая эволюция личности. – М.: Академический проспект, 2010. – 399 с.

темы ради перспективы стабильного роста благополучия последующих поколений, когда вектор энергии направлен в будущее, основные политические, социальные и культурные ресурсы ориентированы на строительство нового государства.

Пятая особенность выражается в следующей бинарности исторической травмы: она выступает одновременно и средством изменения социально-политического контекста, и его непосредственным продуктом.

В целом, историческая травма имеет двойственный характер. Она включает в себя как комплекс эмоциональных переживаний первичных и вторичных носителей травмы, нуждающихся во всесторонней проработке, так и непосредственно процесс выстраивания коллективным агентом устойчивого социального конструкта, представляющего собой значимый элемент коллективной исторической памяти, посредством анализа репрезентаций, предлагаемых участниками (прямыми и опосредованными) травмирующего события (носителями травмы), и их последующей интерпретации с конкретной смысловой нагрузкой в зависимости от поставленных коллективным агентом целей.

Выводы к Главе 1

В Главе 1 представлен анализ развития основных методологических направлений исследования травмы: психоаналитического и культурно-социологического, выявлены методологические особенности каждого из подходов, проведён их сравнительный анализ, на основе методологических положений изученных подходов обоснована возможность исследования травмы как «коллективного» явления, предложена авторская концептуализация коллективной исторической травмы.

Наиболее значимые различия данных подходов заключаются в следующих аспектах.

1. Отличное понимание механизма травматизации.

В психоаналитической парадигме травма рассматривается как деструктивное проявление памяти, выраженное в неспособности разграничить актуальное и прошлое состояние носителя травмы. В корне подобного нарушения лежит описанный З. Фрейдом механизм вытеснения травматического воспоминания в сферу бессознательного, ведущий к образованию «лакун памяти». Прорыв вытесненного в сознание возможен в случае усиления вытесненной части побуждения, например, появления новых переживаний, созвучных вытесненному. Проведение анализа вытесненного прошлого, необходимого для объяснения причинно-следственных связей происходящего и прогнозирования дальнейшего развития событий, возможно посредством изучения т.н. следов-симптомов, косвенно проявляющихся в ткани бытия индивида и обществ в форме нарушения логики изложения исторических событий, разрывов и лакун в описании исторического процесса. Достижения современного психоанализа в области изучения травмы как социального феномена раскрываются в плоскости исследования механизмов трансгенерационной передачи травм. Осложнение процесса проработки травматического переживания усугубляется в каждом новом поколении усугублением разрыва между травмой и культурой: жертвы и их потомки зачастую не могут отыскать категорий мысли или слов для описания своего переживания.

В рамках культурно-социологического подхода под травмой понимается не только ментальный процесс, но и социальный конструкт, ключевую роль в создании которого играет медиация и производимая реконструкция травматического опыта, опосредованная историческим, культурным и институциональным окружением, в котором осуществляется речевой акт (репрезентация травмы). В то время как в рамках психоаналитического подхода к исследованию травмы акцент делается на проблеме нерепрезентируемости травматического опыта, вызванной феноменом «кризиса свидетельствования» как результата нарушения мнемонического процесса, представители социологического подхода

фокусируются на процессе осмысления трагического события на общем уровне именно через конструирование травматического нарратива. Если для психоанализа травма не конструируется, а существует априори даже в отсутствии конструирования, то в рамках социологического подхода фактически любое событие при наличии определённого набора факторов (культурной среды, структурных предпосылок, демографических условий) может быть сконструировано в травму, при этом травма способна выступать не только в качестве источника кризиса идентичности, но и основания для консолидации общества, будучи представленной в форме устойчивого посттравматического дискурса (Р. Айерман, Дж. Александер).

2. Различное понимание механизмов преодоления травмы.

В рамках психоаналитического подхода механизмы нивелирования неконструктивных последствий сопряжены с восстановлением психологического климата в сообществе, снижением конфликтогенного потенциала (носитель – окружающая среда; травмированная группа – основное население; травмированная группа – виновные (или их преемники) и т.д.). Основным механизмом преодоления исторической травмы выступает артикуляция травматических переживаний. При этом травма сама по себе не «проговаривается» так, чтобы ввести ситуацию в нормальное русло. Напротив, автоматическое, рефлекторное проговаривание способно усилить травматизацию, поскольку его механизм тождественен механизму неконструктивной меланхолии и ведёт к «сращиванию с травматическим контекстом». В парадигме культурно-социологического подхода преодоление исторической травмы направлено на достижение символического баланса и формирование устойчивых связей между отдельными сообществами путём конструирования травматического дискурса: установления на сознательном уровне наличия и источника страданий и распределение (в том числе и принятие на себя) ответственности за них.

Несмотря на описанные различия данные подходы не являются взаимоисключающими: унифицирующая методологическая предпосылка психоаналитического и культурно-социологического подходов заключается в признании несводимости травмы к завершённому событию в прошлом: генезис травмы в социальном пространстве сопряжен именно с проблемой воспоминаний (в т.ч. коллективных) о нём, что позволяет оценивать травму как важный составной элемент коллективной исторической памяти.

Оба подхода фиксируют «коллективность» как свойство травмы: с позиции психоанализа коллективность объясняется общностью механизмов обработки травматического опыта; для культурно-социологического подхода коллективность является результатом распространения травматических симптомов от индивидуальных носителей на более широкую аудиторию с использованием репрезентативных средств.

В фокусе внимания обоих подходов находится проблема репрезентации травматических переживаний: психоаналитический подход ориентирован на исследования преодоления проблемы нерепрезентируемости, культурно-социологический подход исследует травму как реконструкцию травматического опыта, опосредованную институциональным окружением.

Таким образом, комбинирование подходов заключается в необходимости не только исследования «продуктов проговаривания травмы», но и анализа социально-политического контекста, в котором данные сообщения были созданы. Репрезентация травмы может осложняться как защитными механизмами коллективного сознания (психоанализ), так и спланированными стратегиями умолчания (культурно-социологический подход). В случае, если сконструированная репрезентация травматического имеет «квазихарактер», паталогические механизмы, препятствующие артикуляции переживания, лишь усугубляются, а преодоление травмы требует, в первую очередь, деконструкции нерелевантной репрезентации.

В основе коллективной исторической травмы, как рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события

и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентаций данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. При этом обязательным условием проработки травмирующего прошлого выступает наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией.

Специфическими свойствами исторической травмы являются зависимость от культурного контекста и социальных условий; проблема артикуляции травматических переживаний, усугубляющаяся при трансгенерационном характере травмы растущим разрывом между языком и культурой; двойственность структуры, выраженная в сочетании субъективного (нарратив носителя) и объективного (дискурс, выстраиваемый коллективным агентом) начал; резистентность во времени; двойственность функциональной нагрузки (травма выступает одновременно и средством изменения социально-политического контекста и его непосредственным продуктом).

Глава 2. Механизмы преодоления исторической травмы в современном политическом пространстве

2.1. Модели работы с коллективными историческими травмами²⁹⁵

Анализируя основополагающие научные работы, посвящённые феномену травматического прошлого, представляется возможным выделить несколько уровней работы с коллективной травматической памятью.

Уровень 1. Модели забывания истории.

Императив забвения (как противоположность императива памятования), выраженный в формуле “*perpetua, oblivio et amnestia*” в тексте заключённого в 1648 г. по итогам Тридцатилетней войны мирного договора, считался ориентиром в разрешении социальных конфликтов вплоть до XX в., когда в условиях формирования в мировом сообществе новых, все более высоких правовых стандартов, как властная, так и интеллектуальная элита столкнулись с необходимостью переоценки таких явлений как колониализм, политическое насилие, дискриминация по расовому, религиозному и иным признакам и их включения в официальный исторический нарратив.

Исследуя проблематику разрешения внешних и внутренних вооружённых конфликтов, К. Майер отмечает, что, хотя память традиционно рассматривают в качестве средства, препятствующего рецидиву насильственных преступлений (что отражается в формуле Х. Арендт «помнить, чтобы не забывать»²⁹⁶), она обладает и способностью сохранять деструктивные силы в коллективном сознании участников конфликта²⁹⁷. Вкупе с излишней самовиктимизацией память способна спровоцировать

²⁹⁵ При написании данного параграфа диссертации использованы следующие статьи автора: Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 69–76; Самсонова Н. Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 481. – С. 84–89.

²⁹⁶ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000 г. – 437 с.

²⁹⁷ Meier Ch. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit.* – München, 2010. – 160 p.

новый виток спирали насилия, особенно если мирные средства восстановления общественного равновесия были исчерпаны²⁹⁸.

В рамках психоаналитического подхода вытеснение памяти о травматическом событии представляет собой естественную реакцию психики. Как отмечал В. Болебер, дефицит скорби (как описанного З. Фрейдом благотворного осмысления утраты на контрасте с неконструктивным состоянием меланхолии: заикливания на травматическом событии)²⁹⁹ сам по себе является симптомом травмы, которую люди отстраняют от себя, чтобы жить дальше³⁰⁰. Однако мнемонические обнуление не способствует преодолению травмы: будучи вытесненной в подсознание, она может привести к психическим расстройствам, неврозам, психосоматике.

Как уже отмечалось ранее в параграфе 1.1.3, Ф.Р. Анкерсмит описывает применительно к групповому сознанию два варианта подобного вытеснения. В первом случае, речь идёт о намеренном вытеснении из коллективной памяти исторических эпизодов, переживание которых сопряжено со слишком большим эмоциональным напряжением для их немедленной имплементации в коллективную ментальность. При этом травмирующее событие не приводит к утрате коллективной идентичности: она сохраняется вместе с действующими психологическими законами и механизмами, определяющими возможную реакцию общества на травматический опыт. Вытеснение травматического эпизода сопряжено с желанием сконцентрировать коллективные силы для движения вперёд, без чувства вины или неконструктивной жалости к себе. О сходных формах коллективных реакций на риск пишет и Э. Гидденс, выделяя в числе поведенческих паттернов прагматический (фокус на повседневных

²⁹⁸ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 196.

²⁹⁹ Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – С. 252–259.

³⁰⁰ Bohleber V. Trauma, Trauer und Geschichte. // Liebsch B., Rosen J. (Eds). Trauer und Geschichte. – Köln, 2001. – 131–145 pp.

действиях, табуирование тревожных симптомов) и оптимистический (убеждение в том, что общественное развитие рано или поздно само нивелирует травматические последствия)³⁰¹.

Подавление аналитических импульсов не проходит бесследно. Описывая германский опыт коммуникативного замалчивания, А. Ассман отмечает такие его негативные последствия, как усугубление раскола между частной жизнью и политикой, атрофия общественной жизни, героизация молчания, постепенно распространившаяся на все сферы общественной жизни, обесценивание публичной сферы, низкий уровень развития средств общественной коммуникации³⁰².

Во втором случае забвения в классификации Ф.Р. Анкерсмита, речь идёт о подлинной утрате идентичности, следующей за радикальными историческими преобразованиями, вызывающими ощущение тяжёлой и невосполнимой потери, сопровождающееся упадком культуры и общей дезориентацией, буквально: «Между идентичностями (старой и новой) возникает пустота, и нет даже прослойки бессознательного»³⁰³. Примером может послужить уничтожение триединства «православие, самодержавие, народность» после революции 1917 г., а также радикальный отказ от коммунистической риторики в посткоммунистических государствах в 90-е годы. Столкнувшись с осознанием, что прежний порядок, сформированные каналы социальных отношений, сложившаяся иерархия разрушены, а система ценностей более не актуальна и даже порицаема, коллективная общность не может уже основываться на них свою идентичность.

Таким образом, возникновение моделей забывания истории сопряжено либо с «перерывностью истории», изменением типа цивилизации, утратой органического единства (распад таких государств как СССР, Югославия и т.д.), либо с коренным переформатированием общества (например, Германия

³⁰¹ Гидденс Э. Указ. соч.

³⁰² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и политика. – М: Новое литературное обозрение, 2018. С. 193.

³⁰³ Анкерсмит Ф.Р. Указ. соч. – С. 404.

после Второй Мировой Войны), когда субъекту необходимо иначе конструировать и понимать себя. Вместе с тем, идентичность необходимо выстраивать исходя из прошлого, а заблокированные в течение долгого времени фрагменты заменяются мифами, манипулятивными псевдоисторическими конструкциями.

Уровень 2. Модели квазирепрезентации прошлого.

В ситуации, когда субъект не может в полной мере осознать травматический опыт по ряду причин (например, когда численность жертв была велика, а палачи не наказаны), вероятна подмена правдивых образов прошлого эрзац-репрезентациями, которые могут вести к коллективным неврозам. К совокупности стратегий отрицания вины, используемых при построении квазирепрезентаций прошлого, исследователи относят экстернализацию, взаимный зачёт вины, фальсификацию, инструментализацию травмы³⁰⁴.

В основе стратегии взаимного зачёта вины лежит идея допущения уравнивания одной вины другой с целью аннулирования. Примером подобной риторики могут служить множасьщиеся представления о характере Второй мировой войны, по верному замечанию В.И. Коваленко, как минимум «уравнивающие» политики СССР и нацистской Германии, а, в крайних своих выражениях, объявляющие Союз страной, утвердившей в сравнении с гитлеризмом оккупационный режим в десятке стран Центральной и Восточной Европы³⁰⁵.

Стратегия экстернализации предполагает отрицание собственной вины и приписывание её другому. Её использование характерно для описанной Б. Гизеном «травмы преступника» или «травмы стыда», вызываемой стремительной деконструкцией положительного представления о себе в

³⁰⁴ Ассман А. Указ. соч. С. 98–126.

³⁰⁵ Коваленко В.И. Историческая память и историческая ответственность: против фальсификации истории второй Мировой войны / Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – С. 146.

результате радикального изменения рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий, массовым получением критических оценочных суждений извне и невозможности ни рациональным (для молчаливого свидетеля), ни насильственным способом (для палача) доказать свою прежнюю правоту³⁰⁶.

Возможность фальсификации травматической памяти сопряжена с пластичностью социальной памяти в целом. Пользуясь терминологией М. Хальбвакса, процесс воспоминания можно охарактеризовать как «работу по преобразованию прошлого»³⁰⁷: формирование репрезентаций травматического события происходит под влиянием изменчивой социальной конъюнктуры, особенно с учётом естественной с течением времени замены живой памяти опыта на медиальную память. Однако, если М. Хальбвакс рассматривал такую работу с прошлым как естественный коллективный мнемонический механизм, то современные представители социологического подхода к пониманию травмы, в частности, П. Штомпка, Дж. Александер, Р. Айерман, Дж. Смелзер подчеркивали, что травматическое переживание не только активизируется и трансформируется сообразно социокультурному контексту, но и собственно вектор его движения может быть преднамеренно задан группой лиц, преследующих конкретные цели. Подобная инструментализация травмы может представлять собой попытку легитимизации политических целей за счёт потенциально травматических исторических эпизодов. Обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма, как отмечает Д.А. Аникин, конструирует определённую интерпретацию исторического прошлого, задавая выбор события, трагическое восприятие которого становится фактором поддержания коллективной идентичности³⁰⁸. Примером может послужить

³⁰⁶ Giesen V. *Triumph and Trauma*. – London: Paradigm publishers, 2004. – 196 p.

³⁰⁷ Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

³⁰⁸ Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет *memory studies*: специфика российского дискурса // *Studia Humanitatis*. – 2020. – № 4. – URL: <http://st->

использование критического нарратива «старой России» и трагических событий 1917 г. в предвыборной риторике Б.Н. Ельцина,

Особую опасность инструментализация травмы представляет в случае, если речь идёт об использовании в конфликтогенной схеме «свой – чужой» травматических переживаний отдельных культурно-этнических групп, проживающих в многонациональном и мультикультурном государстве. При определённых условиях искусственное разжигание чувства исторической несправедливости может привести к повышению уровня напряжённости в межэтнических отношениях и выразиться в конфликтах, росте этнической преступности и экстремистских настроений.

Уровень 3. Модели проработки (детравматизации), сопряженные с полноценной работой над травмами.

Организация полноценной проработки травмирующего прошлого требует определённого комплекса условий. В первую очередь речь идёт о наличии сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Второе условие – институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной (например, от диктатуры к демократии) и создание условий для артикуляции травматических переживаний как в правовом, так и культурном поле. Кроме того, в работе с коллективной травмой необходимо учитывать естественные психологические механизмы.

Специфика травматического эффекта заключается в том, что травма с высокой долей вероятности лишает индивида возможности связать и артикулировать свои переживания, поэтому «голос травмы»³⁰⁹ может «звучать» посредством, на первый взгляд, непрозрачных действий или образов. Исследователи (в частности, К. Карут, Р. Айерман и др.) отмечают необходимость изучения литературных и иных форм искусства как сообщений, способных преодолеть границы неартикулируемого. Особое

hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik (дата обращения: 22.09.2023).

³⁰⁹ Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 1996. – P. 2–3.

значение перформативные акты имеют в плоскости проработки трансгенерационных травм: позволяя, используя метафору А. Ассман, «преобразовать цепь неосознанной передачи традиции от поколения к поколению в формы эмотивной и когнитивной переработки и дистанцирования. Обретая художественную форму, персонифицированный травматический опыт объективируется, что позволяет автору текста буквально «разграничить» прошлое и настоящее, воспроизвести временную дистанцию между собственным переживанием и событием в прошлом»³¹⁰. Что же касается аудитории, то «носители» травмы получают возможность отрефлексировать схожий травматический опыт, а периферийная аудитория может символически присоединиться к переживанию травмы. Так, репрезентации травмы жертв политических репрессий в отечественном культурном пространстве во многом формировалась в жанре т.н. «лагерной литературы»: «Крутой маршрут» З.С. Гинзбург, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и т.д. (*Подробнее о лагерной литературе и трансформации её функциональной нагрузки от информационного до нравственного и даже эстетического средства в параграфе 2.2.*). Артикулированные воспоминания становятся в данном случае социально-терапевтическим средством, перформативным актом кризисного периода, подготавливающим почву для следующего этапа, – вписания события в общепринятый исторический нарратив.

Ещё одно условие успешной детравматизации – упорядоченная организация памяти о прошлом. Как уже отмечалось ранее, хотя артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы, сама по себе травма не «проговаривается» так, чтобы ввести ситуацию в нормальное русло. Напротив, автоматическое, рефлекторное проговаривание, как отмечает Д. ЛаКапра, способно усилить травматизацию, поскольку его механизм тождественен механизму неконструктивной меланхолии и ведёт к

³¹⁰ Ассман А. Указ. соч. – С. 234.

сращиванию с травматическим контекстом³¹¹. «Прорабатывание» же, наоборот, выражается в максимально рациональном стремлении субъекта создать чёткое разграничение между травматическим прошлым, конструктивным настоящим и перспективным будущим, что создает потенциал критической оценки как самого события и пережитого опыта, так и их сформированного восприятия³¹². В описанном З. Фрейдом механизме травматических реакций принципиальным отличием между деструктивной меланхолией и конструктивной скорбью выступают «системность», «регламентированность» и «дозированность» травматического повторения³¹³. Примером такого повторения, конструктивного «осовременивания прошлого» являются коммеморационные практики.

Основными коммеморационными приемами в работе с травмами выступают приём определённой пространственной локализации за счёт устойчивых форм сохранения и приём временной локализации благодаря достижению универсальных форм повторяемости.

К способам пространственной локализации относятся как организация мемориалов, музеев и исторических памятников на нейтральных территориях с расширением информированной и сопереживающей аудитории (например, Музей ГУЛАГа и мемориал «Стена скорби» в Москве, памятный знак «Пострадавшим в годы гонений и репрессий» в Сергиевом посаде), так и означение непосредственно травматических мест (мемориальный комплекс «Катынь», Еланский казачий музейно-мемориальный комплекс, мемориальный комплекс «Двенадцатый километр» в Свердловской области и др.). Временная локализация представляет собой чествование травматических годовщин. Такие даты могут быть комплексны и нести в себе память о пережитом страдании, память о победе, память об извлеченных

³¹¹ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – Vol. 25. – N 4. – P. 722.

³¹² Николай Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 36.

³¹³ Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – С. 235.

уроках, а также вмещать в себя определённые политические цели (так, назначение годовщины Октябрьской революции (7 ноября) Днём Согласия и примирения в 1996 г. можно рассматривать как попытку нивелировать идеологический раскол в постсоветском обществе). При этом, формального назначения годовщины недостаточно для выстраивания упорядоченной социальной коммеморации: необходимо сформированное мемориальное сообщество, способные придать публичному призыву, отражающему ассоциированные с установленной датой специфические проблемы, некую обобщённую форму, обеспеченную институциональным закреплением, в том числе служащим привлечению периферийной аудитории³¹⁴.

Как отмечает А. Ассман, модели воспоминания представляют собой идентификационные маркеры, предлагают императивы действия для будущих поколений, дают возможность в одно и то же время выражать свои чувства и соблюдать установленные в обществе правила поведения³¹⁵. При этом травматическому событию должна приписываться определенная социальная значимость, выражаемая в его закреплении в нормативно-значимых текстах, и упроченная с помощью перформативного потенциала сферы эстетического. Этим целям соответствует модель интеллектуальной историзации.

Ф.Р. Анкерсмит описывает механизм преодоления травмы как восстановление правдивой истории о травмирующем прошлом. С позиций психоанализа представление травматического опыта в форме нарратива способствует его излечению, в силу чёткого разграничения травмирующего прошлого и настоящего. В плоскости коллективной памяти историзация события должна основываться на двух аспектах: обзор потерь, которые могут быть трансформированы в нарратив и, тем самым, представлены в настоящем или транслированы в будущее (буквально: «Преодоление прошлого может состояться только при условии нашей способности рассказать

³¹⁴ Ассман А. Указ. соч. – С. 250.

³¹⁵ Там же. – С. 249.

окончательную историю о том, от чего мы откажемся именно благодаря нашей способности рассказывать»³¹⁶) и свидетельской объективации.

Вместе с тем модель интеллектуальной историзации сопряжена с определёнными рисками. Как отмечают представители социологического подхода к пониманию исторических травм, специфика институционализации дискурса напрямую зависит от социально-политического контекста, целей, которую «переводчик» закладывает в формируемое им сообщение (примечательно, что в модели Н. Дж. Смелзера фаза посттравматической адаптации носит название «социального контроля»³¹⁷). Так, в числе разнообразных доминирующих в различные периоды нарративов советского прошлого можно выделить актуальный в 90е годы критический нарратив, созданный с целью сформировать образ «новой, сильной России» на контрасте с «Россией прежней» (советской и дореволюционной); сменивший его нарратив «сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации», сформированный для решения проблемы избыточной самовиктимизации; и, наконец, предложенный Д.А. Медведевым и сохраняющий свою актуальность нарратив «невозможности нормализации сталинизма» и признания равновеликой важности сохранения памяти как победах, так и поражениях прошлого, нашедший своё отражение и в тексте принятой в 2015 г. Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий: «Страна не может стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий»³¹⁸. Как подчёркивает А. Ассман, в условиях глобализации реконструкция памяти национальной

³¹⁶ Анкерсмит Ф.Р. Указ. соч. – С. 246.

³¹⁷ Smelser N. J. Ibid.

³¹⁸ Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 № 1561–р (ред. от 26 марта 2019) // Собрание законодательства РФ. – 24.08.2015. № 34, ст. 4930.

утрачивает свою направленность исключительно на собственную нацию³¹⁹. Безусловно, каждая социальная группа обладает правом на собственную память, однако, её история, по замечанию Р. Козеллека, будет иметь значение лишь при признании другими социальными группами и при устойчивой взаимосвязи с их картинами прошлого³²⁰, что приводит к необходимости использования моделей компромиссного и диалогического памятования.

Компромиссное памятование, как модель преодоления коллективной травмы, основано на выстраивании диалогической взаимосвязи между памятью преступников, памятью жертв и свидетельской памятью в целом. Каждый из составных элементов памятного нарратива данной модели отличается характерными особенностями. Травма жертвы связана с такими характеристиками травматического эпизода как экзогенность, внезапность, чужеродность, насильственный характер трагических перемен. Понятие «жертвы» имеет амбивалентный характер, а жертвенная память, в свою очередь, может подразделяться на героическую (подвиг) и травматическую (мученичество). Последний вид памяти особенно сложно имплементировать в общественное сознание, поскольку данный опыт зачастую вступает в противоречие с положительными представлениями социальной группы о себе. Виктимизированные свидетельства особенно нуждаются в публичном признании, т.е. в памяти, выходящей за пределы групповых интересов. *Травма преступника* имеет принципиально иной характер. В данном случае возникновение травматических переживаний сопряжено с радикальным изменением рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий, получением критических оценочных суждений извне и невозможностью ни рациональным, ни насильственным способом доказать свою правоту. Как отмечает Б. Гизен, травматический поворот сознания преступника заключается не «во внезапном пробуждении совести, но в

³¹⁹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 190.

³²⁰ Kosseleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeite*. – Frankfurt a. M.: Schurkamp, 1995. – 389 b.

драматично постыдном осознании абсолютной потери собственного лица»³²¹. Таким образом, травму преступника можно описать как «травму стыда», вызванную стремительной деконструкцией положительного представления о себе самом. В темпоральном измерении данная категория тесно сопряжена с феноменом «травмы свидетельской вины», распространяющейся на дальнейшие поколения. Примером может послужить формирование немецкой транспоколенческой идентичности, проистекающей из травмы зрителей, а не палачей, исполнителей преступления.

Свидетельская память значима для внешней оценки травматического события и распределения ролей между преступником и жертвой. Исследуя роль фигуры свидетеля, А. Ассман выделяет несколько видов свидетельствования.

1) Судебное свидетельство – беспристрастное описание непосредственно чувственного восприятия произошедшего, субъективная справедливость которого подкреплена институционально.

2) Религиозное свидетельство подразумевает присутствие двух фигур: символическое присутствие мученика, погибшего от насилия, и фактического присутствие вторичного свидетеля, констатирующего жертвенность гибели мученика и приписывающего ей значение символической победы над источником зла.

3) Моральное свидетельствование – тип свидетельствования сформировавшейся в культурной парадигме Холокоста как предельного события. Моральный свидетель сочетает в себе роль жертвы и очевидца. Следуя логике за Б. Гизена, А. Ассман отмечает, что сама категория «жертва» является «социальным конструктом, формируемый моральным сообществом в публичном пространстве»³²². Статус жертвы придаётся объекту насилия сообществом непрчастных третьих лиц, «способных

³²¹ Giesen B. Ibid.

³²² Ассман А. Указ соч. – С. 93.

услышать свидетельство»³²³.

4) Историческое свидетельство – это свидетельство лица, благодаря непосредственной близости к важному событию повествующего потомкам о нём; если свидетельство включается судом в систему доказательств, то оно входит в реконструирующую работу историографии. Особое значение данный тип свидетельствования приобретает в рамках «устной историографии». В отечественной научной традиции рост интереса к свидетельствам устной истории связан с основанием в 1980-х гг. Клуба устной истории Московского государственного историко-архивного института (современный Центр визуальной антропологии и устной истории РГГУ), проводившего исследование Голодомора 30-х годов в Украинской ССР³²⁴. Необходимо отметить ряд методологических сложностей, сопряжённых с использованием исторического темпорально-удалённого свидетельства-воспоминания:

1) допущение в историческую науку множества субъективностей, в том числе и личной интерпретации исследования;

2) затруднения в формировании единой картины прошлого в условиях признания за каждым респондентом равных прав на оценку и опыт;

3) проблема соотношения устной и «обычной истории» («сопротивляемость интервью по отношению к упрощающим обобщениям»³²⁵);

4) специфика проговаривания жертвами травматического переживания (описанный К. Карут «парадокс травматической артикуляции»);

5) проблема временной дистанции (высказывание интервьюируемого опосредованно накопленным опытом, а не жизненными установками на момент травматизации, осложнены как самостоятельными, так и

³²³ Giesen В. Ibid. – Р. 51.

³²⁴ Орлов И.Б. Устная история. Глава 17. // Теория и методология истории. / Отв. ред. Алексеев В.В., Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Гринин Л.Е. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 346

³²⁵ Там же. – С. 351.

полученными извне интерпретациями опыта; необходимость учитывать ситуационный контекст интервью – ожиданий, обстановки и т.д.). Достоверность таких свидетельств может быть подтверждена при сопоставлении с иными свидетельствами на схожую тему.

Специфическим институтом, позволяющим реализовать модель компромиссного памятования на практике, выступают, т.н. комиссии правды и примирения – официально уполномоченные государственной властью организации, занимающиеся исследованиями спорных исторических событий. Прообразом современной модели комиссий стала учреждённая в 1974 г. в Уганде Комиссия Правды (Комиссия по расследованию исчезновений граждан Уганды с 25 января 1971 г.). Одной из первых эффективно функционирующих комиссий стала Национальная Комиссия по расследованию исчезновений, созданная в 1983 г. президентом Аргентины Раулем Альфонсином. Результатом деятельности комиссии стал доклад “Nunca Más” («Никогда более»), в котором были официально задокументированы преступления военного режима. Формула «правда и примирение» в названии комиссии была впервые использована в названии чилийской организации, основанной в 1990 г. Широкую известность, получила деятельность комиссий в Уганде, Непале, Сальвадоре, Гватемале, Ирландии и ЮАР. Особое место в числе комиссий занимают т.н. «комиссии примирения» с коренными народами (например, в Австралии, Канаде, Норвегии, Швеции).

Рассуждая о возможных моделях работы с трудным прошлым, Н. Эппле подчёркивает, что комиссия памяти является не судебным, а институциональным способом работы с прошлым, ориентированным, в первую очередь, на воздействие на массовое восприятие прошлого сообщества³²⁶. Целью комиссий памяти выступает заполнение сформировавшихся в результате как защитных психических механизмов, так

³²⁶ Эппле Н.В. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 481.

и политических стратегий «лакун памяти», описанных выше. Заполнение мнемонических пробелов имеет существенное значение для обеспечения общественной стабильности: памятные пустоты порождают чувство тревоги и неопределённости; по верному замечанию Д. ЛаКапры люди с неясной природой тревоги легко внушаемы, что ведёт к риску инструментализации травмы, посредством смещения акцентов травматической боли и приписывания ответственности за неё произвольным группам (например, действующей власти).

Кроме того, функционирование таких институтов как комиссии правды и примирения позволяет снизить уровень коллективной вины и дать ответы на необходимые в создании устойчивого нарратива вопросы: установление источника боли и личности преступника, определение природы жертвы и т.д. Однако, как верно замечает Н.В. Эппле, подобные организации «едва ли раскрывают что-то принципиально новое и ранее неизвестное обществу»³²⁷, они выполняют функцию легитимации травматического события, сочетающего в себе свойства имманентности и видимого отсутствия в общественной системе, проводят обзор потерь, исключая риски инструментализации травмы за счёт подмены конкретной исторической утраты структурным отсутствием, буквально, предоставляют обществу конкретный объект для скорби, восстанавливая тем самым механизмы коллективной саморегуляции общественного сознания. В отличие от судебного разбирательства, фиксирующего статус жертвы и преступника, опираясь на свидетельские показания, исторические факты и правовые нормы, комиссии правды и примирения выступают в первую очередь в качестве институционализированной социальной и политической практики общественного признания травмы, вносят свой вклад в формирование мемориальной культуры, проникнутой солидарностью с жертвами. В этом смысле существенную роль приобретает совместная деятельность комиссий и профессиональных экспертных сообществ, а также правозащитных

³²⁷ Эппле Н. Указ соч. – С. 482.

организаций.

Таким образом, как деятельность комиссий правды и памяти и судебных органов легитимируют и легализуют соответственно знанием о травматическом опыте, не имевшем ранее вербального воплощения; однако, этого недостаточно для формирования устойчивого посттравматического дискурса, невозможного без применения описанных выше моделей интеллектуальной историзации и упорядоченной организации памяти о прошлом – устойчивых коммеморационных практик, позволяющий вовлечь в пространство воспоминания максимально широкую аудиторию для постоянного производства знания об общей истории. Этой цели соответствует использования модели диалогического памятования.

Модель диалогического памятования характеризуется ослаблением монологизма групповой памяти, открытостью травматического дискурса. В отличие от компромиссного памятования оно подразумевает не соглашение об определённой интерпретации исторических событий, требующее от сторон определённых уступок и трансформации «рамки памяти», а совместное производство исторического знания в общей истории нанесённой и пережитой травмы. Речь идёт не столько о выработке единого нарратива (*shared narratives*) для всех социальных общностей (в том числе, государств), что невозможно с учётом рамки социальной памяти, но о взаимном признании и совместимости картин истории (*shareable narratives*)³²⁸ (например, деятельность группы по сложным вопросам истории российско-польских отношений под руководством бывшего министра иностранных дел Республики Польша А. Ротфельда и ректора МГИМО А.В. Торкунова).

Политический потенциал диалогического памятования раскрывается в случаях, когда целью мемориальной политики становится устранение потенциально конфликтной асимметрии памяти (например, в условиях необходимости работы с последствиями гражданской войны (например,

³²⁸ Passerini L. *Shareable Narratives? Intersubjectively. Life Stories and Reinterpreting the Past* // *Berkely Paper*. – 2006. – August. – 11–16 pp.

противоречия между потомками красного и белого казачества в России) или иного менее радикально выраженного общественного раскола (идеологические разногласия между сторонниками и противниками распада СССР). Как отмечает А. Ассман, подлинное разрешение конфликта возможно только тогда, когда «противоборствующие стороны сумели включить своё противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня»³²⁹. Данная модель нивелирует имплицитно присущий травме эффект дезадаптации, как неспособности отказаться от утверждённой травматическим переживанием символической матрицы в оценке событий прошлого и настоящего.

Использование модели диалогического памятования значимо не только на общемировом, но и на внутригосударственном уровне. Как показал Дж. Александер, для конструирования травматической репрезентации, способной помочь носителям травматических переживаний преодолеть их, особое значение имеет формирование связи жертвы травмы с более широкой аудиторией³³⁰. Это особенно важно, когда речь идёт о коллективных травмах этнических групп, проживающих в многонациональном государстве: диалог памяти, как акт коммуникации, позволяет устранить асимметрию памяти, достичь символического баланса и сформировать устойчивые связи между отдельными сообществами (как-то – сообщество носителей и периферийная аудитория, поляризованные различными взглядами на травматический эпизод группы и т.д.).

Формируя универсальную теоретическую модель работы с травмой, представляется возможным описать процесс детравматизации метафорой двухэтапного перевода: первый этап предполагает деконструкцию травматического свидетельства в результате анализа (интерпретация), второй – «перевод» травматического переживания на язык «принимающей группы»,

³²⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 73.

³³⁰ Александер Дж. Указ. соч. – С. 23.

более широкой аудитории (репрезентация).

Остановимся подробнее на первой фазе «перевода». На данном этапе понятие травма имеет обыденный смысл: «результат шокирующих происшествий, меняющих основы жизни человека»³³¹. При этом, как отмечалось ранее, подобные происшествия, далеко не всегда тождественны непосредственному участию индивида: они имеют в первую очередь характер «внутренних катастроф», лицо является лишь опосредованным свидетелем катастрофы внешней, но этого его внутреннее переживания не менее сильны.

В работе «Социальная теория и травма» Р. Айерман рассматривает влияние «травматического опыта» на творческую деятельность таких исследователей как З. Фрейд, М. Хорхаймер, Т. Адорно и др. Как известно, последняя книга З. Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» была завершена в эмиграции. Учёный был вынужден покинуть стремительно поглощаемую идеями фашизма Германию. Вспышка антисемитских настроений, оказавших столь трагическое влияние на судьбу самого учёного, имела значительное влияние на специфику рассматриваемой работы. Фактически, З. Фрейд и его семья стали жертвами религиозной и этнической идентификации, оказавшейся причиной вынужденного переселения и связанных с самоанализом теоретических рассуждений. Таким образом, личная травма и травма группы, с которой так или иначе ассоциировал себя учёный, нашла отражение в содержании и форме его научного труда. Аналогичным образом, по мнению Р. Айермана, может быть прочтена и понята работа З. Баумана «Современность и Холокост».

Как справедливо отмечает Р. Айерман, хотя для художественной литературы форма, безусловно, имеет существенное значение. Касается это и литературы по социальной теории. Речь идет об использовании литературного произведения в качестве средства трансляции

³³¹ Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. – 2013. – № 1. – С. 121–122.

«непредставимого» опыта³³². Для использования текстов как способа выражения травмы необходимо анализировать текст на предмет тех разрывов, которые лежат в его начале, становятся импульсом для его описания, то, что Дж. Хартман именует «изначальной внутренней катастрофой»³³³. Эти разрывы в текстах по социальной теории можно определить по «разрыву потока аргументации», неожиданным сбоям, оговоркам, пропускам, отступлениям. Чтение социальной литературы в свете теории травмы – поиск смысла в аспектах, которые иначе могут быть восприняты как нечто ненаучное, непрофессионализм автора, гипербола, гротеск, разрозненность или явная непоследовательность. В этом заключается специфика первой фазы перевода.

Вторая фаза перевода подразумевает репрезентацию полученной от носителя и расшифрованной информации о травматическом эпизоде и построение устойчивого посттравматического дискурса, способного эффективно заполнить существующие «лакуны» памяти или заменить возникшие «квазирепрезентации».

Суть методологического комбинирования психоаналитического и культурсоциологического подхода к изучению травмы как социального феномена в разработке данной модели заключается в необходимости не только исследования «продуктов проговаривания травмы» (полученных, например, в результате глубинных интервью с непосредственными носителями «живой» памяти-опыта или же поиска травматических сообщений в литературных или иных произведениях, способных, как отмечает К. Карут, «сломать барьеры неартикулируемого»), но и анализа социально-политического контекста, в котором данные сообщения были созданы. По верному замечанию П. Штомпки, попытки репрезентации не

³³² Аейрман Р. Указ. соч. С. 135–136.

³³³ Hartman G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // *New Literary History*. – 1996. – N 3. – P. 537–563.

происходят в вакууме³³⁴: в этой связи важно понимать, почему сконструированный травматический дискурс принял именно такой характер, кем и при каких обстоятельствах осуществлялось определение виновного и источника травматических переживаний.

2.2. Преодоление исторических травм в отечественной политике памяти: основные политические практики.

XX век, описанный множеством историков, как век потрясений, не стал исключением и для российского общества, испытавшего в течение ста лет две радикальные трансформации государственного устройства, социальной иерархии и системы ценностей. Амбивалентность последствий социальных перемен отмечается в исследованиях «аномии успеха» Э. Дюркгейма³³⁵, теории культурного лага У. Огборна³³⁶, анализе «общества риска» Э. Гидденса³³⁷, теории аномии Р. Мертона³³⁸, гипотезе социального лага и ценностного синдрома постмодерна Р. Инглхарта³³⁹. Идея социокультурной травмы как последствия социальных трансформаций, ведущих к эрозии идентичности, описана в трудах Н. Смелзера³⁴⁰, П. Штомпки³⁴¹. О травматической утрате идентичности, сопровождаемой ощущением невосполнимой потери, упадком культуры и дезориентацией, пишет и Ф.Р. Анкерсмит³⁴².

Кроме того, период советской государственности завершился, оставив

³³⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

³³⁵ Дюркгейм Э. – Аномия успеха. М.: АСТ, 2018. – 448 с.

³³⁶ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Boston: Houghton Mifflin, 1950. – P. 561–563.

³³⁷ Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

³³⁸ Мертон С.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.

³³⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 6–32.

³⁴⁰ Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. – New York: The Free Press. 1963. – 436 p.

³⁴¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

³⁴² Ф.Р. Анкерсмит. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 443.

непроработанными травматические последствия революционных событий 1917 г., гражданской войны, красного террора, раскулачивания, коллективизации, политических репрессий. Подобное подавление аналитических импульсов в отношении травматических событий весьма опасно, т.к. создает риски обесценивания публичной сферы, атрофии общественной жизни³⁴³, а в ситуации, когда субъект не может в полной мере осознать травматический опыт, вероятно подмена правдивых образов прошлого эрзац-репрезентациями, способными привести к коллективным неврозам.

Таким образом, в начале 90-х гг. новая политическая элита столкнулась с необходимостью проработки комплекса как унаследованных, так и приобретённых в результате социальных изменений коллективных травм. Работа с трудным прошлым составляет значительный элемент культурной и исторической политики государства, становящейся в современном мире одним из ключевых инструментов управления, представляющим собой как средство консолидации, так и основу для социального договора между государством и обществом. При этом, ведя разговор о трудном прошлом, важно оценивать не только эффективность государственного участия в работе с ним, но и сбалансированную систему сдержек и противовесов, позволяющую ограничить как избыточное вмешательство властных акторов в свободу интерпретаций коллективного прошлого, так и инструментализацию «избранных травм» сообществ отдельными политическими акторами в спекулятивных целях.

В этой связи представляется важным изучить собственно механизмы преодоления исторических травм в отечественном пространстве памяти с использованием ретроспективно-исторического и структурно-функционального подходов.

В качестве гарантии устойчивости, как условия непрерывного

³⁴³ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и политика. – М: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 193.

развития, каждое сообщество нуждается если не в идентичности, то в сходных паттернах идентификации, одним из которых выступает историческая память как «механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся основанием не индивидуального, а минимально коллективного сознания»³⁴⁴. В этом смысле коллективный травматический опыт нуждается в осмыслении не меньше, нежели иные аспекты исторического наследия.

В.Э. Багдасарян определяет историческую политику как «политику, реализуемую теми или иными политическими субъектами через обращение к прошлому, использование представлений о прошлом в политических целях»³⁴⁵. Схожее определение даёт и А.Ю. Миллер, описывая политику памяти как набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий, по которым в обществе нет консенсуса, как доминирующие, используя административные и финансовые ресурсы государства, осуществить идеологическую индоктринацию в сфере коллективного сознания и исторической памяти. Исследователь отмечает, что феномен исторической политики присущ демократическим плюралистическим обществам, декларирующим свободу слова и не отягощённых «официальной презумпцией идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля»³⁴⁶: эти условия необходимы для возникновения политики как конкуренции точек зрения в отличие от официальной презумпции идеологической монополии с использованием механизмов цензуры и административного контроля над историографией. При этом взаимосвязь политики и истории имеет естественный характер,

Дж. Александер выделяет несколько институциональных арен, в рамках которых может осуществляться работа по рефлексии

³⁴⁴ Артамонова Ю.Д. Указ. соч. – С. 29.

³⁴⁵ Багдасарян В.Э. Указ. соч. – С. 12.

³⁴⁶ Миллер А.Ю. Указ. соч. – С. 10.

травматического прошлого: религиозная, эстетическая, правовая, научная, сфера средств массовой информации и сфера государственной бюрократии. Каждая из перечисленных институциональных арен отличается своими особенностями: как возможностями, так и ограничениями репрезентации. Так, в области эстетического работа со смыслом заключена в рамки определённых жанров и нарративов; репрезентационные процессы в сфере СМИ, с одной стороны, ограничены требованиями краткости и этической нейтральности новостного сюжета, с другой, подвергаются риску преувеличения и искажения события в условиях конкуренции за внимание аудитории; репрезентация в правовой сфере сопряжена с необходимостью вынесения суждений о распределении ответственности и возмещении ущерба; в научном мире поиск объективной правды о природы боли и жертв зачастую сопряжён с методологическими спорами; и, наконец, в сфере государственной бюрократии велик риск инструментализации травмы и направления репрезентационного процесса в русло, выгодное действующему политическому режиму³⁴⁷.

В отечественной политике памяти первые попытки оформления пространства для работы с наследием травматического прошлого сопряжены, прежде всего, со сферой государственной бюрократии и восходят к инициированному в 1953 г. после смерти И.В. Сталина процессу юридической реабилитации жертв политических репрессий, в первую очередь, т.н. «большого террора» 1937-1938 гг. Начиная с сентября 1953 г. в прокуратуре могли рассматривать жалобы осужденных тройками НКВД и коллегией ОГПУ об отмене решений и снятий судимости³⁴⁸. В 1955 г. начала формироваться нормативно-правовая база для регулирования правового положения реабилитируемых граждан. По различным оценкам, в период с

³⁴⁷ Александер Дж. Указ. соч. – С. 24–32.

³⁴⁸ Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР : Указ Президиума ВС СССР от 01 сентября 1953 г. // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9149#ZV3S6aTqKPPScrc1> (дата обращения: 22.09.2023).

1953 по 1960 гг. в СССР было реабилитировано более полумиллиона осуждённых, при этом, большая часть из них – посмертно.

Вместе с тем, необходимо отметить, что процесс реабилитации не протекал в условиях транспарентности: в свидетельствах о смерти жертв, которые по запросу родственников погибших выдавали органы ЗАГС, не указывались подлинные причины гибели, а места массовых захоронений жертв по-прежнему не подлежали огласке. Кроме того, процесс не имел достаточного информационного сопровождения: реабилитированному лицу не разъяснялись в полной мере действия по восстановлению нарушенных прав, что не способствовало социальной адаптации бывших осужденных после выхода на свободу, усугубляя пережитые травматические переживания и формируя новые.

Опосредованный политическими целями (сужение круга виновных, реабилитация коммунистической партии как внутри страны, так и в рамках мирового сообщества, повышение политического рейтинга Н.С. Хрущёва) процесс реабилитации осуществлялся под контролем Политбюро и имел существенные категориальные (из него были фактически исключены значительные категории жертв: политические оппозиционеры (социал-демократы, эсеры, духовенство, противники коллективизации и т.д.)) и хронологические (поскольку целью реабилитации провозглашалось возвращение к нормам ленинизма, он строился на предпосылке, что до начала «культы личности» Сталина политические репрессии не имели места) ограничения. Примером асимметричного характера процесса реабилитации может выступить правоприменительная практика в отношении депортированных народов, не предусматривавшая компенсации за потерю имущества.

Существенно затруднена была и публичная дискуссия о политических репрессиях: практики коммуникативного умолчания были обусловлены желанием советского руководства консолидировать общественные силы для движения вперёд и сохранения основ коллективной идентичности как залога

устойчивости советской государственности. Помимо этого, затруднения в осмыслении политических преступлений были сопряжены с их масштабами, длительностью, централизованностью, долговременным пропагандистским обеспечением моральной оправданности террора и эндогенностью (репрессии осуществлялись легитимным правительством над гражданами; жертвами преследования становились и убеждённые коммунисты со значительным партийным стажем). Таким образом, используя типологию психологических травм Ф. Рупперта, основанную на характере влияния травмирующих фактов на индивидуального и группового носителей, травма политических репрессий может быть определена не только как экзистенциальная (сопряжённая с угрозой существования отдельных социальных общностей), но и как травма системных отношений³⁴⁹.

В целом, несмотря на существенное число реабилитированных советских граждан, итогом асимметричного реабилитационного процесса стало формирование устойчивой квазирепрезентации, включавшей в себя существенное сужение временных рамок политических репрессий и формирование нарратива культа личности

Особое значение в работе с трудным прошлым приобрела сфера эстетического. В 1961 г. в журнале «Новый мир» было напечатано произведение «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына. Вместе с тем подавляющее большинство т.н. «лагерная литература» публиковалась в форматах т.н. «самиздата» и «тамиздата». Исследователи отмечают активизирующуюся к середине 60-х гг. роль «препятствующей аудитории»: практически любое произведение советской литературы должно было пройти редакторские чтения и обсуждения на нескольких уровнях публикации. Например, в американском издании «Бабьего яра» А.В. Кузнецова отдельно даются материалы, не пропущенные в 1966 г. в журнале «Юность». Вызовы цензуры получают художественный ответ. Широко известен пример

³⁴⁹ Ruppert F. Trauma, Bonding and Family Constellations: Understanding and Healing Injuries of the Soul. – Trudoxhill: Green Balloon Publishing, 2008. – 356 p.

иносказаний в произведении А.В. Жигулина «Урановая удочка».

В период руководства Н.С. Хрущёва производится ревизия школьных учебников с целью устранения проявлений «культы личности», получают первое упоминание политические репрессии. Например, в учебнике «История КПСС» появляется упоминание о репрессиях против «бывших идейных противников» и «коммунистов, боровшихся за ленинскую генеральную линию». В изданном в 1982 г. учебнике И.А. Федосеева и И.Б. Берхина упоминается о «допущенных ошибках и перегибах» в ходе проведения коллективизации³⁵⁰.

С 1964 г. политическое значение процесса реабилитации претерпело изменения, а тема репрессий из официального перешла в плоскость общественной полемики, при этом в обсуждении трудного прошлого использовался преимущественно идиоматический язык, преобладала осторожность оценок. На официальном уровне очевидна трансформация оценок исторической фигуры И.В. Сталина и НКВД. Сфера эстетического при активной поддержке государства насыщалась произведениями, реабилитирующими скомпрометированные публичным признанием политических репрессий органы НКВД, формировавшими положительные героические образы советских следователей, разведчиков и т.д. (картины «Щит и меч» (1967), «Развязка» (1970), «17 мгновений весны» (1973), роман «В августе 1944» (1973) и др.).

Период «перестройки», ознаменовавший начало глубинных перемен в культурной, политической и экономической сферах жизни советского общества, характеризовался усилением общественного интереса к прошлому. Иллюстративный успех способствовал расширению периферийной аудитории и спектра обсуждаемых тем, включавшего в себя уже не только политические репрессии сталинского периода, но и проблематику «красного террора», раскулачивания, рассказывания, депортации, оценку эффективности

³⁵⁰ Федосеев И.А., Берхин И.Б. История СССР. Учебник для 9 класса. – М.: Просвещение, 1982. – С. 329.

коммунистического режима в целом. Воздействие «лагерной литературы» в данный период перешло из информативного плана в план общественно-моральный и даже эстетический³⁵¹.

Для формирования правового пространства работы с трудным прошлым и восстановлением исторической справедливости в 1987 г. была учреждена Комиссия Политбюро ЦК КПСС для дополнительного изучения материалов, связанных с репрессиями: по итогам её работы процесс реабилитации впервые утратил свой исключительно заявительный характер: в 1988 г. было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11.07.1988 «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30-40е годы и начале 50-х годов», в соответствии с которым органы прокуратуры и КГБ СССР получили указание продолжить работу по пересмотру уголовных дел, независимо от наличия жалоб и заявлений граждан³⁵².

16 января 1989 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов», содержащий положение о создании «памятников жертвам репрессий» усилиями Комиссий народных депутатов и представителями общественности³⁵³: закладываются первые предпосылки увековечения памяти и мемориальных практик.

Принципиально новым началом в понимании травматических событий советского прошлого в 90е годы стало законодательное признание факта политических репрессий не только в сталинское, но и досталинское и

³⁵¹ Токер Л. Лагерная литература и её читатель. // Славянский альманах. – 2002. – Т.8. – № 11. – С. 119–134.

³⁵² О дополнительных мерах по завершению реабилитации необоснованно репрессированных лиц : Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 1.

³⁵³ О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов Указ Президиума ВС СССР от 16 января 1989 г. № 10036-ХІ (ред. от 31 июля 1989 г.): // Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 3, ст. 19.

послесталинское время и изменение типа ответственности за травму с персонифицированной («фигура палача») на коллективную. В то время как в тексте Декларации ВС ССР от 14.11.1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» использовались формулировки, возлагавшие ответственность на конкретную историческую фигуру («трагические годы сталинских репрессий», «варварские акции сталинского режима»)³⁵⁴, а рассмотренные ранее Постановления Политбюро и Указ Президиума ВС СССР очерчивали временные рамки репрессий сложной формулировкой «репрессии 30–40-х и начала 50-х годов», Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессии 20-х–50-х гг.» фактически сдвинул хронологическую границу признания репрессий ещё на одно десятилетие, затрагивая эпоху ленинского руководства государством. Особое внимание в Указе уделено мотивам репрессий: «политическим, социальным, национальным, религиозным»; Указ обращён и к мировому сообществу (репрессии признаются несовместимыми с «нормами цивилизации»), в нём фиксируются многочисленные нарушения норм права³⁵⁵. Закон о «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г. вновь расширил хронологические рамки репрессий: в соответствии с ним жертвами политических репрессий признаются лица, «подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г.» – т.е. с первого дня установления советской власти, «в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на

³⁵⁴ О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав : Декларация ВС СССР от 14 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 15.11.1990. – № 23, ст. 449.

³⁵⁵ О восстановлении прав всех жертв политических репрессии 20-50-х годов : Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/6323285/> (дата обращения: 22.09.2023).

государственном уровне политика клеветы и геноцида»³⁵⁶. В период с 1994 г. по 1996 г. категориальный перечень носителей травмы на законодательном уровне был расширен и конкретизирован: объектами политического террора признавались жертвы событий в Кронштадте в 1921 г.³⁵⁷, жертвы крестьянских восстаний 1918–1922 гг.³⁵⁸, военнопленные³⁵⁹, священнослужители и верующие³⁶⁰, жертвы тоталитарных репрессий в Катыни и Медном³⁶¹, лица, пострадавшие в результате подавления волнений в Новочеркасске в 1962 г.³⁶²

После 1993 г., когда стала очевидной невозможность проведения судебного процесса над КПСС, фокус внимания властных структур надолго сместился со сферы политики памяти на насущные социально-экономические сложности. Фактически работа с травмой репрессий в 90-е гг. сводилась к установлению источника боли и назначению преступника, проведения обзора потерь с возможностью их трансформации в нарратив, политизированность которого нельзя не отметить. По верному замечанию О.Ю. Малиновой, «новая Россия представлялась по контрасту со старой

³⁵⁶ О реабилитации репрессированных народов : Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107-1 (в ред. от 1 июля 1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 02.05.1991. – № 18, ст. 5.

³⁵⁷ О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года : Указ Президента РФ от 10 января 1994 г. № 65 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. –17.01.1994. – № 3, ст. 189.

³⁵⁸ О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов : Указ Президента РФ от 18 июня 1996 г. № 931 // Собрание законодательства РФ. – 24.06.1996. – № 26, ст. 3059.

³⁵⁹ О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период : Указ Президента РФ от 24 января 1995 г. № 63 // Собрание законодательства РФ. – 30.01.1995. – № 5, ст. 394.

³⁶⁰ О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий : Указ Президента РФ от 14 марта 1996 г. № 378 // Собрание законодательства РФ. – 18.03.1996. – № 12, ст. 1063.

³⁶¹ О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область) : Постановление Правительства РФ от 19 октября 1996 г. № 1247 // Собрание законодательства РФ. – 28.10.1996. – № 44, ст. 5029.

³⁶² О событиях в городе Новочеркасске в июне 1962 года : Постановление ВС РФ от 22 мая 1992 г. № 2822-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 04.06.1992. – № 22, ст. 1184.

Россией», с целью укрепить авторитет новой перспективной власти³⁶³. Травматическая тема «октябрьской катастрофы» активно использовалась в электоральной кампании Б.Н. Ельцина: в 1996 г. гражданам буквально предлагалось сделать выбор между демократическим будущим и возвращением к тоталитарному прошлому («Голосуй, или проиграешь!»). Когда же итоги выборов 1996 г. обнаружили лояльность населения к кандидату коммунистической партии, курс символической политики претерпел некоторые изменения. Так, стремясь достигнуть консенсуса в многообразии оценочных суждений и интерпретаций событий прошлого, «в целях смягчения противостояния и примирения различных слоёв общества»³⁶⁴ власти объявили 7 ноября (годовщину Октябрьской революции) Днём согласия и примирения. В 2004 г. фракция «Единая Россия» выступила с инициативой перенести праздник с 7 на 4 ноября, приурочив его к дате освобождения Москвы от иностранной интервенции, и дать ему название – День народного единства.

Совершенствовались и законодательство о жертвах политических репрессий. В Закон «О реабилитации» 1991 г. вносятся поправки, признающие детей, находившихся вместе с родителями в лагерях жертвами репрессий, а также детей, оставшихся по причине репрессий без попечения родителей решениями Конституционного суда.

В основе коллективной исторической травмы лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. Распад СССР как резкое и глубинное

³⁶³ Малинова О.Ю. Политика памяти в постсоветской России. Расшифровка видеолекции. – URL: <https://postnauka.ru/video/41333>. (дата обращения: 22.09.2023).

³⁶⁴ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (вместе с «Положением о комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России») : Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 (ред. от 08 сентября 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 25.05.2009. – № 21, ст. 2541.

социальное изменение повлек за собой утрату чувства принадлежности людей к единой общности. Кроме того, в период советской государственности были утеряны многие региональные элементы культурной идентичности, выступавшие ранее основой групповой идентичности граждан Российской империи (например, казачества). С крахом же идентичности советской опорных точек для самоидентификации, способных связать между собой разные социальные группы и поколения, фактически не осталось. Для описания кризиса идентичности, с которым столкнулось общество в 90е годы представляется возможным использовать предложенные Д. ЛаКапрой травматические категории “absence” («структурное отсутствие») и “loss” («исторические утраты»)³⁶⁵. Утрата реальна, исторична, материальна, её можно идентифицировать, отследив последовательность конкретных событий, и пережить, восстановив первоначальное состояние, если не на структурном, то хотя бы на ментальном уровне. Категория же “absence” имеет абстрактный характер и строится на неких утраченных устремлениях и идеалах. Такой конструкт особенно опасен в вопросах политической пропаганды: людей с неясной природой тревоги легко убедить, что они тревожатся именно после утраты того, что на самом деле никогда не имели, и склонить к дестабилизирующим общество действиям.

В этой связи, с начала 2000-х годов работа с коллективным сознанием включала в себя уже не только преодоление травматических последствий политических репрессий советского периода, но и работу с травмой постсоветской идентичности с использованием модели «интеллектуальной историзации»: приписывание историческому событию социальной значимости посредством закрепления их в нормативно-значимых, в т.ч. обязательных для изучения текстах. Особого внимания в данном контексте заслуживают два аспекта, реализуемых государством: реабилитация имиджа СССР и охранительная политика в отношении памяти о Великой

³⁶⁵ LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. N 4. P. 696–727.

отечественной войне («трагедия, но не травма»). Функциональную нагрузку формирования и закрепление образа «сильного государства-победителя» можно определить как создание точек консолидации российского общества в борьбе с возникшим после распада СССР кризисом идентичности.

С позиции социологического подхода к изучению травмы как социального феномена, фактически любое событие, удовлетворяющее критериям масштабности, экзогенности, внезапности и радикальности, может быть «сконструировано» в травму³⁶⁶. Учитывая возросшую фрагментированность коллективной памяти в первое десятилетие после распада СССР, а также обострение «исторических споров» между постсоциалистическими государствами Европы, российскими властями было уделено особое внимание сакрификации памяти о подвиге советского народа в годы Второй Мировой Войны. Так, в 2009 г. была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России; в 2014 г. в Уголовный кодекс РФ была введена статья 354.1 (реабилитация нацизма), предусматривающая уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны»³⁶⁷; в 2020 г. в ст. ч. 3 67.1 Конституции РФ были закреплены необходимость защиты исторической правды и недопущение «умаления значения подвига народа при защите Отечества»³⁶⁸; в 2021 г. был введён запрет публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР и нацистской Германии и отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии

³⁶⁶ Штомпка П. Указ. соч. – С. 8.

³⁶⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. Ст. 2954.

³⁶⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 22.09.2023).

СССР³⁶⁹. Наряду с охраной памяти о войне на законодательном уровне, государством вплоть до сегодняшнего дня активно используется перформативный потенциал искусства (особенно, кинематографического), а также приемы пространственной (организация мемориалов, музеев и исторических памятников) и временной локализации памяти (чествование трагических годовщин), вырабатываются особые коммеморационные ритуалы (минута молчания, акция «Бессмертный полк»). В целом, формирование единых паттернов коммеморации героев войны выступает связующим звеном между советским и постсоветским поколением, ведь значимость победы над фашизмом признаётся и разделяется всеми людьми.

Восстановление позитивного имиджа СССР, как способ преодоления травматического кризиса идентичности, не ограничивалось охранительной политикой в отношении памяти о Великой отечественной войне. В 2005 г., обращаясь к Федеральному собранию, Президент РФ В.В. Путин охарактеризовал распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века.

В 2006 г. по инициативе власти формируется экспертная группа по созданию унифицированного учебника истории России XX века, концепция которого, по мнению А.И. Миллера, основывалась на идеи «нормализации сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации»³⁷⁰. Подобный подход отразился на трактовке таких травматических эпизодов как голод 1933 г., события в Катynie и т.д. Вместе с тем, именно в данный период поиска унифицированной репрезентации российской истории, были предприняты попытки имплементации модели т.н. диалогического памятования, построенной на совместном производстве исторического

³⁶⁹ О внесении изменений в статью 6 ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» и статью 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 01 июня 2021 г. № 280-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.06.2021. – № 27, ст. 5108.

³⁷⁰ Миллер А.И. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 213.

знания в общей истории нанесённой и пережитой травмы, в частности о взаимном признании и совместимости картин истории отдельных социальных общностей (в том числе и государств): например, деятельность группы по сложным вопросам истории российско-польских отношений под руководством А. Ротфельда и А.В. Торкунова.

Начало второго десятилетия XXI века принесло в работу с коллективной памятью ряд принципиальных изменений. Активное участие с 90х гг. в работе с вопросами трудного прошлого экспертных сообществ (АИРО, «Мемориал»³⁷¹, и др.) способствовало дискредитации стратегии нормализации сталинизма в общественном мнении. В государственной политике памяти обозначается тенденция разграничения в общественном сознании достижений советского государства и собственно политических репрессий, ответственность за которые приобрела персонифицированный характер (фигура Сталина). Заявления о недопустимости нормализации сталинизма и необходимости артикуляции травматических переживаний как внутри государства, так и за его пределами включаются в риторику политических лидеров³⁷².

В продолжении институционализации отечественной исторической политики 20 июня 2012 г. основывается Российское историческое общество, а 29 декабря 2012 г. Указом Президента РФ создаётся Российское военно-историческое общество.

События 2014 г., приведшие к обострению войн памяти, оказали своё влияние на работу с исторической травмой политических репрессий в пространстве отечественной политики памяти. Ряд знаковых действий и заявлений со стороны властных структур позволяет сделать вывод о том, что в данный период формат осмысления травматических событий XX век

³⁷¹ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

³⁷² Напр.: Д. Медведев: Сталинским репрессиям не может быть оправдания // Риа Новости. 2009. – URL: <https://ria.ru/20091030/191235764.html> (дата обращения: 22.09.2023); Путин: Сталинским репрессиям нет оправдания // Life. 2010. – URL: <https://life.ru/p/19963> (дата обращения: 22.09.2023).

существенным образом отличался от установившегося общемирового тренда виктимизированных форм памяти.

Весной 2014 г. были приостановлены переговоры между создателями известного музея «Пермь–36» и администрацией Пермского края о создании общественно-государственного партнерства. В июне 2014 г. министр культуры В.Р. Мединский выступил с заявлением о нецелесообразности принятия программы по увековечению памяти жертв политических репрессий. Знаковым стало и выступление в августе 2014 г. патриарха РПЦ Кирилла о необходимости преодоления «синдрома исторического мазохизма», в частности, посредством изменения канонов школьного образования.

Тем не менее, 15 августа 2015 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». Документ был направлен на повышение уровня консолидации российского общества, упрочение национальной идентичности, предотвращение усугубления наметившихся ранее и обострившихся в результате событий 2014 г. линий разлома в интерпретации исторически значимых событий. В Концепции на законодательном уровне закреплялась необходимость «разработки эффективной государственной политики в области обретения обществом согласия по вопросам формирования наиболее значимых социальных ценностей»³⁷³, предлагалась «дорожная карта» сотрудничества между государством и общественными организациями, с целью нивелировать упрочившуюся систему поляризации убеждений, в которой власть традиционно ассоциировалась со стремлением сделать акцент на героических, сакрифицированных страницах истории, в то время как

³⁷³ Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561–р (ред. от 26 марта 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 24.08.2015. – № 34, ст. 4930.

общественные организации отождествлялись с попытками развить «общемировые» виктимизированные паттерны коммеморации. В Концепции закреплялась необходимость «осознания трагического опыта октябрьских событий 1917 г.», а также фиксировались такие травматические темы как дискриминация верующих, вынужденная послереволюционная эмиграция, коллективизация, разрушение крестьянского быта и, наконец, массовые репрессии. Практическая новизна Концепции заключалась в выработанном механизме количественной оценки качественных изменений. В частности, эффективность реабилитационных мероприятий предлагалось оценивать в количестве мемориальных объектов, количестве публикаций и сообщений в СМИ, посвящённых теме преодоления травматического опыта; числе пользователей Интернет-ресурсами по теме увековечивания памяти жертв политических репрессий; количестве проведенных научных мероприятий и численности студентов и сотрудников высших учебных заведений, вовлечённых в научную деятельность по данной теме.

Знаковым в вопросах организации коммеморационных практик жертв политических репрессий стал 2017 г., на который пришлось две мемориальные даты: столетие Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и восьмидесятилетие событий 1937 г., признанного Концепцией годом пика политических репрессий советского режима. Именно в 2017 г. акция «Возвращение имён» получила всероссийский характер, существенно увеличился масштаб акции «Молитва памяти», а также был открыт мемориал «Стена скорби».

Как отмечает А.Ю. Бубнов, несмотря на укрепление государственных позиций в работе с исторической памятью, к 2017 г. политика памяти была «далека от административного вмешательства в свободу исторических исследований и репрессивного навязывания единой точки зрения с

использованием государственных структур»³⁷⁴.

Современное государство продолжает укреплять свои позиции в работе с политическими репрессиями советского периода. С 2020 г. по распоряжению Президента В.В. Путина ведётся создание единой базы данных жертв политических репрессий с участием ФСБ, МВД, ФСИН и Росархива. В 2023 г., выступая на заседании Совета по правам человека, В.В. Путин отметил, что работа по увековечению памяти жертв политических репрессий должна продолжаться, поскольку она имеет принципиальную значимость для будущего страны.

В риторике власти продолжает наблюдаться стремление к сохранению персонифицированной ответственности за политические репрессии, в то время как достижения СССР, в частности, победа над фашизмом, отождествляются именно с подвигом советского народа³⁷⁵. Кроме того, усиливается контроль за деятельностью экспертных сообществ: так, в декабре 2021 г. Верховным судом России было ликвидировано Международное историко-просветительское общество «Мемориал»³⁷⁶.

В научном сообществе проблемы памяти о советском прошлом так же не остаются без внимания, образ СССР в социальной памяти поколений современных России и бывших советских республик регулярно становится предметом обсуждения на многочисленных научных конференциях и круглых столах, ведущих отечественных высших учебных заведений (МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ-ВШЭ, ГОУП и др.).

В целом, с начала 90-х гг. как политическая, так и интеллектуальная элиты столкнулись с проблемой конструирования новой российской идентичности, осложнённой, с одной стороны, культурной травмой,

³⁷⁴ Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 4. – С. 4.

³⁷⁵ Putin V.V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. – 18.06.2020. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982?page=0%2C1> (дата обращения: 22.09.2023).

³⁷⁶ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

причинённой значительной части населения распадом СССР; с другой, необходимостью подвергнуть ревизии заблокированные в течение долгого времени фрагменты травматического советского прошлого, зачастую подменённые мифами и ассиметричными псевдоисторическими конструкциями. Это предопределило значимость поиска баланса между необходимым раскрытием правды о прошлом и воздаяния справедливости жертвам, с одной стороны, и реабилитацией советского государства и, особенно, общества, с другой стороны. На практике это выразилось в механизме отделения истории политического режима от истории страны и общества в целом.

На сегодняшний день формат осмысления травматических событий советского прошлого всё ещё остаётся не полностью определённым. Использование образа СССР во властной риторике трансформировалось от политизированного критического нарратива «старой» России к идее государственной преемственности в сочетании с признанием политических репрессий, стратегиями коллективного памятования и констатацией невозможности оправдания сталинизма. Столкнувшись с тезисами о синдроме «исторического мазохизма» и избыточности коммеморации жертв политических репрессий, данная общественная позиция тем не менее нашла своё отражение в современной Концепции реабилитации жертв политических репрессий.

Как отмечает А.И. Миллер, для современного дискурса о репрессиях по-прежнему характерна фокусировка на жертвах, а не виновниках³⁷⁷. Между тем, построение устойчивого посттравматического нарратива не исчерпывается определением природы боли и природы жертвы³⁷⁸. Существенное значение имеют и такие элементы как распределение ответственности и формирование связи жертвы травмы с более широкой

³⁷⁷ Миллер А.И. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015.- Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 219.

³⁷⁸ Александер Дж. Указ. соч. – С. 21–23.

аудиторией. В первом случае остается перспективной использование модели компромиссного памятования, основанной на выстраивании диалогической взаимосвязи между памятью жертв, свидетельской памятью и памятью виновных. В мировой практике специфическим институтом, отвечающим данной цели, выступают комиссии правды и примирения (профессиональные экспертные сообщества и правозащитные организации). Во втором случае, речь идет не только о легитимации артикуляции травматических переживаний, как это было сделано в начале 90-х гг. после отказа от неконструктивных практик замалчивания, но и о популяризации темы репрессий; как подчеркивает Дж. Александер, «аудитория может символически присоединиться к переживанию первоначальной травмы, только если жертвы будут представлены в терминах, описывающих их ценные качества, разделяемые более масштабной коллективной идентичностью»³⁷⁹. В этом смысле эффективным представляется последовательное представление в медиа образов реальных советских людей, ставших жертвами репрессий.

2.3. Специфика отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей (на примере последствий большевистской политики рассказывания)³⁸⁰

Одной из ключевых травматических тем отечественного пространства памяти, безусловно, является тема политических репрессий советского периода. Необходимость увековечения памяти о трагических страницах национальной истории неоднократно подчеркивалась лидерами государства. В.В. Путин отмечает, что именно чёткость и однозначность оценки

³⁷⁹ Александер Дж. Указ. соч. – С. 21–23.

³⁸⁰ При написании данного параграфа диссертации использована статья автора: Самсонова Н.Н. Травма рассказывания в коллективной памяти культурно-этнической общности // Вестник Пермского университета. Серия "Политология". – 2023. – Том. 17. – № 2. – С. 71–81.

политических репрессий позволит не допустить их повторения в будущем³⁸¹.

Как уже подчёркивалось ранее, историческая травма резистентна во времени, в период латентного сохранения травмы в коллективном сознании, зачастую отличающийся значительной продолжительностью, пул подлинно исторических свидетельств травматического эпизода сменяется на набор эмоционально окрашенных интерпретаций, что может использоваться политическими акторами в спекулятивных целях. Как отмечает К. Карут, «исторический опыт невозможно описать, внутри безумия находится неартикулируемое событие, которое ищет способ быть описанным или выраженным»³⁸². В случае, если унифицированной и массово приемлемой репрезентации травматического события достичь не удалось, велики риски формирования альтернативной памяти, построенной на подмене понятий. Особенно существенен риск инструментализации травматических переживаний отдельных культурно-этнических сообществ, проживающих в многонациональном и мультикультурном государстве. Активизируя механизмы социального недовольства и перенося испытываемое сообществом чувство стресса в условиях не исцелённой до конца травмы в плоскость отношений этноса и государства, политический актор может намеренно наращивать и мобилизовать заложенный в данных отношениях конфликтогенный потенциал. В качестве примера подобного выстраивания травматического дискурса можно привести использование «Партией Народной Свободы» событий 1919 г. в риторике, направленной на создание собственной интерпретации травматического опыта такой культурно-этнической общности как казачество.

В статье «Быть сильными: гарантии безопасности России» В.В. Путин

³⁸¹ Путин считает, что прошлые политические репрессии не имеют оправдания // Сайт Tass.ru. – 30.10.2017. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/4688362/> (дата обращения: 22.09.2023).

³⁸² Суверина Е.Г. Архив, событие и историческая травма. Интервью с профессором Корнелльского университета Кэти Карут // Сайт Publichistorylab.ru. – 14.01.2015. – URL: <http://publichistorylab.ru/archives/176> (дата обращения: 22.09.2023).

отмечает: «После революции 1917 года казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду»³⁸³. Задача современного государства состоит в помощи казакам в сохранении их культуры и традиций, в частности, посредством привлечения их к несению военно-патриотической службы и патриотическому воспитанию молодёжи. Необходимо обратить внимание, что в тексте ст. 2 принятого в 1991 г. Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» именно казачество приводится в качестве примера «исторически сложившейся культурно-этнической общности, против которой по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида»³⁸⁴.

С начала 90-х в регионах традиционного расселения данной уникальной культурно-этнической общности (в частности, в Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях) наблюдается активное движение по возрождению казачества, на федеральном уровне формируется правовое поле современного казачьего движения. В 2005 г. Федеральным законом «О государственной службе российского казачества» была создана правовая основа участия членов казачьих обществ в несении государственной и иной службы³⁸⁵. Значение данного нормативно-правового акта в вопросах преодоления коллективной травмы не менее велико, чем значение Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», поскольку Федеральным законом № 154-ФЗ казачеству возвращалась его традиционная роль – несение воинской службы во благо Отечества. 9 августа 2020 г. Указом Президента № 505 была утверждена «Стратегия государственной политики в отношении российского

³⁸³ Путин: Сталинским репрессиям нет оправдания // Life. 2010. – URL: <https://life.ru/p/19963> (дата обращения: 22.09.2023).

³⁸⁴ О реабилитации репрессированных народов : Закон РСФСР от 26 апреля 1991 №1107-1 (в ред. от 1 июля 1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 02.05.1991. – № 18, ст. 5.

³⁸⁵ О государственной службе российского казачества : Федеральный закон от 05 декабря 2005 г. № 154-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 50, ст. 5245.

казачества на 2021–2030 годы», в соответствии с которой основными приоритетами развития казачества как исторически сложившейся социокультурной общности стали обеспечение консолидации российского казачества, сохранение его духовного наследия и обеспечение реализации «потребности казачества» в служении обществу через эффективные механизмы привлечения к несению государственной службы и решению задач в интересах национальной безопасности (укрепление обороны страны, профилактика экстремизма, защита окружающей среды, формирование устойчивых каналов коммуникации с соотечественниками, проживающими за рубежом и т.д.)³⁸⁶

Вместе с тем, как отмечает один из ведущих исследователей истории российского казачества А.В. Сопов, сохранение напряжённости в отношениях власти и казачества в разных регионах России позволяет предположить недостаточность теоретических изысканий в данной области³⁸⁷.

Представляется, что одним из затруднений на пути возрождения казачества выступает плюрализм подходов самих казачьих сообществ в определении дальнейшего вектора развития: от фокуса на культурной самобытности и сохранении исторического наследия в конструктивном сотрудничестве с властью до сохраняющегося в тех или иных формах партикуляризма казачьего движения³⁸⁸, проявляющегося, в частности, в идеях национально-государственного самоопределения казачества³⁸⁹.

³⁸⁶ Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы : Указ Президента РФ от 09 августа 2020 г. № 505 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.10.2020. – № 32, ст. 5259.

³⁸⁷ Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества: дисс. ... доктора исторических наук : 07.00.07. – Москва: 2012. – 504 с.

³⁸⁸ Рвачёва О.В. Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. – № 5. – 2010. – С. 144.

³⁸⁹ К Кислицын С.А., Кириченко А.В., Шолохов В.Л. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. – Материалы международного круглого стола. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 222.

Последнее, как полагает О.В. Рвачёва, в определённой степени обуславливается принятым в 1991 г. Законом «О реабилитации репрессированных народов», закрепившим за казаками статус репрессированной культурно-этнической общности с соответствующими правами на территориальную реабилитацию (возвращение территорий традиционного проживания для создания т.н. «казачьих республик»). Прослеживаемая с 1995 г. тенденция к «огосударствлению»³⁹⁰ или же «институционализации»³⁹¹ казачества, выраженные в создании системы контроля над казачьим движением со стороны государства³⁹², с одной стороны, способствовала интеграции казачества в жизнь российского общества и аккумуляции его потенциала в решении задач государственной безопасности, с другой же стороны, привела к усугублению порождённого репрессиями советского периода травматического кризиса идентичности казачества, что на современном этапе выразилось в возникновении противоречий между т.н. реестровым казачеством (преемником царского казачества как военно-служилого сословия) и казаков, находящихся вне официальных структур казачьих сообществ и позиционирующих себя как носителей отличительных этнокультурных черт.

Системное представление особенностей отражения травматического события в коллективной памяти казачества как культурно-этнической общности может быть осуществлено посредством анализа основных элементов травматического нарратива сообщества, изучения особенностей трансформации коллективной идентичности в результате травматизации, выявления моделей обращения с травмирующим прошлым, характерных для изучаемого культурно-этнического сообщества, и факторов, опосредующих течение мнемонических процессов.

³⁹⁰ Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2003. – № 5(29). – С. 25–56.

³⁹¹ Озеров А.А. – Политико-правовая институционализация современного казачества. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006. – 162 с.

³⁹² Рвачёва О.В. Указ. соч. – С. 145.

Для реализации поставленных исследовательских задач был выбран метод-контент анализа. Эмпирическую базу исследования составили материалы 30 виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 г. по 1 июня 2022 г.³⁹³.

Выбор эмпирической базы исследования обусловлен тем, что в условиях массовой «дигитализации» памяти особый пласт формирования травматических репрезентаций представляют собой т.н. «виртуальные площадки»³⁹⁴. Благодаря дигитализации памяти на смену институционализированной коллективной памяти приходит множественная, диалогическая память, открытая для трактовок и интерпретаций, что создаёт предпосылки для использования в работе с исторической травмой модели диалогического памятования, построенной на совместном производстве исторического знания об общей истории и взаимном признании и совместимости картин исторического прошлого (*shareable narratives*)³⁹⁵. По верному замечанию Дж. Александера, процесс формирования травматических репрезентаций не разворачивается в ходе, используя терминологию Ю. Хабермаса, «прозрачной речевой ситуации»³⁹⁶, в которой не сила, не власть, а лучший аргумент празднует победу. В социальной практике языковое действие опосредуется природой институциональных арен, на которых оно осуществляется, будь то религиозная, научная,

³⁹³ Казаки. Российское Казачество», «Казаки & Казачество», «Скифия», «Донской телеграф», «Кубанский кизяк (казачество, Кубань, казаки)», «Казакия», «Казаки. Казачество История», «Воронежское отдельное казачье общество ВКО ЦКВ», «Возрождённое Казачество Руси», «Стрелы Сары-Азмана», «Переславское казачество», «Донские казаки», «Казачий рубеж», «Казаки-единомышленники», «Крымское казачество», «Православное казачество», «Астраханское казачество», «Казаки Воронежской области», «Казачий присуд», «Добринское казачество», «Казачья служба», «Симбирско-ульяновское казачество», «Белогвардейцы. Донское казачество. Всевеликое», «Казачество на службу Отечеству», «Донское казачество», «Казачество, казаки», «Пермское казачество», «Донские казаки и казачки: прославляем казачество», «Казачество», «Казачье братство online».

³⁹⁴ Ле Гофф Ж. История и память. – М: РОССПЭН, 2013. – С. 214.

³⁹⁵ Passerini, L. Ibid.

³⁹⁶ Habermas, J. Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984.

бюрократическая, эстетическая и иные сферы, каждая из которых отличается определёнными ограничениями репрезентации³⁹⁷. Пространство же виртуальной коммуникации представляется максимально свободным от таких ограничений. Новые формы сетевой мобилизации позволяют институтам гражданского общества и активным индивидам создавать неформализованные объединения, не связанные каркасной вертикальной структурой³⁹⁸, что способствует активному выражению мнения их участников по значимым для них вопросам. Это особенно важно с учётом того, что одним из наиболее эффективных механизмов преодоления травматического переживания является его проговаривание. Вместе с тем, нельзя забывать о том, что далеко не каждое проговаривание эффективно: бессистемное проговаривание способно лишь усилить травматический эффект и привести к росту общественного недовольства, что особенно опасно, если речь идёт о коллективной травме отдельной культурно-этнической группы, являющейся частью мультикультурного государства.

В соответствии с поставленными задачами исследование включало в себя два этапа. Первый этап исследования был посвящён изучению с применением частотного контент-анализа основных элементов существующего травматического нарратива рассказывания (с опорой на модель Дж. Александера). На втором этапе исследования с использованием качественного ненаправленного контент-анализа эмпирического массива были определены основные аспекты травматической трансформации коллективной идентичности культурно-этнического сообщества, дана оценка наиболее часто артикулируемых в информационном пространстве проблем; рассмотрены особенности трансформации коллективной идентичности в результате травматизации; выявлены модели обращения с травмирующим

³⁹⁷ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 24.

³⁹⁸ Бронников И.А. Сетевой гражданский активизм в политическом процессе России // Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. В.И. Якунина. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 538.

прошлым и дан анализ факторов, опосредующих течение мнемонических процессов.

Основные элементы травматического нарратива рассказывания

Описывая механизм формирования «господствующего травматического нарратива», Дж. Александер выделяет четыре базовых элемента: (1) определение источника боли (характер события, произошедшего с отдельной группой и более крупным сообществом, частью которого она является); (2) определение природы жертвы (Какая именно группа испытала травмирующую боль? Пострадала ли она в силу того, что её члены выступали носителями определённых специфических признаков (этнических, религиозных, экономических) или в результате стечения обстоятельств?); (3) распределение ответственности (установление или назначение личности преступника); (4) связь носителей с более широкой аудиторией³⁹⁹.

Для выявления специфики отдельных элементов травматического нарратива казачества был проведён частотный контент-анализ эмпирического массива.

В течение двух десятилетий после Октябрьской революции на территории Советского Союза погибли тысячи казаков. Определяя источник травматической боли и природу жертвы (элементы травматического нарратива 1 и 2), необходимо уяснить, воспринимается ли в качестве главной причины их гибели голод и вынужденные перемещения во время гражданской войны, «красного террора» и коллективизации, которые испытали на себе множество людей на территории бывшей Российской империи, или же в коллективном сознании казачества укоренено мнение о преднамеренном уничтожении представителей данной культурно-этнической группы? Вплоть до сегодняшнего дня в научном сообществе ведётся активная полемика о хронологии, форме и масштабах травмы казачества. Исследователями подчёркивается существующий плюрализм

³⁹⁹ Александер Дж. Указ. соч. – С. 20.

интерпретаций исторических событий и термина «рассказывание» в частности («этническое рассказывание», «словесное рассказывание», «внутрисловесное рассказывание», «саморассказывание», «раскулачивание»)⁴⁰⁰. Можно выделить два основных подхода к пониманию рассказывания: как к политике, имеющей классовые основания⁴⁰¹ и как к процессу с ярко выраженной антиэтнической направленностью⁴⁰².

Итак, для определения элементов 1 и 2 травматического нарратива были проанализированы ключевые характеристики травматических событий и их последствий.

Важно учитывать, что при упоминании травмы казачества в текстовых сообщениях может использоваться сразу несколько описаний, дополняющих друг друга (от принятого в научном сообществе термина «рассказывание» до эмоционально окрашенных описаний: «геноцид», «террор», «истребление»). В этой связи, при проведении контент-анализа виртуальных сообществ, посвящённых истории и культуре казачества, изучалась не частота упоминания «травмы казачества», а наиболее часто встречающиеся его характеристики, позволяющие определить специфику восприятия события собственно члена травмированного сообщества.

Единицами подсчёта стали выступили 13 описательных характеристик («рассказывание», «геноцид», «этноцид», «демоцид», «истребление», «террор», «репрессии», «депортация», «экспроприация», «раскулачивание», «коллективизация», «ассимиляция», «голодомор»). При анализе 24118 отобранных сообщений (средний показатель – 800 сообщений на одно сообщество), относящихся к травме казачества и содержащих в себе всего

⁴⁰⁰ Кислицын С.А. «Рассказывание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20–х гг. // Возрождение казачества: история и современность: Материалы V Всероссийской (международной) конференции. – Новочеркасск, 1994. – С. 98–106; Чернопицкий, П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы возрождения казачества: сборник научных статей. Часть 2. – Ростов-на-Дону: издательство РГУ, 1996. – С. 84–88; Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. – М.: Альтаир, 2017. – 636 с.

⁴⁰¹ Чернопицкий, П.Г. Указ. соч.

⁴⁰² Кислицын С.А. Указ. соч.

26437 описательных характеристик, было установлено, что наиболее распространёнными оказались следующие характеристики: «геноцид» (22,5%), «репрессии» (17,84%), «расказачивание» (14,55%), «террор» (14,23%), «истребление» (10,71%). Таким образом, нарратив травмы казачества строится в большей степени на убеждении в фактах преднамеренного насилия в адрес отдельной исключительной группы, нежели в том, что данная группа пострадала как часть наиболее крупного сообщества, наравне с другими его представителями (в ходе гражданской войны). Необходимо также отметить, что внутри казачества фактически отсутствует разделение по региональному признаку. Упоминания о расказачивании как об *общеказачьем горе* встречаются значительно чаще (81,88% от общего числа упоминаний), нежели упоминания о жертвах среди отдельных групп казачества (донского (7,06%), кубанского (3,76%), крымского (0,89%), терского (5,35%), сибирского (0,93%) и иных групп (например, «казаки-калмыки» - 0,13%). (См. Приложение 1).

Изучение элемента 3 травматического нарратива (распределение ответственности) требует разъяснения ряда аспектов. Воспринимаются ли потери, понесённые казачеством, как действия отдельных лиц или как политика целого государства? Идёт ли речь о персональной или коллективной ответственности? Достаточно ли усилий прилагает современное государство, или же оно лишь усугубляет негативные последствия пережитого?

С этой целью был вновь применён метод количественного частотного контент-анализа. Для категории персональная ответственность в качестве индикаторов были использованы фамилии партийных функционеров, с которыми традиционно связывают основные волны расказачивания. Категория коллективная ответственность была разделена на две группы: советский период и современный период. В рамках первой группы было выделено 4 подгруппы: 1) политические силы (индикаторы: «большевистская партия», «большевики», «РСДРП (б)», «коммунистическая

партия», «коммунисты» и т.д.), 2) вооружённые силы (индикаторы: «Красная Армия», «красногвардейцы», «красные»), государственные органы (индикаторы: «НКВД», «Донбюро», иные наименования), советское государство (индикаторы: «СССР», «Советы», «советская власть» и т.д.), представители казачества (индикаторы: «советское казачество», «красное казачество» и т.д.). Индикаторы второй группы: «современная власть», «современное государство», «правительство» и т.д.

Результаты исследования позволили установить, что потери, понесённые казачеством, воспринимаются как скорее результат системной государственной политики (73,43%), нежели зона персональной ответственности отдельных политических деятелей (26,57%). Наиболее часто в негативном ключе упоминаются такие исторические деятели как В.И. Ленин (27,54%), И.В. Сталин (19,3%), Г.К. Орджоникидзе (12,03%), Я.М. Свердлов (10,73%), Л.Д. Троцкий (10,45%). (См. Приложение 2). Сообщения, возлагающие на современное государство ответственность за травму казачества, составили 11,66% от общего числа, что указывает на высокий риск инструментализации травмы (например, использования её несистемными политическими акторами). Так, несистемная оппозиционная «Партия Народной Свободы» регулярно обращалась к травматической теме казачества в своей риторике, подчёркивая существование правовой коллизии между Законом «О реабилитации репрессированных народов», в котором казачество описывается как этнос, и более поздними нормативными актами, где этнический подход сменяется на функциональный. В «Заявлении к столетию геноцида казачества» также содержится критика современной власти за «уничтожение казачьего народа методами обезличивания, очернения и лжи», «глумление над истинными казачьими ценностями»⁴⁰³. В сферу распределения вины за переживаемую казачьим народом травму

⁴⁰³ Бюро Федерального политсовета Партии народной свободы (ПАРНАС). Заявление ПАРНАС к столетию геноцида казачества. URL: <https://www.parnasparty.ru/news/49> (дата обращения: 22.09.2023).

включается и современное государство.

Оценка четвёртого элемента травматического нарратива модели Дж. Александера (связь носителей травмы с периферийной аудиторией) даётся на следующем этапе исследования.

Влияние коллективной травмы казачества на коллективную идентичность

Говоря об уяснении природы травматической боли, П. Штомпка выделяет три основных типа травматических симптомов (последствий), в соответствие с областями, на которые травма воздействует: демографические, социальные (разрушение сформировавшихся каналов социальных отношений, общественной иерархии) и собственно культурные: резкая трансформация аксиологических и когнитивных компонентов культуры, ведущая к нарушению коллективной идентичности⁴⁰⁴. О схожих чертах травмы как культурного феномена пишет и Р. Айерман: суть травматического эффекта заключается в том, что некогда устойчивая коллективная идентичность расшатывается, а её основания ставятся под вопрос⁴⁰⁵. Ф.Р. Анкерсмит описывает конфликт утраченной и посттравматической идентичностей с помощью метафоры «боль Прометея»: воспоминание об идиллических «утраченных мирах», от которых общество вынуждено отказаться в силу экзогенных факторов⁴⁰⁶. Вместе с тем, как отмечает Д.А. Аникин, обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма конструирует определённую интерпретацию исторического прошлого⁴⁰⁷, а само травмирующее событие может стать

⁴⁰⁴ Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change Europe // European Journal of Social Theory. – 2000. – № 3(4). – P. 449–466.

⁴⁰⁵ Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 125.

⁴⁰⁶ Анкерсмит Ф.Р. Указ. соч. – С. 443.

⁴⁰⁷ Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет memory studies. Специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik> (дата обращения: 22.09.2023).

фактором формирования коллективной идентичности⁴⁰⁸.

Для изучения процесса трансформации идентичности казачества был проведён качественный контент-анализ эмпирического материала. В результате декомпозиции текстового массива было выделено и структурировано 24 118 единиц анализа. (См. Приложение 3).

На содержательно-установочном уровне изученные сообщения обращены к проблеме коллективной травмы казачества как уникальной культурно-этнической общности. Основные темы информационного массива: организация памяти о жертвах рассказывания (В1), восстановление исторической справедливости (В2), возрождение казачества (В3).

На проблемном уровне внутри темы В1 определены следующие аспекты: организация коммеморативных мероприятий (С1), память о жертвах рассказывания в образовательной среде (С2).

На целевом уровне состояние перечисленных аспектов можно оценить следующим образом. На локальном уровне сформированы устойчивые модели временной и пространственной локализации травматических событий, определены памятные даты травматических годовщин как для сообщества в целом (24 января – день памяти жертв рассказывания), так и для отдельных его групп (27 марта – памятная дата жертв терского казачества). Кроме того, представители казачества символически присоединяются к потомкам жертв политических репрессий советского периода в официально установленный День памяти жертв политических репрессий (30 октября). Приёмы коммеморации весьма разнообразны: от религиозных ритуалов до научных конференций, что указывает на вовлечение в коммеморативные практики широкого круга лиц. Вместе с тем, необходимо констатировать разногласия в наименовании региональных памятных дат: так, в подавляющем большинстве изученных сообщений главная дата коммеморации, 24 января именуется «днем геноцида казачества», на официальном же сайте ВКО «Всевеликое войско донское»

⁴⁰⁸ Ушакин С.А. Указ. соч. – С. 7–8.

дата означается как «День поминовения казаков и казачек Войска донского». Организация памяти о жертвах расказачивания в образовательной сфере также носит преимущественно локальный характер.

На атрибутивном уровне возможно указать следующие характеристики перечисленных аспектов темы: сохранение несогласованности в наименовании памятных дат свидетельствует о существовании различных интерпретаций событий травматического прошлого казачества, асимметрия освещения расказачивания в образовательном процессе не способствует выстраиванию связи между носителями травматического переживания и массовой аудиторией-реципиентом.

На проблемном уровне темы В2 были выделены следующие аспекты: проблема наследия большевистской власти (С3), проблема признания расказачивания (С4).

На целевом уровне состояние перечисленных проблем по материалам изученных публикаций оценивается следующим образом: с начала 90-х годов активистами казачьего движения ведётся разрозненная, но непрерывная деятельность по восстановлению исторической справедливости в отношении казачества, принимающая, в том числе, и характер символической борьбы. Современный процесс восстановления исторической правды о казачестве включает в себя два основных компонента: возрождение исторических традиций и реконструкция позитивного героического образа казака как самобытного носителя традиций служения Отечеству (возрождение таких социокультурных институтов как казачий круг, атаманство) и дань трагической памяти казачества (публичное признание потерь культурно-этнической общности во время гражданской войны и периода политических репрессий). Второй компонент включает в себя непрерывную, но плохо структурированную работу по десоветизации казачьего мира: борьба с советскими топонимами (переименование проспекта Подтёлкова в Платовский в Новочеркасске, акции станичного казачьего общества «Станица Казанская», пикеты по переименованию Свердловской области,

инициативы донского казачества по переименованию улиц Свердлова, Шаумяна, Войкова, Атарбекова, Кировского проспекта, Халтуринского переулка в Ростове-на-Дону и т.д.), открытое выражение неприятия политических акторов, аффилированных с коммунистической идеологией (например, инициатива «Красному террору нет!», обращение к КПРФ как историческому правопреемнику ленинской РКП (б) с требованием покаяться за политику расказачивания и «красного террора»). В подавляющем большинстве критических высказываний расказачивание характеризуется как длящийся процесс, принявший латентные формы ассимиляции казачьего народа. Окончание расказачивания в изученных материалах связывается с практическими мерами по устранению негативных последствий данного процесса: восстановление и развитие исторической и традиционной формы местного национального самоуправления казачьего народа (станец), признание казаков коренным народом России.

На атрибутивном уровне определены следующие характеристики, составляющие содержание совокупности проблем темы В2. Присутствие в публичном пространстве маркеров советского прошлого является фактором фрустрации для представителей казачества, что позволяет говорить об укорененности травматического опыта в коллективной памяти сообщества. Травматическое событие задаёт матрицу понимания мира: как наследие прошлого так и реалии настоящего переосмысляют в контексте травматического опыта⁴⁰⁹. О практическом проявлении этого травматического алгоритма пишет З.В. Силкевич в своём очерке «Национальное сознание русских», построенном на использовании в качестве одного из индикаторов современного русского менталитета ассоциативных интерпретаций понятий «социализм» и «капитализм». Автор полагает, что неприятие донским казачеством социализма во многом связано

⁴⁰⁹ Ушакин С.А. Указ. соч. – С. 9.

именно с трагедией рассказывания⁴¹⁰. Она, как элемент исторического прошлого данной культурно-этнической общности, в существенной степени влияет на выбор политической позиции. Травматический дискурс, построенный на понимании рассказывания как незавершённого процесса, оставляет широкое пространство для ретравматизации, в частности посредством инструментализации травмы, её использования для легитимации своих целей отдельными политическими акторами.

На проблемном уровне темы ВЗ были определены следующие вопросы: последствия раскола красного и белого казачества (С5), противоречия институционализации («огосударствления») казачества (С6), этническая самоидентификация казачества (С7).

На целевом уровне состояние отмеченных проблем внутри темы ВЗ можно оценить следующим образом. «Возрождение казачества» является незавершённым процессом. Обязательным условием организации полноценной проработки травмирующего прошлого является наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. В случае с исторической травмой казачества конструирование идентичности сообщества осложняется рядом факторов, в частности, травма казачества, как и практически любая травма, инициирующим событием которой выступают насильственные революционные преобразования, имеет бинарный характер. С одной стороны, это, безусловно, «травма жертвы», при которой пассивность переживания переходит в страдательность; с другой стороны, это ещё и описанная Б. Гизеном «травма преступника»⁴¹¹, возникшая в результате деления казачества на «красное» и «белое». Также в актуальной повестке ярко наблюдается противопоставление этнических казаков и современного реестрового казачества, критически оцениваемого как инструмент ассимиляции казачьего народа. Кроме того, анализ

⁴¹⁰ Силкевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). – М: Механик, 1996. – С. 95.

⁴¹¹ Giesen B. Ibid.

критических высказываний позволяет обнаружить ещё два внутренних конфликта: межпоколенческий (критика неудавшихся проектов возрождения казачества, осуществлявшихся «старшим поколением») и конфликт поведенческих стратегий: критика казаков, поддерживающих различные проявления мультикультурализма и ассимиляции: например, вступающих в т.н. «смешанные браки». Право казачества на этническую самоидентификацию наравне с другими народами, составляющими население Российской Федерации, рассматривается как один из важнейших способов преодоления последствий расказачивания.

На атрибутивном уровне можно выделить следующие характеристики темы «возрождение казачества». В соответствии с типологией психологических травм Ф. Рупперта, основанной на характере влияния травмирующих факторов на индивидуального и группового носителей, травма казачества может быть определена и как экзистенциальная травма, и как травма системных отношений⁴¹². Травма экзистенциального типа вызывается угрозой существования сообщества (в случае казачества – культурно-этического) в результате преднамеренного физического уничтожения, террора, а также политики ассимиляции, депортации, уничтожение сформировавшегося социального уклада. Последствия переживания такой травмы оказывают различное влияние на коллективную идентичность: от отказа от «негативной» идентичности и ухода из группы до активации процессов её сплочения. При этом такое сплочение может происходить по потенциально конфликтогенной модели «свой – чужой» (представители травмированной группы ориентированы не на поиск точек соприкосновения с внешней средой, а на самоизоляцию), а означение виновных за причинённую боль осуществляется в соответствии с механизмом каузальной атрибуции: ответственными за негативные события

⁴¹² Ruppert F. Trauma, Bonding and Family Constellations: Understanding and Healing Injuries of the Soul. – Trudoxhill: Green Balloon Publishing, 2008. – 356 p.

означаются не отдельные личности, а чуждые группы в целом.

Следует отметить, что для конструирования травматической репрезентации, способной помочь носителям травматических переживаний преодолеть их (в случае казачества реализовать цель «возрождения»), особое значение имеет достижение идентификации аудитории-реципиента с сообществом непосредственных носителей травмы (элемент 4 модели Дж. Александера)⁴¹³. Особую сложность установление такой связи приобретает в случаях, когда речь идёт о травме отдельной культурно-этнической общности. Так, выстраивание новой казачьей идентичности во многом происходит не посредством встраивания себя в мультикультурное российское общество, а за счет противопоставления себя ему. Характерным маркером подобного противопоставления является отрицание государственных праздников как социальных практик, воплощающих «консенсус по поводу смысла социального мира»⁴¹⁴. Так, 23 февраля в кругах радикально настроенного казачества воспринимается как день создания большевиками Красной Армии, символа репрессий для казачьего народа.

Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы об особенностях отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики расказачивания.

1. Анализ основных элементов травматического нарратива казачества показал, что последний строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы, несогласия с предпосылкой, что казаки пострадали также, как и всё население бывшей российской империи в ходе гражданской войны; потери, понесённые казачеством расцениваются как результат системной государственной политики, при этом расказачивание воспринимается как незавершенный процесс, принимающий

⁴¹³ Александер Дж. Указ. соч. – С. 23.

⁴¹⁴ Бурдьё П. Социология социального пространства. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 208 с.

форму ассимиляции и огосударствления.

2. В результате анализа информационного массива были выделены следующие особенности трансформации коллективной идентичности казачества.

1) Наличие внутренних расколов, указывающее на сохраняющийся кризис идентичности коллективного субъекта (конфликт поколений; историческое разделение казачества на «красное» и «белое»; характерный для культурно-этнических групп, включенных в плюралистические общества, конфликт поведенческих стратегий (сторонники интеграции и критики «ассимиляции»), конфликт поколений, противопоставление «этнических казаков» и «реестрового казачества»). При этом обязательным условием организации полноценной проработки травмирующего прошлого является наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Выстраивание новой идентичности казачьего сообщества осложняется комплексным характером перенесённой травмы.

2) Проблема «временного лага». Реконструируемое общее прошлое восходит к опыту, однако воспоминания о нём опосредуются нарративами, трансформирующимися вместе с рамками памяти. В случае рассмотренной межпоколенческой передачи травмы потомки непосредственных участников трагических событий, повлекших за собой эрозию идентичности сообщества, сталкиваются с необходимостью «поиска самости», опорных точек идентификации. Обращаясь к историческим и художественным свидетельствам, они обнаруживают там следы былого величия сообщества, однако, не могут в полной мере отыскать им подтверждения в настоящем. Понятие новой казачьей идентичности формируется под влиянием поколения, для которого рассказывание – это переживание давнего прошлого, а не настоящего; поколения, которое ориентируется, используя терминологию Д. ЛаКапры, не на «историческую утрату» (“loss”), сколько на «структурное отсутствие» (“absence”), абстрактный идеал, сформированный

под влиянием репрезентаций⁴¹⁵. Как уже отмечалось ранее, далеко не каждое «проговаривание» травматических переживаний имеет конструктивный характер. Представляется, что в случае травмы казачества имеет место феномен «нарративного фетишизма», описанный У.Сантнером⁴¹⁶. В данном случае бесконтрольное повествование о травматических событиях направлено как на спекуляцию на них в зависимости от индивидуальных целей говорящего, так и на создание некоего «удобного» контекста обесценивания травмы, искажения представлений о ней, смещение акцентов.

3) Специфика выстраивания отношений с внешней средой для культурно-этнической группы группы заключается в том, речь идёт не просто о заключении мемориально-этического договора между носителями травмы и остальным сообществом, а о совместном производстве исторического знания о пережитой травме, основанной на взаимном признании и совместимости картин истории. В противном случае, велики риски, что реконструкции идентичности группы будет происходить не посредством встраивания себя в сообщество в целом, а за счет противопоставления ему, особенно за счёт заложенного в отношении этноса и государства потенциально конфликтогенной схемы «свой – чужой». В этом смысле процессы институционализации казачества можно оценивать положительно. Периферийная аудитория способна символически разделить переживание трагических событий, только если его жертвы будут представлены в терминах, описывающих ценные качества, разделяемые масштабной коллективной идентичностью. Привлечение казачества к решению задач национальной безопасности коррелирует с установившимся в общественном сознании историческим представлением о казаках как о защитника Отечества, способствует формированию позитивного образа казачества, стимулирует рост общественного интереса к истории казачества,

⁴¹⁵ LaCapra, D. Trauma, Absence, Loss // *Critical Inquiry*. – 1992. – N 4. – P. 706

⁴¹⁶ Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // *Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г.* – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 392

в т.ч. к её трагическим страницам. С другой стороны, нельзя не согласиться с позицией О.В. Рвачёвой: огосударствление казачьих структур сопряжено как с рисками их дистанцирования от остального населения регионов их проживания в силу специфики внутренних интересов⁴¹⁷, так и с усугублением конфликтного потенциала раскола этнического и реестрового казачества.

3. Процессы перенастройки коллективной идентичности казачества как культурно-этнической общности опосредуются совокупностью внешних, социальных факторов, так и психологической составляющей, определяющей в значительной степени специфику проявления травматических симптомов. К внешним факторам можно причислить социокультурный контекст, включающий в себя актуальные потребности общества, частью которого является травмированная группа (например, в Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий читаем: «Страна не может стать полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий»⁴¹⁸, господствующая система взглядов, наличие или отсутствие условий для артикуляции травматического переживания как в правовом, так и в культурном поле (в частности, обязательная институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной: например, переход от диктатуры к демократии, отмена дискриминирующих законов и т.д.). Психологическая составляющая включает в себя такие элементы как этнический характер, объективизированный в культуре народа, этнический темперамент, как совокупность типичных реакций на фрустрирующую ситуацию, и этнические обычаи и традиции, стабилизирующие общественные отношения, посредством формирования определённых качеств. (Так, в работе А.

⁴¹⁷ Рвачёва О.В. Указ. соч. – С. 147.

⁴¹⁸ Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-р (ред. от 26.03.2019) // Собрание законодательства РФ. – 24.08.2015. – № 34, ст. 4930.

Митчерлих «Неспособность скорбеть» описывается корреляция между особенностями социализации детей раннего возраста в кайзеровской Германии с акцентом на суровость и дисциплину и сложностями с институционализированным выражением травматических переживаний последствий Второй мировой войны в немецком обществе в 40-60е гг.⁴¹⁹. Такие духовные детерминанты казачества как православное вероисповедание, в сочетании с веротерпимостью, строгая нравственная дисциплина, патриотичное служение родине оказывают положительное влияние в деле реконструирования казачьей идентичности в созвучие с идентичностью общенациональной. С другой стороны, такие свойства казачьего менталитета как независимость, стремление к сохранению институтов самоуправления, исторически сформировавшееся чувство социальной привилегированности не способствуют сокращению разрыва между обществом в целом и казачеством как отдельной культурно-этнической группой.

Как и любая историческая травма, травма культурно-этнического сообщества тесно связана с проблемой временного лага. Реконструируемое общее прошлое восходит к непосредственному опыту, однако воспоминание о нём опосредуется нарративами, трансформирующимися вместе с рамками памяти. Культурные травмы потомков – это, в первую очередь, проблема поиска «самости», «самоидентификации». Обращаясь к историческим свидетельствам, научным исследованиям, тематическим художественным произведениям, они обнаруживают там знаки и символику былого величия сообщества, однако, не могут в полной мере отыскать им подтверждения в настоящем. В данном случае имеет место т.н. «ошибка травматического перевода», которую влечёт описанный Р. Айерманом парадокс формирования посттравматической идентичности: понятие новой казачьей идентичности формируется под влиянием поколения, для которого

⁴¹⁹ Mitscherlich, A., Mitscherlich M. The Inability to Mourn: Principles of Collective Behavior. New York: Grove Press. – 322 p.

рассказывание – это переживание давнего прошлого, а не настоящего (Eyerman, 2013); поколение, которое ориентируется, используя терминологию Д. ЛаКапры, не на «историческую утрату» (“loss”), сколько на «структурное отсутствие» (“absence”), абстрактный идеал, сформированный под влиянием банка символов и репрезентаций⁴²⁰. Как уже отмечалось ранее, далеко не каждое «проговаривание» травматических переживаний имеет конструктивный характер. Представляется, что в случае травмы казачества имеет место феномен «нарративного фетишизма», описанный У.Сантнером⁴²¹.

4. Используя разработанную Р. Мертоном классификацию способов адаптации к аномии, можно сделать вывод, что внутреннее освоение травмы казачьим сообществом на сегодняшний день происходит в двух направлениях: конструктивном и пассивном. Конструктивное направление построено на приёме инновации: преднамеренном «культурном творчестве», частичном изменении культурных паттернов культурно-этнической группы для адаптации ее к изменившейся среде (например, возвращение казачества на службу государства в обновлённых формах, поиск новых моделей казачьего самоуправления, совместимых с действующей вертикалью государственной власти). Пассивное направление, напротив, включает в себя модель ритуализма – культивирование традиций как укрытия от травмы⁴²².

На сегодняшний день вопрос возрождения казачества сохраняет свою остроту. Безусловно, в последние 30 лет как федеральными и региональными властями, так и общественными организациями была проделана масштабная работа, сформированы правовые основы развития казачества. Вместе с тем, акцент в работе с выстраиванием казачьей идентичности на государственном уровне делался на сакрифицированных страницах истории, постулирующих героические образы и поступки, канонизирующих участие казачества в

⁴²⁰ LaCapra D. Ibid. – P. 706

⁴²¹ Сантнер Э. Указ. соч. – С. 392

⁴²² Мертон С.К. Указ. соч.

коллективном подвиге народа в годы испытаний (например, Великой Отечественной Войны), в то время как виктимизированным формам памяти не уделялось достаточного внимания. Вместе с тем, не обладая масштабными средствами влияния на публичную память, казачеством как культурно-этнической группой была создана собственная коллективная память, где травма рассказывания стала одной из реконструированных контрольных точек идентичности, консолидирующим событием, символической матрицей понимания мира, В таком состоянии сообщество фактически начинает жить в состоянии хронического стресса, дальнейшее конструирование позитивного будущего затруднено, а наследие переосмысливается в контексте травматического опыта. В этой связи важно включение травматического опыта казачества в общегосударственный нарратив, его закрепление не только в нормативно-правовых документах, но и в образовательном и научном дискурсах, включение его в коммуникативно-значимые материалы. Преодоление исторической травмы казачества представляет собой перспективную сферу сотрудничества власти и общества: главная задача данного взаимодействия на организационном уровне – придать разнообразным коллективным воспоминаниям, не исключая их плюрализм, единообразное направление, которое свяжет индивидов и коллективы в единый субъект с общим прошлым и общим будущим.

Выводы по Главе 2

Во второй главе диссертационного исследования рассмотрены модели работы с коллективной травматической памятью. На теоретическом уровне выделяются три основные группы моделей реакций на травматическое прошлое: модели забывания истории, сопряженные с утратой органического единства общества, либо его коренным переформатированием, модели квазирепрезентации прошлого (подмена правдивых образов прошлого эрзац-репрезентациями), модели проработки травмы, включающие в себя стратегии интеллектуальной историзации, компромиссного и диалогического

памятования.

Делается вывод, что реакция на коллективную травму определяется не только психологическими механизмами, но и спланированными стратегиями и директивами (как конструктивными, так и направленными на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций).

Универсальную теоретическую модель работы с исторической травмой, представляется возможным описать метафорой двухэтапного перевода: первый этап предполагает деконструкцию травматического свидетельства в результате анализа (понимание и интерпретация), второй – «перевод» травматического переживания в адаптативные образы, обеспечивающие символическое единство аудитории-носителя травмы и более широкой периферийной аудитории (репрезентация).

Ключевыми задачами исторической политики России на протяжении последних 30 лет выступали преодоление травматических последствий политических репрессий советского периода, но и работа с травмой постсоветской идентичности с использованием модели «интеллектуальной историзации»: приписывание историческому событию социальной значимости посредством закрепления их в нормативно-значимых, в т.ч. обязательных для изучения текстах.

В результате проведённого исследования травмы казачества был определен ряд внутренних расколов, свидетельствующих о кризисе идентичности коллективного субъекта, ведущей к активизации патологических механизмов социальных защит. Травмирующее событие во много выступает самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности. Данная тенденция способна усилить сепарацию травмированной культурно-этнической группы от сообщества в целом.

Заключение

В ходе диссертационного исследования была реализована заявленная цель по выявлению механизмов коллективной травматизации и разработке методов работы с коллективной исторической травмой.

В работе даётся системное представление ключевых методологических подходов к изучению травмы как социального феномена.

Наиболее значимые различия данных подходов заключаются в следующих аспектах.

1. Отличное понимание механизма травматизации.

В психоаналитической парадигме травма рассматривается как деструктивное проявление памяти, нарушение мнемонического механизма, выраженное в неспособности разграничить актуальное и прошлое состояние носителя травмы, выражающееся в возникновении патологического механизма травматического повторения. Подобная патология обуславливается неспособностью травмированной общности к осмыслению пережитого негативного опыта и его интеграции в целостный нарратив представлений о себе в результате т.н. «кризиса свидетельствования», обусловленного как защитными психологическими механизмами, так и совокупностью определённых политических практик (замалчивание, табуирование).

В рамках культурно-социологического подхода под травмой понимается не только ментальный процесс, но и социальный конструкт, ключевую роль в создании которого играет медиация и производимая реконструкция травматического опыта, опосредованная историческим, культурным и институциональным окружением, в котором осуществляется речевой акт (репрезентация травмы). В качестве наиболее значимого фактора возникновения (актуализации) травматических переживаний выступает социальная среда.

2. Возможность травматического конструирования и проблема

репрезентации.

а) В рамках социологического подхода фактически любое событие, при наличии определённого набора факторов (культурной среды, структурных предпосылок, демографических условий) и необходимого объёма властных ресурсов, может быть «сконструировано» в травму.

б) Для психоанализа травма не конструируется, а существует априори даже в отсутствии конструирования.

3. Проблема репрезентации.

Изучение рецепции психоанализа в исследованиях общества, истории и культуры позволило выявить эволюцию понимания категории травмы от её осмысления как сбоя репрезентации, вызванного кризисом свидетельствования (Ш. Фелман, Д. Лауб) к функциональному пониманию травмы как субъективной и коллективной стратегии выживания, активизируемой посредством механизма косвенной референции (К. Карут) и возможности косвенной репрезентации травмы в концепциях представителей интеллектуальной истории (Д. ЛаКапра, Ф.Р. Анкерсмит).

В то время как в рамках психоаналитического подхода к исследованию травмы акцент делается на невозможности артикуляции травматического опыта, вызванной феноменом «кризиса свидетельствования» как результата нарушения мнемонического процесса, представители социологического подхода фокусируются на процессе осмысления трагического события на общем уровне именно через конструирование травматического нарратива.

4. Различные механизмы преодоления травмы.

В рамках психоаналитического подхода механизмы нивелирования неконструктивных последствий сопряжены с восстановлением психологического климата в сообществе, снижением конфликтного потенциала (носитель – окружающая среда; травмированная группа – масштабное сообщество; травмированная группа – виновные (или их преемники) и т.д.) Основным механизмом преодоления исторической травмы выступает «артикуляция травматических переживаний».

В социологической парадигме преодоление травмы направлено на достижение символического баланса и формирование устойчивых связей между отдельными сообществами путём конструирования травматического дискурса: установления на сознательном уровне наличия и источника страданий и распределение (в том числе и принятие на себя) ответственности за них.

Опираясь на основные теоретико-методологические подходы к пониманию травмы как социального феномена, автор обосновывает возможность экспансии термина «травма» в плоскость социальных наук. С позиций психоаналитического подхода коллективность травмы обуславливается общностью механизмов обработки травматического опыта, в частности его влиянием на способность к воспоминанию (вытеснение травматического события, сложности артикуляции травматического переживания, частичный возврат вытесненного). В рамках культурно-социологического подхода коллективность травмы является результатом акта коммуникации между носителями индивидуальных воспоминаний с более широкой аудиторией, способствующему распространению травматических переживаний.

В рамках диссертационного исследования предлагается следующая концептуализация исторической травмы как социального феномена. Коллективная историческая травма представляет собой рассогласование между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны.

В рамках диссертационного исследования даётся анализ моделей обращения с коллективной травматической памятью, обосновывается неэффективность императива забвения в работе с историческими травмами, изучаются модели квазирепрезентации прошлого (экстернализация,

взаимный зачёт вины, фальсификация, инструментализация травмы). Отдельное внимание уделяется моделям проработки травмы. Формулируются условия организации полноценной проработки травмирующего прошлого: наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией, институционализация перехода к безопасной правовой и информационной среде.

В результате исследования выделяют три наиболее эффективные модели детравматизации.

1) *Модель интеллектуальной историзации*, в соответствии с психоаналитическим подходом к преодолению травмы, позволяет разграничить воспоминания о травмирующем прошлом и настоящем, препятствуя механизму патологического повторения. Данная модель предполагает реконструкцию истории о травмирующем прошлом и её последующее закрепление в форме устойчивого нарратива в коммуникативно-значимых текстах. Подобная модель в российской исторической политике успешно применяется в работе с памятью о Великой отечественной войне.

2) *Модель компромиссного памятования* основана на выстраивании диалогической взаимосвязи между тремя элементами памятного нарратива: памятью означенных виновных, памятью жертв и свидетельской памятью. Существенную роль в заполнении сформировавшихся в результате как защитных психических механизмов, так и политических стратегий «лакун памяти» приобретает совместная профессиональных экспертных сообществ (например, в РФ: Ассоциация исследователей российского общества, Российское историческое общество, Российское военное историческое общество и др.).

3) *Модель диалогического памятования* характеризуется ослаблением монологизма групповой памяти, открытостью травматического дискурса. В отличие от компромиссного памятования она подразумевает не соглашение об определённой интерпретации исторических событий, требующее от

сторон уступок и трансформации «рамки памяти», а совместное производство исторического знания в общей истории нанесённой и пережитой травмы.

Основываясь на методологической комбинации основных подходов к изучению травмы, автор разрабатывает теоретическую модель работы с коллективной травмой – модель «двухэтапного перевода». Первый этап предполагает деконструкцию травматического свидетельства в результате анализа (понимание и интерпретация), второй – «перевод» травматического переживания в адаптивные образы, обеспечивающие символическое единство аудитории-носителя травмы и более широкой периферийной аудитории (репрезентация).

Суть комбинирования психоаналитического и культурно-социологического подхода к изучению травмы как социального феномена в разработке данной модели заключается в необходимости не только исследования «продуктов проговаривания травмы», но и анализа социально-политического контекста, в котором данные сообщения были созданы.

Экстраполируя психоаналитический подход на общественную жизнь, автор приходит к выводу, что проработка травмы возможна благодаря ликвидации практик осознанного забвения (табуирования) и восстановления подлинной памяти посредством грамотной разработанной схеме коммеморационных практик, направленных на поиск адекватного выражения подавляемых (сдерживаемых) травматических переживаний. Вместе с тем, далеко не каждое проговаривание имеет конструктивный характер. Во-первых, автоматическое, рефлекторное, бессистемное проговаривание лишь усиливает травматический эффект, способствуя более глубокому погружению в пространство травматического, бесконечному, неконструктивному «переживанию» травматической ситуации; во-вторых, бесконтрольное повествование о травматических событиях может быть использовано в целях создания т.н. «удобного прошлого», отвлекая внимания общественности от подлинной причины травматической боли. Подобные

практики умолчания и создания квазирепрезентаций, в свою очередь, могут привести к коллективным неврозам, лишая общества потенциала развития и адаптации к динамично изменяющейся окружающей среде. В этой связи залогом успешного преодоления исторической травмы выступает не только ликвидация практик умолчания, но и следующая за ней упорядоченная организация памяти о прошлом, включающая в себя приёмы пространственной и временной локализации. Особое значение в современном мире приобретает уход от монологического характера групповой памяти и выстраивание совместимых картин травматического прошлого отдельных сообществ.

В целом, реакция на коллективную травму определяется не только психологическими механизмами (вытеснения, забвения, самооправдания), но и спланированными стратегиями и директивами (как конструктивные: модель интеллектуальной историзации, модели компромиссного и диалогического памятования, так и направленные на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций: фальсификация, взаимный зачёт вины, экстернализация).

На основе методологического синтеза основных подходов к исследованию травмы предлагается теоретическая модель работы с исторической травмой, направленная на снятие ограничений репрезентативности травматического опыта: анализ травматического свидетельства с учётом как внутренних защитных механизмов, ограничивающих артикуляцию, так и внешних факторов создания сообщения, с последующим построением устойчивого посттравматического дискурса на основе адаптивных образов, обеспечивающих интеграцию травматического опыта в пространство памяти более широкой общности.

К числу основных задач исторической политики России на протяжении последних 30 лет относилось не только преодоление травматических последствий политических репрессий советского периода, но и работа с травмой постсоветской идентичности с использованием модели

«интеллектуальной историзации»: приписывания историческим событиям, обладающим консолидирующим потенциалом, социальной важности посредством закрепления их в нормативно-значимых текстах. Ключевыми особенностями российской исторической политики в области работы с коллективными травмами выступает использование таких стратегий проработки как легитимация артикуляции травматических переживаний, интеллектуальная историзация, компромиссное памятование, пространственная и временная локализация травматических событий для достижения универсальных форм символической повторяемости, охранительная политика в отношении исторической правды.

По итогам изучения специфики отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей в рамках диссертационного исследования делается вывод, что травматическое событие ведёт к возникновению кризиса идентификации коллективного субъекта, приводящему к активизации патологических коллективных социальных защит. Опосредованное данными механизмами функционирование общества осуществляется на основе ригидной картины мира с категоричными оценочными суждениями, построенными на конфликтогенной схеме «свой-чужой», а травмирующее событие становится самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности взамен утраченной и опосредует конструирование особых интерпретаций исторического прошлого. Данная тенденция способна усилить сепарацию травмированной этнокультурной группы от сообщества в целом.

В результате исследования было установлено, что травматический нарратив рассказывания строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы (признания системной политики рассказывания), при этом рассказывание воспринимается частью исследуемой культурно-этнической общности как незавершённый процесс. Это оставляет пространство для процесса инструментализации травмы, практические риски которого сопряжены с ростом этнической

напряжённости в регионах постоянного проживания представителей данной культурно-этнической группы, дискредитации представлений о казачьей государственной службе, значимость которой подчёркивается современными российскими государственными деятелями, затруднениям в реализации государственной политики, направленной на возрождение казачества.

Можно заключить, что разработанная в рамках исследования концепция исторической травмы обладает значительным эвристическим потенциалом и может быть эффективна в исследовании кризиса идентичности как следствия радикальных общественных информационных, в переосмыслении и выработке механизмов преодоления таких явлений как колониализм, политическое насилие, дискриминация.

На сегодняшний день очевиден вектор развития отечественной исторической политики, направленный на защиту позитивного имиджа государства и закрепление в сознании героических образов, направленный на преодоление кризиса идентичности, последовавшего за травматическим социальным изменением – распадом СССР. Вместе с тем, работа с травматической памятью о распаде Советского Союза ещё не завершена, в частности, не отражен в повестке памяти и не выработан определяющий нарратив 90-х гг. В этой связи исследования феномена исторической травмы и механизмов коллективной памяти представляет существенную важность для возможностей и перспектив успешной реализации исторической политики России. Представленные в диссертационном исследовании положения имеют практическое значение для разработки концепций по взаимодействию институтов политической власти и общества с целью достижения консенсуса власти и общества в процессах поиска эффективных путей преодоления исторической травмы, позволяя сохранять стабильность государственного развития, исключить возможность инструментализации травм, снизить риски дезинтеграции общества. Изучение механизмов коллективного памятования имеет принципиальное значение для реализации исторической политики государства.

Список литературы

Законодательные и иные нормативные акты органов государственной власти Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 22.09.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменений в статью 6 ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статью 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон от 01 июня 2021 г. № 280-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27, ст. 5108.
4. О государственной службе российского казачества : Федеральный закон от 05 декабря 2005 г. № 154-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 50, ст. 5245.
5. О реабилитации репрессированных народов : Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107-1 (в ред. от 1 июля 1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 02.05.1991. – № 18, ст. 5.
6. О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» : Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 (ред. от 04 февраля 2021 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – № 25, ст. 1429.

7. О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период : Указ Президента РФ от 24 января 1995 г. № 63 // Собрание законодательства РФ. – 30.01.1995. – № 5, ст. 394.
8. О Дне согласия и примирения : Указ Президента Российской Федерации от 07 ноября 1996 г. № 1537 // Собрание законодательства РФ. – 11.11.1996. – № 46, ст. 5242
9. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (вместе с «Положением о комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России») : Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 (ред. от 08 сентября 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 25.05.2009. – № 21, ст. 2541.
10. О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов : Указ Президента РФ от 18 июня 1996 г. № 931 // Собрание законодательства РФ. – 24.06.1996. – № 26, ст. 3059.
11. О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий : Указ Президента РФ от 14 марта 1996 г. № 378 // Собрание законодательства РФ. – 18.03.1996. – № 12, ст. 1063.
12. О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года : Указ Президента РФ от 10 января 1994 г. № 65 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 17.01.1994. – № 3, ст. 189.
13. Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы : Указ Президента РФ от 09 августа 2020 г. № 505 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.10.2020. – № 32, ст. 5259.

14. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года : Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/74484683/> (дата обращения: 22.09.2023).
15. О восстановлении прав всех жертв политических репрессии 20-50-х годов : Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/6323285/> (дата обращения: 22.09.2023).
16. О концепции государственной политики по отношению к казачеству: Постановление Правительства РФ от 22 апреля 1994 г. № 355 (ред. от 10 сентября 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.05. 1994 г. – № 3, ст. 210
17. О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катynie (Смоленская область) и Медном (Тверская область) : Постановление Правительства РФ от 19 октября 1996 № 1247 // Собрание законодательства РФ. – 28.10.1996. – № 44, ст. 5029.
18. Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561–р (ред. от 26 марта 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 24.08.2015. № 34, ст. 4930.
19. О дополнительных мерах по завершению реабилитации необоснованно репрессированных лиц : Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 1.
20. Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР : Указ Президиума ВС СССР от 01 сентября 1953 г. // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9149#ZV3S6aTqKPPSccrc1> (дата обращения: 22.09.2023).
21. О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении

- их прав : Декларация ВС СССР от 14 ноября 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 15.11.1990. – № 23, ст. 449.
22. О событиях в городе Новочеркасске в июне 1962 года : Постановление ВС РФ от 22 мая 1992 г. № 2822-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 04.06.1992. – № 22, ст. 1184.
23. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов : Указ Президиума ВС СССР от 16 января 1989 г. № 10036–XI (ред. от 31 июля 1989 г.) // Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 3, ст. 19.
24. О реабилитации казачества : Постановление ВС РФ от 16 июля 1992 г. № 3321-1 (ред. от 26 июня 2007 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 30.07.1992. – № 30, ст. 1805.

Научная литература

Монографии:

25. Александер Дж. Смысл социальной жизни: культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.
26. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
27. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000 г. – 437 с.
28. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
29. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
30. Багдасарян В.Э. Историческая политика / В.Э. Багдасарян, В.В. Бушуев. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 336 с.
31. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.

32. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. Медиум, 1995. – 97 с.
33. Брейер Й., Фрейд З. О психическом механизме истерических феноменов. – М.: ERGO, 2018. – 76 с.
34. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
35. Брусиловский Л.Я., Бруханский Н.П., Сегалов Т.Е. Землетрясение в Крыму и нейропсихический травматизм. – Ленинград: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1928. – 106 с.
36. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб: Алетейя, 2007. – 208 с.
37. Волкан В. Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. СПб: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2021. 352 с.
38. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
39. Дюркгейм Э. Анатомия успеха. – М.: АСТ, 2018. – 448 с.
40. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. 432 с.
41. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
42. Жане П. Психологическая эволюция личности. – М.: Академический проспект, 2010. – 399 с.
43. Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 733 с.
44. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. – М.: Гнозисс, 2019. – 432 с.
45. Ле Гофф Ж. История памяти. – М.: РОССПЭН, 2013. – 303 с.
46. Лифтон Р.Дж. Травмированное «Я» // Психологическая помощь

- мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2002. С. 78–89.
47. Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. – М.: Альтаир, 2017. – 636 с.
48. Мертон С.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.
49. Мид. Г. Дж. Философия настоящего. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. – 272 с.
50. Миллер А.И., Липман М. Историческая политика в 21 веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 648 с.
51. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. – М.: Флинта, 2017. – 184 с.
52. Озеров А.А. Политико-правовая институционализация современного казачества. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006. – 162 с.
53. Орлов И.Б. Устная история – Теория и методология истории / Отв. ред. Алексеев В.В., Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Гринин Л.Е. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 335–355.
54. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 352 с.
55. Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. – М.: ФИВ, 2014. – 320 с.
56. Рикёр П. Память, история, забвения. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
57. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Канон-пресс-Ц, 2002. – 623 с.
58. Силкевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). – М.: Механик, 1996. – 204 с.

59. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир. 2020. – 352 с.
60. Федосеев И.А., Берхин И.Б. История СССР. Учебник для 9 класса. – М.: Просвещение, 1982. – 382 с.
61. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. – СПб: Азбука Классика, 2010. – С. 730–914.
62. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
63. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. – М.: Республика. – С. 252–260.
64. Фрейд З. Торможение, симптом и тревога // Истерия и страх Зигмунд Фрейд. – М.: Фирма СТД, 2006. – С. 227–308.
65. Фрейд З. Тотем и табу // Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс. – С. 363–528.
66. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия // Я и Оно: Сочинения. – М.: Эксмо-Пресс. – С. 915–1038.
67. Фрейд З. Я и Оно. – Ленинград: Academia, 1924. – 64 с.
68. Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 1. – СПб: Восточно-европейский институт психоанализа. – 464 с.
69. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2007. 624 с.
70. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
71. Хабермас М. Теория коммуникативной деятельности. – М.: Весь мир, 2022. – 880 с.
72. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 478 с.

73. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издание, 2021. – 355 с.
74. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. – 664 с.
75. Эшпле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 574 с.
76. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М., 2016. – 336 с.
77. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Канон++, 2019. – 305 с.
78. Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. Crisis, Choice, and Change; Historical Studies of Political Development. – Boston: Little, Brown and company, 1973. – 744 p.
79. Abraham N., M. Torok L'écorce et le noyau. – Paris: Aubier-Flammarion, 1978. – 494 p.
80. Bohleber V. Trauma, Trauer und Geschichte. // Liebsch B., Rosen J. (Eds). Trauer und Geschichte. – Koln 2001. – 131 – 145 pp.
81. Caruth C. Trauma: Exploration in Memory. – Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1995 – 278 p.
82. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 1996. – 154 p.
83. Chakrabarty D. History and the Politics of Recognition // Jenkins K., Morgan S., Munslow A. (Eds.). Manifestos for History. – New York, 2007. – P. 77–87.
84. Eyerman R. Between Culture and Politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 232 p.
85. Eyerman R. Political Assassination, Trauma and Narration // The Cultural Sociology of Political Assassination. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 9 –32 pp.
86. Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. – New York.: Routledge, 1992. – 312 p.

87. Felman Sh., Laub D. Writing and Madness: Literature / Philosophy / Psychoanalysis. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 255 p.
88. Giesen B. Triumph and Trauma. – London: Paradigm publishers, 2004. 196 p.
89. Halévy D. Essai sur l'accélération de l'histoire. – Paris: Arthème Fayard, 1961. – 166 p.
90. Heller M., Nekrich A. Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. – New York: Summit Books, 1986 – 877 p.
91. Janet P. The Major Symptoms of Hysteria. – New York: Macmillan, 1907. – 332 p.
92. Klein M. Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant in: J. Riviere, Joan (Hg.): Developments in Psychoanalysis. – London: Hogarth, 1952. – 39 p.
93. Kosselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeite. – Frankfurt a. M.: Schurkamp, 1995. – 389 p.
94. LaCapra D. History and Criticism. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 148 p.
95. LaCapra D. History and Memory after Auschwitz. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 214 p.
96. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. – Ithaca, Cornell University Press, 1994. – 230 p.
97. LaCapra D. Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 351 p.
98. Lewis T. The Soldier's Heart and the Effort Syndrome. – New York: P.B. Hoeber, 1919. – 144 p.
99. Loewenberg P. Fantasy and Reality in History. – New York., Oxford: Oxford University Press, 1995. – 244 p.
100. Mitchell J. Mad Men and Medusa: Reclaiming Hysteria and the Effect of Sibling Relations on the Human Condition. – London: Penguin Books, 2000. – 365 p.

101. Meier Ch. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des
Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. –
München, 2010. – 160 p.
102. Mitscherlich, A., Mitscherlich M. The Inability to Mourn: Principles
of Collective Behavior. – New York: Grove Press, 1979. – 322 p.
103. Neal A. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the
American Century. – Armonk, New York: Sharpe, 1998. – 421 p.
104. Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Boston: Houghton Mifflin,
1950. – 756 p.
105. Rummel R. Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since
1917. – New-Jersey: Transaction Publishers, 1990. – 287 p.
106. Ruppert F. Trauma, Bonding and Family Constellations:
Understanding and Healing Injuries of the Soul. – Trudoxhill: Green
Balloon Publishing, 2008. – 356 p.
107. Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. – New York: The Free
Press. 1963. – 436 p.
108. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford, 1993. – 348
p.
109. Thompson K. Moral Panics. – London: Routledge, 1997. 157 p.
110. Volkan V.D. A Nazi Legacy: Depositing, Transgenerational
Transmission, Dissociation, and Remembering Through Action. – London:
Karnac/Routledge, 2015. – 130 p.
111. Werth N. The Black Book of Communism: Crimes, Terror,
Repression. – Harvard University Press, 1999. – 912 p.
112. Yerushalmi J.H. Freud's Moses: Judaism Terminable and
Interminable. – New Haven: Yale University Press, 1991. – 192 p.

Диссертации:

113. Сопов А.В. Динамика социально–политического и
этнокультурный статус казачества: автореферат дисс. ... доктора
исторических наук : 07.00.07. – Москва: 2012. – 504 с.

114. Мороз О.В. Культурная травма в российском литературном дискурсе конца XX века: Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин. Дисс. ... кандидата культурологии : 24.00.01. – Москва: 2012. 281 с.
115. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. ... доктора философских наук : 09.00.13 – Нижний Новгород: 2018. 335 с.
116. Суверина Е.Г. Репрезентация современности в российском кино 200-х: постсоветское как культурная травма. Дисс. ... кандидата наук о культуре : 24.00.01. Москва, 2022. 147 с.
117. Трубицына Л.В. Переживание травмирующего события как проблема психологии личности. Дисс. ... кандидата психологических наук : 19.00.01. – Москва: 2005. 201 с.

Научные статьи:

118. Аейрман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. – № 1. – 2013. – С. 121–138.
119. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171 (дата обращения: 22.09.2023).
120. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.
121. Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik> (дата обращения: 22.09.2023).
122. Аникин Д.А. Травматизация исторической памяти: европейский проект vs национальный дискурс // Studia Humanitatis. – 2019. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/en/node/854> (дата обращения: 22.09.2023).

123. Аникин Д.А. Травматизация прошлого: методология исследования и основные подходы // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-proshlogo-metodologiya-issledovaniya-i-osnovnye-podhody> (дата обращения: 22.09.2023).
124. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // *Вопросы политологии*. – 2020. - № 1(53). – Т. 10. С. 19–28.
125. Аникин Д.А., Головашина О.В. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве. // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера*. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 166–179.
126. Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 425. – С. 78–84.
127. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // *Вестник славянской культуры*. – 2018. – Т.48. – С. 29–40.
128. Бабурин С.Н., Багдасарян В.Э., Ивашов Л.Г., Катасонов В.Ю., Маслов Д.В., Реснянский С.И., Степанян А.О., Сулакшин С.С. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. – 2021. - № 4. – С. 6–41.
129. Багдасарян В.Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // *Вестник Московского*

- государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 1. – С. 7–19.
130. Багдасарян В.Э. Мировоззрение в проекции политической мифологии: генезисные основания идеологического строительства // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. - № 3. – С. 41–51.
131. Башмаков И.С. Гражданская активность современного российского казачества: основные формы и практики // Общество, политика, экономика, право. – 2023. – № 6. – С. 32–36.
132. Бронников И.А. Сетевой гражданский активизм в политическом процессе России // Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. В.И. Якунина. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – С. 538–549.
133. Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 4. – С. 3–12.
134. Ван дер Харт О., Нейенхюс Э., Стил К. Структурная диссоциация личности. Основные положения // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 2. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/strukturnaya-dissociaciya-lichnosti-osnovnye-polozheniya> (дата обращения: 22.09.2023).
135. Вацетис И. Борьба с Красновым // Известия ВЦИК. – 1919. – № 20–25.
136. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
137. Ганнушкин П.Б. Об одной из форм нажитой психической инвалидности // Труды психиатрической клиники Первого Московского государственного университета. 1926. – Вып. II
138. Головашина О.В. Как боль становится общей? Культурная

- травма как процесс // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/golovashina-ov-kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-process>. (дата обращения: 22.09.2023).
139. Головашина О.В. Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // *Социологическое обозрение*. – 2022. – Т. 21. – № 3. – С. 59–83.
140. Долгов А.Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе: «Мы из СССР» // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей* / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 59–76.
141. Евгеньева Т.В. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов // *Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др.* / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 79–91.
142. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2013. – № 3. – С. 158–166.
143. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.
144. Ерохина Т.И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // *Ярославский педагогический вестник*. – 2017. – № 5. – С. 269–274.
145. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретация феномена // *Interectum*. – 2013. – № 1. – С. 6–16.

146. Зевако Ю.В. Формирование «аффилиативной постпамяти» об эпохе политических репрессий (на примере подростков – обучающихся 9–11 классов) // Журнал Фронтирных Исследований. – 2019. – № 2-2(16). – С. 390–409.
147. Иванов А.В. «Расказачивание» – трагический, но закономерный финал. Возрождение казачества: каким ему быть? // Научный диалог. – 2013. – № 6(18). – История. Социология. Этнография. – С. 43–62.
148. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 6 – 32.
149. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 561–582.
150. Кислицын С.А. «Расказачивание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20х гг. // Возрождение казачества: история и современность. – Материалы V Всероссийской (международной) конференции. – Новочеркасск, 1994. – С. 98–106.
151. Кислицын С.А. «Расказачивание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20–х гг. // Возрождение казачества: история и современность: Материалы V Всероссийской (международной) конференции. – Новочеркасск, 1994. – С. 98–106.
152. Кислицын С.А., Кириченко А.В., Шолохов В.Л. Южнорусское казачество и этнополитические конфликты на Дону и Северном Кавказе // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. – Материалы международного круглого стола. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 220–225.
153. Климась Д.Г. Обзор книги «Понимание травмы. Психоаналитический подход» под ред. К. Гарланд, 2-е дополненное издание, 2002 // Журнал практической психологии и психоанализа. –

2010. – №1. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/obzor-knigi-ponimanie-travmy-psihoanaliticheskiy-podhod-pod-red-k-garland-2-e-dopolnennoe>
(дата обращения: 22.09.2023).
154. Ковалёв В.В. Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Том 6. - № 1(19). – С. 62–76.
155. Козлов А.И. Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С.20–33.
156. Козлов А.И. Рассказывание (К истории массового террора на Дону) // Родина. – 1990. – №6. – С. 43–47.
157. Кузнецов К.А., Щелин П.А. Национальная идентичность и устойчивость государственность // Comparative Politics. – 2014. – № 1(14). – С. 31–35.
158. Кузьмина Н.В. Установление мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности: проблемы практики правоприменения // Российский следователь. – 2010. – № 24. – С. 18–22.
159. Ларкина Е.В., Папилин Г.А. Реабилитация жертв политических репрессий в советском праве (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 3 (57). – С. 35–47.
160. Лосев Е.Ф. Рассказывание // Волгодонская правда. – 1990. – № 41. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000040/index.shtml>
(дата обращения: 22.09.2023).
161. Малинова О.Ю. Политика памяти в постсоветской России. Расшифровка видеолекции. – URL: <https://postnauka.ru/video/41333>.
(дата обращения: 22.09.2023).
162. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 114–130.

163. Малинова О.Ю. Символические проекции прошлого: К пониманию феномена «коллективной памяти» // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 334–341.
164. Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2003. – № 5(29). – С. 25–56.
165. Мациевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 5 (13). – URL : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/5/matsievsky.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).
166. Миллер А.И. Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ // // Символическая политика: Сборник научных трудов под ред. Малиновой О.Ю., Ефременко Д.В. и др. / РАН ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 210–235.
167. Миллер А.Ю. Россия: власть и история. Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – С. 6–23.
168. Мороз О.В., Суверина Е. В. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 54–70.
169. Наумов Д.И. Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект // Теология. Философия. Право. – № 3(11). – 2019. – С. 33–42.
170. Николаи Ф.В. Перспективы «цифрового поворота» в memory studies // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 339–343.

171. Николаи Ф.В., Кобылин И. И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России. Кухонные разговоры с ветеранами локальных конфликтов // Логос. – 2017. – Т. 7 – № 5. – С. 115–131.
172. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 31–44.
173. Николаи Ф.В., Хазина А.В. На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш // Диалог со временем. 2013. – Вып. 43. – С. 162–170.
174. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 22.09.2023).
175. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция–память / П. Нора, М. Озуф и др. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.
176. Павловский А.Ф. Введение. Цифровые рамки коллективной памяти. Куда ведёт цифровой поворот в memory studies? // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сборник статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – С. 7–11.
177. Потамская В.П. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: травма и нарратив // Материалы Всероссийской научно–практической конференции «Современная научная мысль». – Чебоксары: НГОУДПО «Экспертно-методический центр», 2018. – С. 65–С.73.
178. Потамская В.П. Философия Д. ЛаКапры: основные понятия и категории // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». – 2018. – № 2. – С. 157–164.

179. Потамская В.П. Философия Х. Уайта: проблема репрезентации Холокоста // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современная научная мысль». – Чебоксары: НГОУДПО «Экспертно-методический центр», 2018. – С. 5–14.
180. Рвачёва О.В. Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. – № 5. – 2010. – С. 143–147.
181. Романов И.Ю. Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкарёвой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. – Том II. – № 4. – С. 75–95.
182. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ–ВШЭ, 2005. – С. 170–220.
183. Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 69–77.
184. Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 481. – С. 84–89.
185. Самсонова Н.Н. Травма рассказывания в коллективной памяти культурно-этнической общности // Вестник Пермского университета. Серия "Политология". – 2023. – Том. 17. – № 2. – С. 71–81.
186. Самсонова Н.Н. К вопросу об использовании категории «коллективная историческая травма» в политической науке // Вопросы политологии. – 2023. – Том 13. – №1 (89). – С. 48–57.
187. Самсонова Н.Н. Трансгенерационный подход в изучении механизмов передачи коллективной травмы // Вопросы политологии. – 2023. – Том 13. – №4 (92). – С. 1476–1484.
188. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей

- / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 389–407.
189. Сафронова А.Ю. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / Под ред. Миллера И.А., Ефременко Д.В. – М.–СПб: Нестор–История, 2018. – С. 11–26.
190. Скворцов И.С. Категории травмы и забвения в концепции художественно-исторического опыта Ф.Р. Анкерсмита // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8. – С. 167–170.
191. Сошин Ю.А. К столетию казакоцида // Вопросы национализма. – 2019. – №1 (32). – С. 162–165.
192. Суверина Е.Г. Архив, событие и историческая травма. Интервью с профессором Корнелльского университета Кэти Карут // Лаборатория публичной истории. – 14.01.2015. – URL: <http://publichistorylab.ru/archives/176>. (дата обращения: 22.09.3033).
193. Токер Л. Лагерная литература и её читатель. // Славянский альманах. – 2002. – Т.8. – № 11. – С. 119–134.
194. Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 5–44.
195. Федунина Н.Ю., Бурмистрова Е.В. Психическая травма. К истории вопроса // Консультативная психология и психотерапия. – 2005. – № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihicheskaya-travma-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 22.09.2023).
196. Фелькер А.В. «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник

- научных трудов / Под ред. Миллера И.А., Ефременко Д.В. – М.–СПб: Нестор–История, 2018. – С. 93–109.
197. Фонда П. Война и ментальное функционирование группы // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2017. - № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/voyna-i-mentalnoe-funkcionirovanie-gruppy> (дата обращения: 22.09.2023).
198. Ханелия Н.В. Современные представления о трансгенерационной передаче травмы // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2019. – № 1. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/sovremennye-predstavleniya-o-transgeneracionnoy-peredache-travmy> (дата обращения: 22.09.2023).
199. Хрусталева Н.С. Переживания психической травмы и печали в условиях миграции // Вестник Санкт–Петербургского университета. Сер. 12. – 2010. – Вып. 1. – С. 253–258.
200. Чернопицкий, П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы возрождения казачества: сборник научных статей. Часть 2. – Ростов-на-Дону: издательство РГУ, 1996. – С. 84–88.
201. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
202. Щетнёв В.Е. Рассказывание как социально–историческая проблема // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 1997. – № 1. – С. 13–36.
- 203.
204. Da Costa J.M. On Irritable Heart: A Clinical Study of a Form of Functional Cardiac Disorder and Its Consequences // American Journal of the Medical Sciences. – 1871. – N 61. – 17–52 pp.
205. Gomolin R.P. The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited // Psychoanalytic Quarterly. – 2019. – N 88(3). – 461–500 pp.

206. Hartman G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. – 1996. – N 3. – 537–563 pp.
207. Holquist P “Conduct merciless mass terror”: decossackization on the Don, 1919 // Cahier du Monde Russe. – 1997. – 127–162 pp.
208. Jaques E. Social Systems as Defence Against Persecutory and Depressive Anxiety // New directions in psycho-analysis: the significance of infant. London: Tavistock. – P. 478-498
209. Kaplan J. Moses, Murder, and the Jewish Psyche // Jewish Review of Books. – 2018. – URL: <https://jewishreviewofbooks.com/articles/3051/moses-murder-jewish-psyche> (дата обращения: 22.09.2023).
210. Konnolly A. Healing the wounds of our fathers: intergenerational trauma, memory, symbolization and narrative // Journal of Analytical Psychology. – 2011. – Vol. 5(56). – P. 607–626.
211. La Capra D. Traumatropisms: From Trauma via Witnessing to the Sublime? // History and Its Limits: Human, Animal, Violence. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 59–80 pp.
212. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. – 1999 – N 4. – 696–727 pp.
213. Long S. Organizational Defenses Against Anxiety: What Has Happened Since the 1955 Jaques Paper // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. – 2006. – N 3(4). – 279–295 pp.
214. Passerini L. Shareable Narratives? Intersubjectively. Life Stories and Reinterpreting the Past // Berkely Paper. – 2006. – August. – 11–16 pp.
215. Putin V.V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. – 18.06.2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982?page=0%2C1> (дата обращения: 22.09.2023).

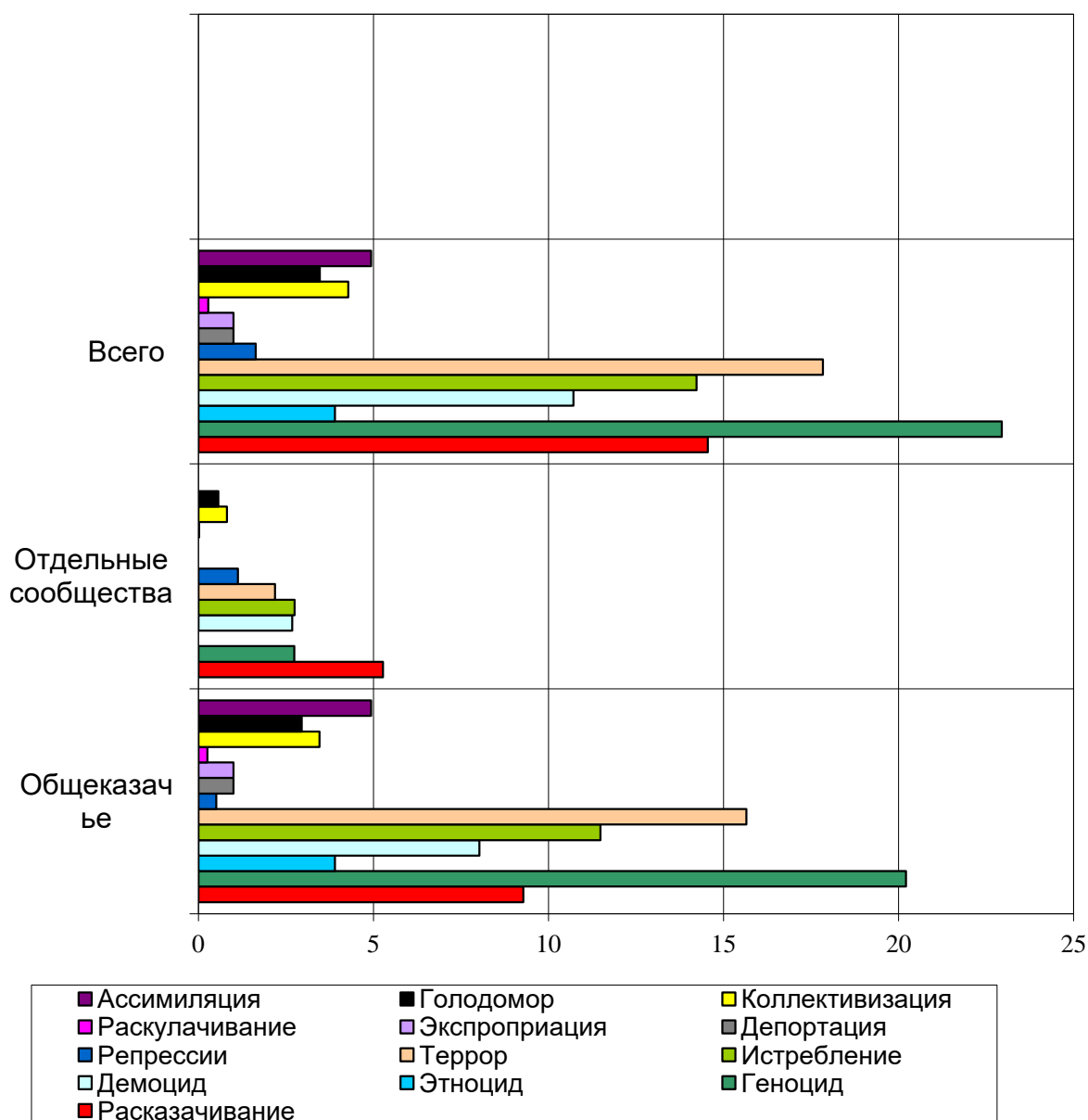
216. Scherrer J. Russlands neue–alte Erinnerungsorte // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2009. – URL: <http://www.bpb.de/apuz/29874/russlands-neue-alteerinnerungsorte?p=all> pamyati.html. (дата обращения: 22.09.2023).
217. Smith K, Berg D. A paradoxical conception of group dynamics. Human Relations. 1987. N 40. – 633–658 pp.
218. Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change Europe // European Journal of Social Theory. – 2000. – № 3(4). – 449–466 pp.
219. Yassa M. Nicolas Abraham and Maria Torok – the inner crypt // The Scandinavian Psychoanalytic Review. – 2002. – Vol. 2(25). – 82–91 pp.

Иные источники:

220. Бюро Федерального политсовета Партии народной свободы (ПАРНАС). Заявление ПАРНАС к столетию геноцида казачества. URL: <https://www.parnasparty.ru/news/49> (дата обращения: 22.09.2023).
221. Медведев: Сталинским репрессиям не может быть оправдания // РИА Новости. 2009. – URL: <https://ria.ru/20091030/191235764.html> (дата обращения: 22.09.2023).
222. Карут К. Литература и травма. Расшифровка видеолекции. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/52661> (дата обращения: 22.09.2023).
223. Путин: Сталинским репрессиям нет оправдания // Life. 2010. – URL: <https://life.ru/p/19963> (дата обращения: 22.09.2023).
224. Путин В.В. Быть сильными. – URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 22.09.2023).

Приложение 1

Результаты количественного анализа в категориях «Определение источника боли и природа жертвы» (в процентном соотношении)

Приложение 2

Результаты контент-анализа категории «Распределение ответственности» (в процентном соотношении)

Персональная ответственность			Коллективная ответственность		
Персоналии	Всего		Подгруппа	Всего	
	Доля от группы (%)	Доля от общего числа (%)		Доля от группы (%)	Доля от общего числа (%)
С.М. Киров	2,68	0,71	Советское государство	48,14	35,35
Г.К. Орджоникидзе	12,03	3,2	Вооруженные силы	14,5	10,65
Я.М. Свердлов	10,73	2,85	Гос. органы	15,58	11,44
Н.А. Френкель	1,39	0,37	Советское казачество	5,9	4,33
И.Э. Якир	1,2	0,32	Современное государство	15,88	11,66
И.И. Вацетис	1,83	0,49	Всего		73,43
Л.Д. Троцкий	10,45	2,78			
Г.Г. Ягода	1,14	0,3			
Н.И. Ежов	7,3	1,94			
В.И. Ленин	32,22	8,56			
И.В. Сталин	19,03	5,05			
Всего	26,57				

Приложение 3

Содержание структурного массива

Содержательно установочный уровень (А)						
Историческая травма казачества как культурно-этнической общности						
Тематический уровень						
(В1) Организация памяти о жертвах рассказывания		(В2) Восстановление исторической справедливости		(В3) Возрождение казачества		
Проблемный уровень (С)						
(С1) Организация памяти о жертвах рассказыва ния	(С2) Репрезентаци я трагедии казачества в образователь ном дискурсе	(С3) Наследие большевистск ой власти	(С4) Проблема признания рассказыван ия	(С5) Раскол казачества на «красное» и «белое»	(С6) Институционализ ация казачества	(С7) Проблема этнического самоопределения казачества
Целевой уровень (D)						
Локальный характер памятования	Асимметрия освещения трагедии казачества	Маркеры советского прошлого как факторы фрустрации для казачества	Репрессии против казачества как незавершенн ый процесс, протекающий в форме ассимиляции	Конфликт памяти потомков красного и белого казачества	Восприятие реестрового казачества как искусственно созданной конструкции	Право казачества на этническую самоидентифика цию как важнейший способ преодоления последствий репрессивных действий в отношении казачества как народа
Атрибутивный уровень (Е)						
Осложнение выстраивания связи между носителями переживания и массовой аудиторией-реципиентом		Осмысление реалий в контексте травматическо го прошлого реалии настоящего переосмысляю тся в контексте травматическо го прошлого	Риск перенос ответственно сти за травму казачества на современное государство	Внутренние расколы как фактор, осложняющ ий выстраиван ия идентичнос ти современн ого казачества	Принадлежность к реестровому казачеству и этническому казачеству – разные элементы казачьей идентичности, которые могут вступать в конфликт	Признание казаков народом тождественно признанию «геноцида казачества»; если же казаки не являются самостоятельны м народом – они пострадали от гражданской войны и репрессий в равной степени с другими общностями